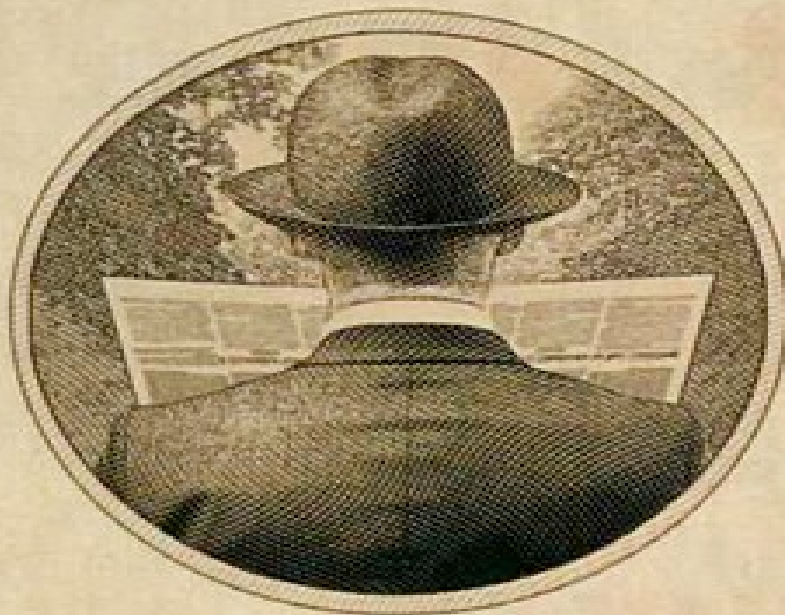

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ДЖОН
ЛЕ КАРРЕ

ЗВОНОК МЕРТВЕЦУ

УБИЙСТВО
ПО-ДЖЕНТАЛЬМЕНСКИ

Annotation

Известие о самоубийстве чиновника министерства иностранных дел Сэмюэла Феннана озадачило Джорджа Смайли. Ведь у Феннана не было причин добровольно расстаться с жизнью. Тогда действительно ли это было самоубийство? Возможно, Феннана просто убрали? Но кто и почему?..

- [Джон Ле Карре](#)
 - [От автора](#)
 - [Звонок мертвецу](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
-

Джон Ле Карре
Звонок мертвецу

От автора

Март 1992 года

За исключением, вероятно, самой той персоны, у которой берут интервью, нет никого более предсказуемого, чем интервьюер, и, по моему личному опыту, они делятся на две категории, можно даже сказать — на две возрастные группы. Те, кому перевалило за сорок, нервно поглядывают на мои седины и в той или иной форме допытываются: долго ли я еще протяну? Не достигшие сорока и еще лелеющие надежду, что сами в будущем могут стать писателями, неизменно интересуются: как я начинал? Поскольку «Звонок покойнику» был моей первой книгой, я не стану здесь отвечать на вопрос старших, ответа на который у меня нет все равно, и расскажу о начале своего пути в литературе.

Я начал писать, потому что сходил с ума от скуки. Не от той апатичной, ленивой скуки, которая мешает вставать по утрам с постели, а от бесцельных метаний, гонки по замкнутому кругу в поисках стоящего занятия, которого не мог для себя найти. Я попробовал роль учителя для «отстающих» детей, и, как выяснилось, у большинства из них проблема была та же: они страдали от невыносимой скуки. В классе они садились на задние парты и изнывали от тоски. Я попытался преподавать в Итоне, но там я часто чувствовал себя моложе своих учеников и так же, как и они, имел потребность в хорошем наставнике. И, уж конечно, меня не радовала перспектива, которую я видел в конце длинного коридора жизни: директор школы к сорока, выход на пенсию в шестьдесят, уютный домик в Девоне, и единственное желание — Боже, даруй мне спокойный сон в эту славную ночь.

Преподавательскую деятельность во время школьных каникул я пробовал совмещать с работой художника в коммерческой рекламе, но тоже без особого успеха. Чтобы труд приносил удовлетворение, все, что я рисовал или писал, должно было по меньшей мере объяснять смысл жизни. Но много ли возможностей вложить душу в творчество,

когда ты всего лишь оформляешь суперобложки для детских книг, получая по восемь фунтов за штуку?

Что до писательства, то, если не считать детских стихотворений, я за все те годы создал только одно произведение. Пока я еще преподавал в Итоне, издательство «Бодли хед» попросило меня написать экзаменационный текст для чтения на немецком языке, рассчитанный на студентов со средним уровнем подготовки. И я написал для них рассказ об уличном художнике, который в один прекрасный день создал пастелью на мостовой пешеходной зоны Трафальгарской площади подлинный шедевр: «Мону Лизу». Даже лучше. И он знал. Надвигался дождь, наступали часы пик. Никакого фиксатора у него не было. А плиты мостовой принадлежали не ему, а городскому совету. Задним числом я понял, что написанная мной история могла послужить прямой метафорой к моему собственному нереализованному таланту, пусть я и не знал, в чем именно он заключался, который не хотели замечать спешащие по своим делам люди. Надо ли говорить, что рассказ совершенно не соответствовал тем целям, которые поставили передо мной редакторы «Бодли хед», и они его завернули. Годы спустя Грэм Грин, который публиковался в «Бодли хед» и был у них кем-то вроде директора на общественных началах, написал мне письмо с предложением сотрудничать с ними. Но вот вам характер типичного писателя: я их не простил за первый отказ и не прощу никогда.

Уйдя из учителей, я вновь вернулся в коридоры власти Уайтхолла и уже скоро работал в одном страшно секретном здании Уэст-Энда, хотя каждый лондонский таксист знал, что в нем располагалась МИ-5 — государственная британская служба контрразведки. Пять дней в неделю я вставал в шесть утра, завтракал, совершал получасовую прогулку до вокзала в Грейт-Миссендене, городке, где я тогда жил, шестьдесят пять минут ехал поездом до Марилебон, а оттуда автобусом добирался до Леконфилд-Хауса на Керзон-стрит, где на входе показывал пропуск. После работы я возвращался тем же путем, но частенько оказывался дома с верной женой и маленьким сыном не раньше десяти или одиннадцати вечера.

Мир, окружавший меня в Лондоне, был миром, состоявшим исключительно из бумаг. Секретная служба держится на досье, я стал одним из пехотинцев той армии, которая их составляла. Подобно Бобу

Крэтчиту^[1] в его каморке, я упорно трудился с утра и нередко до позднего вечера над личными делами людей, с которыми никогда не встречался: можем ли мы доверять ему? Или ей? Могут ли им доверять их работодатели? Может ли он стать предателем, шпионом, отчаявшимся одиночкой, может ли быть путем шантажа завербован нашими неразборчивыми в средствах врагами? Таким образом, я, который до сих пор не повзрослел настолько, чтобы разобраться в себе самом, получил поручение выносить суждения о поведении и личной жизни других людей. При этом я совершенно не разбирался в том, как устроен реальный мир, мне был ведом только свой. Единственными ключами к пониманию чужих характеров служили черты моей собственной натуры. А поскольку натурой я был многогранной, то воображаемые мосты, которые я возводил между собой и моими бумажными подозреваемыми, неожиданно создали мне репутацию толкового работника, умеющего видеть и ясно излагать материал. На самом деле это совершенно не соответствовало действительности. Я занимался лишь тем, что лепил якобы реальные человеческие характеры из такой скудной глины, как данные прослушки телефонных разговоров, перлюстрации и донесения агентуры. Все остальное мои подозреваемые получали от меня лично. Трудно назвать подобную работу добросовестной, но среди окружавшей меня посредственности даже она легко сходила за таковую. И, как выяснилось, стала превосходной подготовкой к дальнейшей карьере, которую тогда сознательно я все еще для себя не избрал: а именно — к писательству.

Гораздо позже я понял, что романист воспринимает своих персонажей с тем же завуалированным непониманием, с каким ребенок относится к взрослым. Он рассматривает их с такой же смесью отстраненности и подозрительности, с такой же болью и удивлением, которые перемежаются со вспышками изменчивой любви. И, наблюдая за ними, он заносит каждого в свой потайной бестиарий, чтобы мысленно восхищаться ими, подражать им или же отвергать и даже наказывать. Скрытый от посторонних глаз мирок контрразведки создает своим обитателям удивительно благоприятную среду для сохранения подобного детского восприятия. Внутри своих стен мы, молодые сотрудники, ощущали себя вполне сформировавшимися, зрелыми людьми. Но стоило выпустить нас в среду по-настоящему взрослых людей, как мы терялись, словно несмышленные дети.

Именно об этом в «Звонке мертвецу» Эльза Феннан говорит Джорджу Смайли при их первой встрече.

Однако, помимо своих бумаг и досье, я, конечно же, был окружен коллегами и никогда не встречал более странного сообщества людей. Мир секретных служб так же реален, как и обычный мир, но, как сказал Кестлер^[2] про мир евреев, еще более реальный. Наделавший потом много шума Питер Райт^[3] тоже ведь ходил одними с нами коридорами и, вероятно, как я сам, подсознательно готовил себя к будущей карьере литератора. Наши начальники ненавидели друг друга по причинам, о которых нам не положено было знать. Но еще больше они ненавидели вторую спецслужбу, приходившуюся нам родной сестрой, — МИ-6 — главное разведывательное ведомство Великобритании. Они, кроме того, ненавидели политиков, коммунистов и очень многих репортеров. Как теперь всем известно, они ненавидели премьер-министра Гарольда Вильсона и его «кухонный» кабинет. Нервная обстановка в нашем учреждении порой просто пугала. Люди, которые еще вчера работали с тобой бок о бок, могли завтра исчезнуть. Были они уволены или отправлены куда-либо с секретной миссией, нам опять-таки не дано было знать. Как правило, их все же увольняли. Из этих таинственных появлений и исчезновений коллег я позднее соткал историю Алека Лимаса в «Шпионе, пришедшем с холода», чье увольнение оказалось хитроумной уловкой. Увы, на деле все обстояло куда проще. Большие мастера своего дела соседствовали с вопиюще некомпетентными сотрудниками, и, будучи новичком, ты никак не мог предвидеть, с чем столкнешься в следующий раз.

Поначалу тебе даже казалось, что дураки только разыгрывают из себя дураков, участвуя в какой-то тонко задуманной обманной операции. Или что на самом деле существует какая-то другая, настоящая и эффективная секретная служба. Позже в своих произведениях я именно такую службу и выдумал. Но, к сожалению, реальность оборачивалась сплошной посредственностью. Полицейские из бывших колоний, смешиваясь с неудачниками-учеными, неудачниками-юристами, неудачниками-миссионерами и потерпевшими крах светскими львицами, способствовали тому, что в нашей прославленной столовой царила атмосфера пикника для ветеранов. От каждого слегка пахло пережитыми неурядицами.

И только со временем я понял, что наша служба все же обладает собственным лицом, а у всех выработалась общая привычка: встретиться с тобой взглядом, потом отвести глаза в пол, затем в сторону — взгляды тянулись к тебе, а потом сразу все же отторгали. Изолированность и замкнутость в себе каждого из нас напоминала странные пузыри на картинах Иеронима Босха — заключенным в них людям не дано слиться в поцелуе или прикоснуться к другим. Об этом я тоже много позже написал в «Секретном пилигриме».

Вероятно, нас до такой степени разобщал сам секретный характер нашей работы, ощущение, что ты знал больше или (Боже, сохрани) меньше, чем твой коллега. Именно тайны были нашей валютой, и человек, владевший наибольшим количеством информации, чувствовал и наибольшее довольство собой. Только временами, посещая студии Би-би-си или получая приглашения на приемы в «великие» британские газеты, я ощущал атмосферу такого же взаимного недоброжелательства и зависти.

Но для человека, в котором подспудно и еще неведомо для него самого созрел будущий писатель, не было ничего лучше, чем эта тоскливая обстановка мира спецслужб.

Окончательно подтолкнул меня к занятиям литературой Джон Бингем — здесь нет никаких сомнений. Джон внешне несколько походил на Смайли и писал свои детективы в обеденные перерывы. Позже — и не совсем по своей вине — он стал графом, чего я не простил бы ни одному человеку, обладающему чувством юмора. Но он оставался хорош в любой роли — графа или шпиона: добрым, любезным, проницательным человеком, бывшим журналистом, бывшим членом контрольной комиссии. Профессионалом разведки до мозга костей. И он живо напоминал человека, оказавшего на меня еще большее влияние на раннем этапе жизненного пути: Вивиана Грина, который начинал капелланом в моей средней школе и триумфально увенчал профессиональную карьеру постом ректора Линкольн-колледжа в Оксфорде. Если у меня когда-то и был исповедник, то это Грин, а Джон Бингем с его рассеянной манерой поведения, но с чрезвычайно острым взглядом и с чутким слухом стал для меня его заменой на секретной службе. Но если Вивиан Грин создавал научные трактаты об Уэсли и о поздних Плантагенетах, то Бингем писал беллетристику и делал это у меня на глазах.

Его примера для меня оказалось более чем достаточно. Я был уже готов попробовать сам. И меня нисколько не удивляет, что, создавая в воображении своего главного героя Джорджа Смайли, я придал ему частичку мудрости Вивиана Грина наряду с глубокими научными познаниями, но в то же время наделил такими чертами Бингема, как недюжинная изобретательность и, в конце концов, элементарный патриотизм. Ведь любой литературный персонаж представляет собой сплав, составляющие которого авторы черпают из куда более глубоких источников, чем характеры людей, которых они встречают в реальной жизни. Каждый герой книги, подобно несчастным подозреваемым из моих досье, подвергается рихтовке и обработке авторским воображением, пока не становится, вероятно, в большей степени похож на него самого, чем на кого-либо другого. Но теперь, когда Бингем уже умер и превознесен до небес самозванными историками секретной службы, будет только справедливо, если и я отдам ему долг не просто как прототипу Джорджа Смайли, но и как человеку, который высек искру, пробудившую к жизни мотор моей литературной карьеры.

Я писал в дешевых ученических тетрадках. В поездах из Грейт-Миссендена и обратно, во время обеденных перерывов, в серые предутренние часы перед отъездом на работу. Энн — в то время моя жена — перепечатывала написанное; жили мы бедно, но брали напрокат пишущую машинку «Оливетти» за несколько шиллингов в неделю. Причем писал я, что называется, сразу набело, не утруждая себя продумыванием будущих сюжетов, схемами и предварительными набросками. При этом я не имел ни малейшего понятия, куда эта писанина пойдет. Но у меня был Смайли и ящики с досье на мужчин и женщин, которых по долгу службы я в чем-то подозревал, хотя никогда не встречался с ними лично. И еще у меня оставалась в памяти маленькая француженка, лежавшая с переломами в больнице, когда вскоре после войны я отправился кататься на горных лыжах в Шамони. Мы жили с ней в одном отеле, и, когда управляющий сообщил, что она сломала себе обе ноги, я счел своим долгом навестить ее.

Она лежала на спине с ногами на вытяжке, миниатюрная женщина лет пятидесяти с короткими, обесцвеченными перекистью водорода волосами и с большими губами, нарисованными помадой поверх на самом деле маленького и тонкогубого рта. Она со смехом рассказала мне, что всю войну сражалась в рядах Сопротивления. Ее забрасывали

на парашюте в различные районы Франции бесчисленное число раз — она уже и не помнила, сколько именно. И она никогда ничего себе не ломала. Для этого нужно было отправиться кататься на лыжах! Снова смех. А волосы! — взволнованно начала объяснять она. Ее волосы, как она теперь опасалась, так уже никогда и не отрастут. Последний военный год она провела в концлагере, рассказывала женщина, словно речь шла о каникулах на Ривьере. И там, конечно же, всем обривали головы наголо. У многих волосы тут же снова начинали нормально расти, но только не у нее, говорила она все с тем же самоуничижительным смешком. Чего она потом только не перепробовала — мази, лосьоны, кремы, порошки, но все тщетно. Потом я скопировал с нее свою Эльзу Феннан.

Когда книга была закончена, я начал опасаться, что у меня начнутся проблемы. Я, разумеется, ни с кем не советовался, насколько уместно писать шпионский детектив, находясь на службе в разведке, а теперь, как я слышал, каждый новый сотрудник дает обязательство ничего подобного не делать и только при таком условии получает работу. Кроме того, я был осведомлен, что у моего ведомства достаточно негласных связей и влияния, чтобы положить под сукно любое сочинение, не получившее официального одобрения. А потому я послал рукопись нашему юридическому советнику Бернарду Хиллу, который всегда казался мне самым скучным человеком даже в нашей компании скучнейших в мире людей, и, представьте, уже через пару дней он вернул мне книгу с запиской, где говорилось, что он получил от чтения огромное удовольствие. Хилл попросил меня внести лишь одно изменение, на что я охотно пошел. Причем речь шла не об угрозе безопасности — просто он посчитал, что один из пассажиров может быть сочтен клеветническим. Он также посоветовал мне взять псевдоним. Посасывая трубку, Хилл заявил, что это будет умным ходом с моей стороны, и пожелал удачи.

Затем, когда издатель Виктор Голланц, принял рукопись в печать, я спросил, какой псевдоним мне выбрать. Он рекомендовал, что-нибудь короткое и англосаксонское. Например, Чанк Смит или Хэнк Браун. Но я решил стать Ле Карре. Одному Богу известно, почему и откуда я взял эту фамилию, но совет Голланца не пришелся мне по душе. Когда репортеры достают меня вопросами на эту тему, я говорю, что увидел такую фамилию на вывеске магазина, когда ехал в

лондонском автобусе. Это не так. Я не знаю, откуда она взялась. И впредь не забывайте: нельзя верить писателю, когда он утверждает, что говорит вам чистую правду.

Звонок мертвецу

Глава 1

Краткое жизнеописание Джорджа Смайли

Когда леди Энн Серком ближе к концу войны вышла замуж за Джорджа Смайли, она объясняла свой поступок изумленным подругам из светских кругов Мейфэра тем, что будущий супруг показался ей неотразимо заурядным. Когда же два года спустя она бросила его и сбежала со знаменитым кубинским автогонщиком, то сделала загадочное заявление. Дескать, если бы она не ушла от него сейчас, то не смогла бы уже никогда. По такому случаю виконт Солей специально отправился в свой клуб, где язвительно заметил, что кот наконец сбежал из мешка. В том смысле, что тайное стало явным.

Эта ремарка какое-то время считалась одной из самых удачных остроумств сезона, хотя понять ее смысл до конца могли только те, кто знал Смайли лично. Низкорослый, полноватый, по натуре невозмутимый, он тратил немалые деньги на очень плохие костюмы, которые сидели на его приземистой фигуре как сморщенные шкурки на жабе. Между прочим, еще во время свадьбы тот же Солей шутил, что «Серком выходит замуж за бойцовую лягушку в зюйдвестке». А бедняга Смайли, не слышавший этого злого сравнения, на глазах у всех проковылял по центральному проходу церкви, чтобы получить поцелуй, так и не превративший его в прекрасного принца.

Был ли он состоятелен, крестьянского или духовного сословия? И вообще, где она такого откопала? Очевидность мезальянса только подчеркивалась несомненной красотой леди Энн, а его загадочность усугублялась диспропорциями телосложения жениха и невесты. Но ведь сплетня все окрашивает в черно-белые тона, награждая своих героев любыми грехами и странными мотивами, которые легко укладываются в стенографический стиль салонной болтовни и еще легче забываются. А потому Смайли, не окончивший дорогой частной школы, не имевший знатных родителей, не служивший в королевской гвардии, не будучи ни богат, ни беден, скоро оказался в хвосте мчавшегося вперед экспресса светской жизни, а после того, как развод стал свершившимся фактом, остался пылиться, как чемодан, забытый

в камере хранения на полке утративших актуальность вчерашних новостей.

Впрочем, отправившись за своей звездой автогонок на Кубу, леди Энн еще не раз вспоминала Смайли и с невольным восхищением тайно признавала, что если в ее жизни и присутствовал настоящий мужчина, то это был именно он. Еще позже она ставила себе в заслугу, что продемонстрировала понимание этого, сочетавшись с ним священными узами брака.

Эффект, произведенный отъездом леди Энн на ее бывшего мужа, не представлял интереса для светского общества, которое быстро забывает сенсации. И все же интересно, что подумал бы Солей и ему подобные, если бы могли наблюдать реакцию Смайли на события, видели его мясистое лицо с очками на носу и глаза, внимательнейшим образом вчитывавшиеся в строки стихов второстепенных немецких поэтов, а также то, как он стискивал при этом в кулаки плотные и потные ладони под чересчур длинными рукавами рубашки? Но Солей лишь отмахнулся, выдав по сему случаю очередной каламбур: «*Partir c'est courir un peu*»^[4], — и его совершенно не волновало, что в то время, как леди Энн просто сбежала, какая-то часть души Смайли действительно умерла.

А та часть, что уцелела, казалась такой же несовместимой с его внешними данными, как любовь к красивой женщине или увлечение непризнанными поэтами. Речь о его профессии офицера разведки. И свою работу он очень ценил. Она имела еще и то преимущество, что окружавшие его коллеги отличались в массе своей таким же спокойствием и невзрачной внешностью, как и он сам. Секретная служба открывала перед Смайли возможность заниматься тем, что давно казалось ему увлекательнейшим делом на свете: исследовать таинственные свойства человеческого поведения и проверять на практике умозрительные дедуктивные выводы, что весьма благоприятно сказывалось на дисциплине мышления.

Где-то в двадцатых годах Смайли окончил не слишком престижную школу и объявился в сумрачных коридорах столь же заштатного колледжа в Оксфорде. В то время он мечтал лишь о должности младшего научного сотрудника и о жизни, посвященной никому не известным пиитам Германии XVII столетия. Но куратор Смайли, зная, что тот способен на большее, мудро не позволил

ему потратить время на получение скромных почестей ученого мужа, которые он, несомненно, с течением времени заслужил бы. А потому приятным июльским утром 1928 года озадаченный и слегка покрасневший Смайли предстал для собеседования перед советом директоров Комитета по научным исследованиям за рубежом — организации, о существовании которой прежде не знал. Джебеди (тот самый куратор) был странно уклончив, отвечая на вопросы:

— Поговори с этими людьми, Смайли. Ты можешь им подойти, а платят они достаточно мало, чтобы твоими будущими коллегами стали вполне достойные парни.

Но Смайли был раздражен и не скрывал этого. Его в первую очередь беспокоило именно то, что Джебеди, обычно предельно откровенный, напустил столько тумана. Но после короткой перепалки скрепя сердце согласился повременить с ответом колледжу Всех Святых и встретиться сначала с «таинственными людьми», которым его рекомендовал Джебеди.

Членов совета ему не представили, но половину из них он узнал, поскольку видел раньше. Там был Филдинг — специалист по эпохе Средневековья из Кембриджа, Спарк из школы восточных языков и Стид-Эспри, ужинавший за Высоким столом в тот вечер, когда Смайли пригласили туда как гостя Джебеди. Смайли мысленно признал, что состав совета произвел на него изрядное впечатление. Необходимо было по меньшей мере чудо, чтобы тот же Филдинг покинул свой факультет, не говоря уж о Кембридже. Позже Смайли неизменно вспоминал о том собеседовании как о своеобразном и забавном танце, продуманной последовательности па, каждое из которых давало чуть больше информации и приоткрывало что-то новое в деятельности загадочной организации. Закончилось тем, что Стид-Эспри сдернул последний покров тайны и правда предстала во всей своей поразительной наготе. Ему предлагали работу в ведомстве, которое Стид-Эспри, подыскав наиболее благозвучное определение, несколько смущенно назвал «секретной службой».

Смайли попросил время на размышления. Ему дали неделю. О жалованье речь не заходила вообще.

В ту ночь он остался в Лондоне в довольно-таки приличном отеле и даже отправился в театр. В голове царил поразительная легкость, что его немного встревожило. Он знал, что примет предложение, что

мог ответить согласием сразу же после встречи с советом директоров. Только инстинктивная осторожность и, возможно, простительное желание подразнить Филдинга не позволили ему сделать этого.

Вслед за одобрением его назначения последовала подготовка: сельские усадьбы без названий, инструкторы, не называвшие своих имен, многочисленные разъезды и надвигавшаяся перспектива еще более дальней поездки с фантастической возможностью работать в полном одиночестве.

Его первое оперативное задание оказалось даже относительно приятным: командировка на два года на должность *englischer Dozent*^[5] в провинциальный университет Германии: лекции о творчестве Китса и каникулы в баварских охотничьих домиках с группами серьезных и абсолютно неразборчивых в связях немецких студентов. Под конец каждого из длительных каникулярных периодов он даже привозил некоторых с собой в Англию, уже пометив вероятные кандидатуры и тайно переправив на явочный адрес в Бонне свои рекомендации, но при том за все эти два года он так и не узнал, прислушивался ли кто-то к его отзывам или же их полностью игнорировали. У него не было даже возможности выяснить, разговаривал ли кто-нибудь с отобранными им кандидатами. Да что там — он не ведал даже, доходили ли его секретные донесения до адресата, поскольку не вступал ни в какие контакты со своим департаментом во время кратких визитов на родину.

Выполняя эту работу, он испытывал противоречивые, порой плохо уживавшиеся друг с другом эмоции. С одной стороны, было занято, заняв позицию стороннего наблюдателя, оценивать то, что его научили называть «агентурным потенциалом» человека; разрабатывать собственные тонко продуманные тесты на проверку черт характера и возможные линии поведения, которые давали информацию о пригодности или непригодности кандидатуры.

В этой части своей деятельности Смайли являл собой образец хладнокровия и полнейшей объективности, то есть играл по правилам подлинного специалиста своей профессии, не считаясь с моральной стороной дела и не имея другой мотивации, кроме личного удовлетворения от проделанной работы.

С другой стороны, он с грустью отмечал, как в нем постепенно отмирает способность просто наслаждаться жизнью. Сдержанный от

природы, он обнаружил, что научился подавлять в себе последние зачатки тяги к сближению, дружбе, взаимному доверию; он держался настороже и не позволял себе ни на что реагировать спонтанно. Силой интеллекта он заставлял себя наблюдать за человеческими особями с точки зрения почти клинической, но, сознавая, что его жизнь не бесконечна и сам он порой далеко не безгрешен в своих выводах, начинал порой ненавидеть и бояться фальши, которой наполнилось его существование.

При этом Смайли оставался человеком сентиментальным, и долгая отлучка только усилила его и без того глубокую любовь к Англии. Он с жадностью подпитывал себя воспоминаниями об Оксфорде, его красоте, рациональной легкости тамошней жизни, зрелой неторопливости выносившихся там суждений. Он мечтал об осенних каникулах в Харленд-Ки, о долгих пеших прогулках по крутым тропам среди скал Корнуолла, где его гладкое разгоряченное лицо обдувал бы свежий морской ветер. Это была другая сторона его тайной жизни, а потом ему быстро стала ненавистна нарождавшаяся новая вульгарная Германия, крикливые и безликие студенты в мундирах, их наглые, покрытые шрамами лица и предельно упрощенные ответы на любые вопросы. Не мог он спокойно воспринимать и возмутительно изменившееся отношение к своему любимому предмету — к его бесценной немецкой литературе. И была ночь, та жуткая ночь 1937 года, когда Смайли стоял у окна и смотрел на огромный костер в центре университетского двора: вокруг костра стояла плотная толпа студентов с радостно-возбужденными лицами, на которых играли отблески яркого пламени. И в этот поистине языческий огонь они сотнями бросали книги. Он знал, кто их авторы: Томас Манн, Гейне, Лессинг и многие другие. И Смайли, держа сигарету в потной ладони, наблюдал за всем этим с ненавистью, но и с торжеством, потому что знал теперь своих врагов очень хорошо.

1939 год он встретил в Швеции как аккредитованный торговый представитель широко известной швейцарской фирмы, производившей стрелковое оружие, — благо его связям с компанией заблаговременно придали вид давней истории. Очень кстати пришлось и изменение внешности, а Смайли обнаружил к этому незаурядные способности, которые шли гораздо дальше перекраски волос в другой цвет или отращивания усов. Эту роль он играл четыре года, постоянно

перемещаясь между Швейцарией, Германией и Швецией. Никогда прежде он и не представлял, что человек может испытывать страх в течение столь длительного времени. У него развился нервный тик левого глаза, который не прошел и пятнадцать лет спустя; от постоянного напряжения глубокие морщины пролегли на мясистом лице и в уголках глаз. Он узнал, что такое почти не спать, не иметь права расслабиться, в любое время дня и ночи чувствуя учащенное биение собственного сердца. Ему стали знакомы ощущения бесконечного одиночества и жалости к себе, как и внезапное иррациональное желание немедленно овладеть женщиной, напиться, приступить к физическим упражнениям — то есть любым способом снять стресс, преследовавший его.

И в этих условиях он умел заниматься нормальной с виду коммерцией, прикрывавшей тайную работу секретного агента. С течением времени шпионская сеть разрасталась, особенно по мере того, как другие страны очнулись и стали компенсировать проявленные в свое время беспечность и полную неготовность к войне. В 1943 году Смайли был отозван. Шесть недель он рвался обратно, но его так и не отпустили.

— Ты свое отработал, — сказал Стид-Эспри. — Теперь занимайся подготовкой новичков и просто отдохни. Женись, что ли. Одним словом, дай пружине разжаться.

И Смайли сделал предложение секретарше Стида-Эспри — леди Энн Серком.

Война закончилась. Ему щедро заплатили, и вместе с красавицей женой он отправился в Оксфорд, чтобы посвятить себя изучению неизвестных немецких поэтов XVII века. Но уже через два года леди Энн занесло на Кубу, а показания русского шифровальщика, перебежавшего из посольства в Оттаве, породили повышенный спрос на людей с тем опытом, который имел за плечами Смайли.

Работа оказалась новой, угроза не столь прямой, как прежде, и поначалу это доставляло Смайли удовольствие. Но в разведку стали приходить молодые люди со свежим взглядом на мир. Повышение Смайли больше не светило, и постепенно он осознал, что стал пожилым человеком, непостижимым образом миновав стадию зрелости, и что его — со всей обходительностью — убрали на задворки профессии.

Все менялось. Сид-Эспри удалился на покой; от новых реалий он сбежал в Индию в попытке познать иную цивилизацию. Джебеди сгинул. В 1941 году вместе со своим радистом, молодым бельгийцем, он сел на поезд в Лилле, и с тех пор оба бесследно исчезли. Филдинг с головой ушел в докторскую диссертацию о Роланде. Остался только Мэстон, завербованный во время войны, типичный карьерист, советник кабинета министров по вопросам разведки и, по словам Джебеди, «первый, кто начал на Уимблдоне играть в силовой теннис». Создание НАТО и радикальные меры, к которым хотели прибегнуть американцы, в корне изменили ту секретную службу, к которой привык Смайли. Минули времена Сиды-Эспри, когда приказы по большей части раздавались за бокалом портвейна в его кабинете на Модлин-стрит. Ушел в прошлое вдохновенный дилетантизм кучки высококвалифицированных низкооплачиваемых специалистов, сменившийся эффективностью, бюрократией и бесконечными внутренними интригами крупного государственного учреждения, которое полностью контролировал Мэстон с его дорогими костюмами, рыцарским званием и внушительной седой шевелюрой в тон галстукам в серебристых тонах. Мэстон, никогда не забывавший о дне рождения своей секретарши, обладавший манерами, о которых ходили легенды среди дам из картотеки. Мэстон, ухитрявшийся под благовидными предложениями неустанно расширять свою империю и с притворными сожалениями переезжать во все более просторные здания. Мэстон, устраивавший знаменитые званые вечера у себя дома в Хенли и всегда ловко снимавший пенки с любого успеха своих подчиненных.

Во время войны Мэстона вытащили из какого-то заурядного гражданского министерства. Это был профессиональный чиновник, все таланты которого заключались в том, чтобы складно сочинять отчеты и создавать из штата сотрудников безукоризненно работавший бюрократический механизм. Но Великим было приятно иметь дело именно с такой личностью — хорошо им знакомым типом, который умел обратить любой тревожно яркий цвет в спокойный серый, знал привычки начальства и вращался в самых высоких сферах. Чувствовал он себя при этом раскованно и непринужденно. Им нравилась смиренная робость его извинений за людей, к услугам которых он вынужден был прибегать, нагловатая неискренность его оправданий порой чересчур экстравагантных выходов своих сотрудников, гибкая

готовность взять на вооружение любую новую доктрину. Не упускал он и случая как бы нехотя воспользоваться репутацией «рыцаря плаща и кинжала», причем в плащ закутывался перед своими хозяевами, а кинжал приберегал для собственных верных слуг. Впрочем, со стороны его позиции выглядели до странности шаткими. Номинально он не считался главой секретной службы, числясь всего лишь советником кабинета министров, за что и получил от Стида-Эспри пожизненное прозвище Верховного евнуха.

Для Смайли это был совершенно иной мир: ярко освещенные коридоры, по которым сновали с иголки одетые молодые люди. Он чувствовал себя пешеходом среди моря автомобилей, ощущал свою старомодность и ностальгировал по неухоженному, построенному угловатыми уступами зданию в Найтсбридже, где все когда-то начиналось. Этот дискомфорт нашел отражение даже в его внешности — он словно бы заметно сдал физически, еще больше ссутулился и походил на жабу, как никогда прежде. Он часто моргал, за что его прозвали Кротом. Но вот его молоденькая секретарша обожала своего шефа и за глаза называла исключительно «мой очаровательный медвежонок».

Теперь Смайли считался уже слишком старым, чтобы выполнять задания за рубежом. Мэстон сам недвусмысленно объявил ему об этом:

— Вы, дорогой коллега, слишком истощены перипетиями войны. Вам, старина, лучше оставаться на родине и следить, чтобы не погас огонь в нашем домашнем очаге.

Но это лишь отчасти объясняет, почему в два часа ночи на четвертое января Джордж Смайли сидел в лондонском такси, направлявшемся на Кембридж-серкус.

Глава 2

Мы никогда не закрываемся

В такси он чувствовал себя в безопасности. В безопасности и тепле. Причем тепло было контрабандой похищено из постели и пронесено через сырость январской ночи.

А ощущение безопасности возникало от нереальности происходившего: это его призрак ехал сейчас по улицам Лондона, обращая внимание на грустные фигуры поздних искателей развлечений, прятавшихся под стандартными черными зонтами, и на проституток в подарочных обертках из прозрачных полиэтиленовых плащей. Это всего лишь его призрак, решил он, мог очнуться от глубокого сна и прекратить трезвон телефона на прикроватном столике... Оксфорд-стрит... Почему именно Лондон из всех столиц мира ночью терял свое неповторимое лицо? Укутываясь плотнее в пальто, Смайли не мог припомнить ни одного другого города от Лос-Анджелеса до Берна, который с такой легкостью отказывался от ежедневной борьбы за свою уникальность.

Такси свернуло на Кембридж-серкус, и Смайли резко выпрямился на сиденье. Он вспомнил, почему звонил дежурный офицер, и от воспоминания окончательно вышел из дремоты. Разговор он запомнил дословно, что для его памяти было равносильно небольшому подвигу, которого она давненько не совершала.

— Вас беспокоит дежурный офицер, Смайли. У меня на линии ждет Советник...

— Смайли? Говорит Мэстон. Это вы проводили в понедельник беседу с Сэмюэлом Артуром Феннаном из министерства иностранных дел, или я ошибаюсь?

— Да... Да, это был я.

— В чем там суть дела?

— Анонимное письмо с обвинением в принадлежности к компартии во время учебы в Оксфорде. Обычный разговор с санкции директора по безопасности.

(Феннан не мог пожаловаться, подумал Смайли, он знал, что я снял все вопросы. Не было ничего необычного. Абсолютно ничего.)

— Вы не пытались надавить на него? Скажите мне откровенно, Смайли, между вами возникла враждебность?

(Боже, судя по голосу, он напуган. Неужели Феннан смог натравить на нас весь кабинет министров?)

— Нет. Напротив, беседа протекала исключительно в дружеских тонах. Мне кажется, мы понравились друг другу. Должен признать, я даже в некотором смысле вышел за привычные рамки.

— В каком смысле, Смайли? В каком?

— Я более или менее ясно дал ему понять, что волноваться не о чем.

— Что?

— Я сказал ему, что беспокоиться не стоит. Мне показалось, что он несколько взвинчен, я счел своим долгом унять его волнение.

— Что конкретно вы ему сказали?

— Сказал, что хотя не имею полномочий делать такие заявления официально от имени нашей службы, у меня нет причин полагать, что мы снова потревожим его по данному вопросу.

— И это все?

Смайли секунду помедлил с ответом — он прежде никогда не знал подобного Мастона, до такой степени не уверенного в себе.

— Да, это все. Абсолютно все. (Он ни за что мне этого не простит. Вот тебе и прославленная невозмутимость, кремовые рубашки, серебристые галстуки и изысканные обеды с министрами!)

— Он утверждает, что вы подвергли сомнению его лояльность, что его карьере в МИДе теперь конец, что он стал жертвой клеветников, которым хорошо заплатили.

— Что-что он утверждает? Он, вероятно, просто сошел с ума. Ему прекрасно известно, что все подозрения с него сняты. Чего он добивается?

— Ничего. Он мертв. Покончил с собой в десять тридцать прошлым вечером. Оставил письмо на имя министра иностранных дел. Полицейские позвонили одному из его секретарей и получили разрешение вскрыть письмо. После чего информировали нас. Теперь не избежать расследования, Смайли. Вы ведь уверены, не так ли?

— Уверен в чем?

— Ладно, оставим это. Приезжайте как можно скорее.

Ему потребовалась целая вечность, чтобы вызвать такси. Он позвонил по телефонам трех парков, но нигде не ответили. Наконец в гараже на Слоун-сквер трубку сняли, и Смайли ждал, стоя в пальто у окна спальни, пока не заметил подъехавшую к его дверям машину. Ему это напомнило бомбардировки, пережитые в Германии: такое же нереальное ощущение тревоги посреди глубокой ночи.

На Кембридж-серкус он остановил такси в ста ярдах от входа в контору — отчасти по привычке, отчасти чтобы в голове немного прояснилось перед ожидаемым потоком вопросов Масто́на.

Показав пропуск констеблю в вестибюле, он медленно дошел до лифта.

Дежурный офицер с заметным облегчением поздоровался, когда он вышел на нужном этаже, и они вместе двинулись вдоль коридора с окрашенными в светло-кремовый цвет стенами.

— Масто́н уехал на встречу со Спэрроу в Скотленд-Ярд. Там началась свара из-за того, какому из полицейских управлений вести дело. Спэрроу кивает на особый отдел, Ивлин настаивает на уголовном розыске, а полиция графства Суррей пока еще вообще не знает, что случилось на их территории. Дальше ехать некуда. Пойдем и выпьем кофе в норе, отведенной для дежурных офицеров. Кофе паршивый, но лучше, чем ничего.

Смайли был рад, что в эту ночь дежурил Питер Гиллам. Образованный, вдумчивый сотрудник, чьей специальностью был спутниковый шпионаж, а по натуре — добрая душа, у кого всегда можно было одолжить расписание пригородных поездов или перочинный ножик.

— Из особого отдела позвонили в пять минут первого. Жена Феннана ходила в театр и нашла его только по возвращении домой в десять сорок пять. Она и вызвала полицию.

— Он жил где-то в Суррее, как я понял?

— В Уоллестоне рядом с кингстонской объездной дорогой. Буквально на границе Большого Лондона. Когда полицейские приехали, на полу рядом с телом нашли письмо на имя министра иностранных дел. Старший инспектор позвонил главе службы констеблей, тот связался с дежурным в министерстве внутренних дел, который, в свою очередь, поставил в известность клерка из МИДа. Так

они добились разрешения вскрыть письмо. И вот тут началась свистопляска.

— Рассказывай дальше.

— Нам сразу же позвонил начальник отдела кадров МИДа. Требовал номер домашнего телефона Советника. Орал, что в последний раз людям из секретной службы позволили запугивать его сотрудников, что Феннан был лояльным и способным работником, ла-ла-ла, ла-ла-ла...

— Таким он, несомненно, и был. Таким и был.

— Заявил, что это дело наглядно подтверждает, насколько спецслужбы отбились от рук. Мол, применяют гестаповские методы без малейшей на то причины... Бла-бла-бла... Я продиктовал ему номер Советника, а сам с другого аппарата позвонил ему, пока мидовец рвал и метал. Получилось чертовски удачно: человек из МИДа был у меня на одном проводе, а Мاستон на другом, и он сразу получил необходимую информацию. Было это в ноль двадцать. А уже к часу Мастон примчался сюда в состоянии, похожем на родильную горячку, — ему же завтра утром придется обо всем доложить министру.

Они какое-то время молчали, пока Гиллам засыпал в чашки растворимый кофе и наливал кипятка из электрического чайника.

— Каким он был? — спросил Гиллам.

— Кто? Феннан? Знаешь, до нынешней ночи я бы легко ответил тебе на этот вопрос. А теперь просто теряюсь. Здесь нет никакого смысла. Если говорить о внешности — типичный еврей. Из ортодоксальной семьи, но забросил иудаизм в Оксфорде, заделавшись марксистом. Восприимчивый, интеллигентный... разумный человек. Говорил спокойно и сам умел слушать. Великолепно образован. Ну, ты понимаешь, просто ходячая энциклопедия. Из таких. Но, разумеется, и анонимщик был прав: он действительно состоял в компартии.

— Сколько ему было лет?

— Сорок четыре. Но выглядел старше. — Смайли, не прерывая разговор, оглядывал комнату. — Чувственное лицо, густые прямые черные волосы, стрижка, как у студента-старшекурсника лет двадцати. Очень нежная, но сухая кожа лица, немного бледноватая. И морщинистая. Морщины буквально избороздили лицо. Тонкие пальцы... Характер замкнутый, как у всякой самодостаточной

личности. Если получал удовольствие, то в одиночку. И если страдал, то тоже ни с кем не делился, как я полагаю.

Они поднялись, потому что появился Мاستон.

— А, Смайли! Заходите ко мне. — Он открыл дверь кабинета и вытянул левую руку, приглашая Смайли войти первым. В его логове не было ни единой казенной вещи. Как-то по случаю он купил коллекцию акварелей девятнадцатого века и часть ее развесил здесь по стенам. И остальная обстановка была тщательно подобрана им лично. Да и сам Мастон выглядел образцово. Быть может, только наспех надетый костюм был светловат и ему чуть не хватало респектабельности. Но шнурок монокля падал на неизменную кремовую рубашку. Он успел повязать светло-серый шерстяной галстук. Немец назвал бы его flott, подумал Смайли; шикарным. Собственно, таким он и был — воплощенной мечтой любой барменши о том, как должен выглядеть настоящий джентльмен.

— Я встречался со Спэрроу. Это очевидное самоубийство. Тело уже увезли, и за исключением самых обычных формальностей глава констеблей не видит оснований для работы криминалистов на месте происшествия. Но в течение ближайшей пары дней будет произведено расследование. Достигнуто соглашение — я вынужден особо подчеркнуть это, Смайли... Достигнуто взаимное соглашение, что ни слова о нашем интересе к личности Феннана не должно просочиться в прессу.

— Понимаю. — «А ты опасен, Мастон, когда слаб и напуган. Знаю, ты готов подставить любую шею, кроме своей. Ты и на меня смотришь сейчас так, словно прикидываешь, сколько в данном случае потребуется веревки». — Только не подумайте, что я собираюсь подвергать ваши действия критике, Смайли. Если директор по безопасности санкционировал беседу, то вам не о чем тревожиться.

— Не о чем. Если не считать Феннана.

— О, разумеется. К сожалению, директор по безопасности забыл подписать письменное разрешение на разговор с Феннаном. Но вами было получено его устное указание, не так ли?

— Да. Я уверен, он это подтвердит.

Мастон снова пристально посмотрел на Смайли, что-то быстро прикидывая в уме, отчего Смайли начал ощущать некоторую сухость в горле. Он понимал, что пытается вести себя слишком принципиально

и независимо. А Мастоу необходимо было сближение. Он хотел, чтобы Смайли стал участником сговора.

— Вы в курсе, что из департамента Феннана со мной уже связывались?

— Да.

— Будет проведено очень серьезное расследование. Быть может, нам даже не удастся избежать внимания газетчиков. А мне утром предстоит явиться с докладом к министру внутренних дел. — «Ну, напугай меня еще раз... Я уже в возрасте... Можно отправить на пенсию... Подвергнуть сомнению мою компетентность... Что угодно... Вот только лгать в один голос с тобой, Масто, я все равно не стану». — Мне нужны все факты, Смайли. Я должен выполнить свой долг. Если есть что-то еще, о чем вы мне не рассказали в связи с проведенной беседой, чего, вы, возможно, не изложили в отчете, то самое время поделиться сейчас. Любой мелочью. А потом предоставьте мне судить, важна она или нет.

— Мне в самом деле нечего добавить к тому, что уже изложено в досье, и к сказанному прежде этой ночью. Вот только, быть может, вам полезно будет понять, — слово «вам» прозвучало с излишним нажимом, как показалось самому Смайли, — что я провел эту беседу в исключительно неформальной атмосфере. Обвинения против Феннана показались мне слабо аргументированными — член партии в тридцатые годы, еще студентом, и какие-то смутные намеки на нынешние симпатии коммунистам. Да половина нынешнего кабинета министров побывала в тридцатые членами партии. — Масто насупился. — Когда я пришел к нему в служебный кабинет в МИДе, там оказалось слишком многолюдно. Кто-то постоянно заходил и выходил. Поэтому я предложил отправиться на прогулку в парк.

— Дальше.

— Так мы и поступили. День был прохладный, но солнечный и довольно-таки приятный. Мы наблюдали за утками. — Масто сопровождал эти слова нетерпеливым жестом. — В парке мы пробыли примерно полчаса и за это время провели беседу по всем вопросам. Говорил в основном он сам. Он был интеллигентным человеком, умным и интересным собеседником. Но, конечно, немного нервничал, что мне показалось естественным. Люди его типа любят рассказывать о себе, и, по-моему, он был только рад стряхнуть с себя это бремя. Он

поведал мне всю свою историю — и не затруднился назвать известные ему имена. А потом мы зашли в кафе рядом с Миллбанк.

— Куда?

— В кофейню. Они варят особый сорт кофе по шиллингу за чашку. Мы им угостились.

— Понятно. И в этой... безмятежной обстановке вы и сообщили ему, что наше ведомство не станет предпринимать никаких дальнейших действий?

— Да. Мы часто поступаем подобным образом, но обычно не фиксируем этого в письменных отчетах.

Мастон кивнул. В легкой подтасовке ему не виделось ничего предосудительного. «Бог ты мой, — подумал Смайли, — а ведь он вполне достоин презрения». Его даже слегка взволновало открытие, что Мастон оказался действительно неприятным типом, полностью оправдав его ожидания.

— Могу я, исходя из услышанного, предположить, что самоубийство — и написанное покойным письмо — стало для вас полнейшим сюрпризом? И вы не можете найти этому объяснения?

— Было бы очень кстати, если бы смог. Но нет.

— Вы не знаете, кто именно выдвинул против него обвинения?

— Нет.

— Он был женат. Хотя бы это вам известно?

— Да.

— Вот я и подумал... Представляется вероятным, что его жена могла бы восполнить некоторые пробелы в имеющейся у нас информации. Не без некоторых колебаний я все же предложу, чтобы кто-то из нашего ведомства навестил ее и исходя из всех соображений приличия задал несколько вопросов.

— Сегодня? — Смайли посмотрел на него совершенно бесстрастно.

Мастон стоял рядом со своим обширным рабочим столом, поигрывая обычными атрибутами кабинета делового человека — ножом для бумаг, портсигаром, зажигалкой. Но на самом деле, заметил Смайли, он рассматривал кремовые манжеты рубашки, торчавшие из-под рукавов ровно на дюйм, и любовался белизной своих рук.

Потом Мастон поднял взгляд, изобразив безграничное терпение.

— Я понимаю ваши чувства, Смайли, но вопреки происшедшей трагедии вам следует ясно видеть сложившуюся ситуацию. Министры внутренних и иностранных дел захотят получить как можно более полный отчет об этом деле, и именно на меня ложится щекотливая задача его подготовить. Особый интерес представляет информация о настроении и душевном состоянии Феннана непосредственно после беседы с... С нами. Возможно, он разговаривал с женой. Ему не положено было этого делать, но давайте будем реалистами.

— Так вы хотите, чтобы к ней поехал я?

— Но ведь кто-то должен. Речь не идет об официальном расследовании. Конечно, последнее слово здесь за министром внутренних дел, но на данный момент у нас попросту не хватает фактов. Время не ждет, а вы знакомы с делом, изучили историю вопроса. Никому другому не успеть ознакомиться с ним столь же детально. Поэтому если кому-то и ехать к ней, то именно вам, Смайли.

— Когда вы хотите меня туда отправить?

— Как мне объяснили, миссис Феннан в известном смысле не совсем обычная женщина. Иностранка, еврейка, как и ее покойный муж, но к тому же серьезно пострадавшая во время войны, что только усугубляет неловкость. Она — сильная личность и восприняла смерть мужа с относительным стоицизмом. Хотя нет сомнений, что это лишь поверхностное впечатление. При этом она разумный человек, открытый для общения. По словам Спэрроу, она готова помочь и, по всей вероятности, сможет встретиться с вами, как только вы туда прибудете. Полиция Суррея предупредит ее о вашем визите, чтобы вы смогли увидеться с ней уже утром. Позже сегодня я сам позвоню вам по ее номеру.

Смайли повернулся, чтобы уйти.

— Да, и вот еще что, Смайли... — Он почувствовал, как рука Мастона легла ему на плечо, и был вынужден посмотреть на него: Мастон нацепил на себя улыбочку, которую обычно приберегал для самых пожилых сотрудниц службы. — Вы должны знать, что можете на меня рассчитывать; я всегда готов поддержать вас.

«Бог ты мой! — подумал Смайли. — А ведь ты действительно работаешь без остановки. Круглосуточное кабаре — вот что ты такое: «Мы никогда не закрываемся»».

Он вышел на улицу.

Глава 3

Эльза Феннан

Мерридейл-лейн — один из тех уголков Суррея, чьи обитатели ведут неустанную битву, чтобы избавиться от неизгладимой печати провинциальности. Здесь не жалеют ни трудов, ни удобрений, чтобы высадить на передней лужайке как можно больше деревьев, которые бы скрыли притулившиеся за ними бедноватые домики, именуемые «комфортабельным семейным жильем». Но близость к деревне не столько маскируют, сколько подчеркивают резные деревянные фигурки сов, украшающих таблички с названиями домов, и потрескавшиеся гномы, притулившиеся у прудов с золотыми рыбками. Причем жители Мерридейл-лейн нарочно не покрывают гномов ни лаком, ни красками, подозревая в этом признак деревенского дурного вкуса, и по тем же причинам не касаются малярной кистью сов, а терпеливо дожидаются, чтобы те с годами приобрели вид подлинного антиквариата, но добиваются только того, что древесные жуки заводятся даже в перекрытиях домов и в потолочных балках гаражей.

Пусть агенты по продаже недвижимости уверяют, что переулок заканчивается тупиком, на самом деле это не совсем так. В дальнем от кингстонской объездной дороги конце он просто переходит в крытую гравием тропу, которая чуть дальше превращается в совершенно уже запущенный земляной проселок, пересекающий луг Меррис-Филд и упирающийся в начало другого проулка, совершенно неотличимого от Мерридейл-лейн. Примерно до 1920 года проселок вел к местной приходской церкви, но она теперь оказалась на окруженном со всех сторон транспортными потоками островке, где местные дороги вливаются в шоссе, ведущее в Лондон, и тропа, когда-то служившая верующим путем к храму, теперь остается лишь кратчайшим, пусть и неудобным, соединительным маршрутом между Мерридейл-лейн и Кадоган-роуд. Зато открытое пространство луча, именуемого Меррис-Филд, даже приобрело нежданную скандальную известность, когда из-за него разгорелась нешуточная свара между застройщиками и защитниками зеленых насаждений, причем такая яростная, что в какой-то момент привела к полному параличу работы механизма

местных властей Уоллестона. Впрочем, с течением времени страсти улеглись, и сам собой был достигнут сомнительный компромисс: Меррис-Филд не стали застраивать, но и не сохранили в первозданном виде, установив вдоль луга через равномерные интервалы три колонны из стали. А в самом центре луча находится нечто, напоминающее хижину каннибала с островерхой крышей, именуемое «Мемориальным приютом», возведенным в 1951 году в память о павших в двух мировых войнах, предназначение которого — дать место отдыха усталым и старым путникам. При этом, кажется, никто не задался вопросом, каким ветром могло занести старых и усталых путников на Меррис-Филд, но крыша приюта стала истинным раем для пауков, и какое-то время его использовали как удобную бытовку рабочие, устанавливавшие колонны.

В восемь часов утра Смайли пешком добрался до Мерридейл-лейн, оставив машину у здания полицейского участка, располагавшегося в десяти минутах ходьбы оттуда.

Шел сильный дождь — холодные, крупные капли били прямо в лицо.

Полицию Суррея это дело уже совершенно не интересовало, но Спэрроу тем не менее направил туда офицера из особого отдела, чтобы тот дежурил при полицейском участке и в случае необходимости обеспечивал связь между спецслужбами и Скотленд-Ярдом. По поводу того, как именно погиб Феннан, вроде бы не могло быть двух мнений. Его убила пуля, пущенная в висок с близкого расстояния из маленького пистолета, произведенного в Лилле в 1957 году. Оружие нашли рядом с трупом. Все обстоятельства смерти указывали на самоубийство.

Дом номер пятнадцать по Мерридейл-лейн оказался приземистым строением в стиле Тюдоров, где спальни располагались под скатами фронтонов, и с гаражом — наполовину каменным, наполовину деревянным. Здесь царил запустение и на первый взгляд никто не жил. Такие дома любят художники, подумал Смайли. Но для Феннана место выглядело совершенно неподходящим. Такие, как Феннан, жили в лондонском Хэмпстеде и нанимали прислугу из числа юных иностранок, приехавших в Англию изучать язык.

Он открыл защелку ворот и неторопливо пошел по подъездной дорожке к дому, безуспешно пытаясь разглядеть хоть какие-то

признаки жизни внутри сквозь отсвечивавшие свинцовой серостью окна. Было очень холодно. Он нажал на кнопку звонка.

Дверь открыла Эльза Феннан.

— Мне позвонили и спросили, не возражаю ли я. Даже не знала, что им ответить. Но, пожалуйста, входите. — Она говорила с заметным немецким акцентом.

Жена выглядела старше самого Феннана. Невысокая подвижная женщина с очень короткой стрижкой и с волосами, вытравленными почти под цвет никотина. Несмотря на внешнюю хрупкость, она излучала силу и смелость, а карие глаза на слегка искаженном лице делали взгляд почти невероятно пронзительным. Это было изможденное лицо. Лицо человека, которого в прошлом долго терзали и мучили, лицо ребенка, выросшего в голоде и лишениях, лицо вечной беженки, лицо узницы концлагеря, подумал Смайли.

Она протянула ладонь для пожатия — розовая, но загрубелая рука показалась ему костлявой на ощупь.

— Ведь это вы проводили с моим мужем беседу по поводу его лояльности, — сказала она и провела гостя в темную гостиную с низким потолком.

Камин отсутствовал. Смайли внезапно почувствовал себя полным идиотом. Лояльности к кому, к чему? И это при том, что она не вложила в свои слова ни нотки презрения. Он был для нее из числа угнетателей, но ей не привыкать к роли угнетенной.

— Мне очень понравился ваш муж. Все обвинения с него были бы сняты.

— Обвинения? В чем же?

— Мы получили основание для проверки — анонимное письмо, — и это дело поручили мне. — Смайли сделал паузу и посмотрел на женщину с искренним сочувствием. — Вы понесли ужасную утрату, миссис Феннан... И, вероятно, безмерно устали. Едва ли вам удалось нормально поспать в эту ночь...

Но ее не растрогало проявление столь откровенной симпатии.

— Спасибо, конечно, но я даже не пыталась спать. Сон для меня — это вообще почти недоступная роскошь. — Она с грустной усмешкой оглядела свою фигуру. — Я вынуждена как-то коротать по меньшей мере двадцать часов в сутки. А это не так легко даже для меня. А что касается ужасной потери, то да, вероятно, это можно

назвать и так. Но знаете, мистер Смайли, у меня так долго не было ничего, кроме зубной щетки, что я не привыкла чем-то владеть даже за восемь лет супружества. И потом, у меня большой опыт переносить страдания молча.

Кивком она указала ему место, куда он мог сесть, а потом до странности старомодным движением подломила под себя юбку и уселась напротив него сама. В этой комнате тоже было очень холодно. Смайли гадал, с чего бы ему начать разговор; прямо на собеседницу он смотреть не осмеливался и уставился куда-то в пустоту перед собой, отчаянно пытаясь мысленно проникнуть в изможденное, кривоватое лицо Эльзы Феннан. Показалось, что прошло немало времени, прежде чем она вновь заговорила сама:

— Вы упомянули, что он вам понравился. Но у него самого явно не сложилось такого впечатления.

— Я не читал письма, оставленного вашим мужем, но мне передали его содержание. — Серьезное пухлое лицо Смайли теперь было повернуто в сторону собеседницы. — Но это бессмыслица какая-то. Я практически открытым текстом сказал ему... что никакого дальнейшего хода его дело не получит.

Она сидела неподвижно, ожидая продолжения. А что он мог ей сказать? «Простите, что убил вашего мужа, миссис Феннан, но лишь исполнял свой долг (долг перед кем, ради всего святого?). Двадцать четыре года назад в Оксфорде он был членом коммунистической партии, а последнее повышение по службе открыло ему доступ к весьма секретной информации. Поэтому какой-то «доброжелатель» написал на него анонимку, и нам ничего не оставалось, как провести по ней проверку. Расследование, по всей видимости, повергло вашего мужа в такую глубокую печаль, что он наложил на себя руки».

Он предпочел промолчать.

— Это была всего лишь игра, — неожиданно сказала Эльза, — глупое жонглирование идеями, на самом деле не имевшее отношения ни к нему, ни к любому другому живому человеку. Чего ради вы на нас отвлекаетесь? Возвращайтесь к себе на Уайтхолл и продолжайте передвигать фигурки шпионов на своем картонном игровом поле. Она немного помолчала, никак не проявляя эмоций, если не считать обжигавшего взгляда темных глаз. — Вы страдаете застарелой болезнью, мистер Смайли, — продолжала она, доставая из пачки

сигарету, — я часто встречала жертв этого недуга. Сознание как бы отделяется от тела; оно продолжает мыслить в отрыве от реальности, властвует в бумажном королевстве и бесстрастно создает и уничтожает таких же на первый взгляд бумажных людей. Но порой граница между вашим и нашим мирами вдруг стирается, бумажное досье обретает плоть и кровь, и это ужасный момент, не правда ли? У абстрактных бумажных человечков, оказывается, есть семьи, есть прошлое и мотивы для тех мелких проступков, которые вы превращаете в грехи, описывая их в своих досье. И когда так случается, мне становится очень вас жалко.

Она сделала еще одну небольшую паузу, а потом продолжила:

— Это как государство и народ. Ведь государство — это тоже всего лишь сон, пустой символ, за которым не стоит ничего реального, как сознание, оторванное от тела, как попытка играть с облаками в небе. Но ведь именно государства развязывают войны и сажают людей в тюрьмы, верно? Вы спите, и вам снятся чистые доктрины. Здесь невозможно даже замараться. Но только теперь мы с мужем тоже чисты в ваших глазах, или я не права?

Она смотрела на него в упор. Ее акцент стал намного заметнее.

— Вы отождествляете себя с государством, мистер Смайли, вам нет места среди реальных людей. Если вы сбросили бомбу с небес, то не надо приходить на место ее падения, чтобы посмотреть на кровь и послушать крики умирающих.

Она говорила, не повышая голоса, а смотрела теперь куда-то выше и мимо него.

— По-моему, вы все еще в шоке. Как же! Вы, видимо, ожидали застать меня в слезах, но у меня слезы кончились уже давно, мистер Смайли — я пуста. Мне пришлось оплакивать слишком многих. Спасибо, что навестили, мистер Смайли, теперь можете отправляться обратно — здесь вам больше делать нечего.

Он подался вперед в своем кресле, держа пухлые руки на коленях. Вид у него был одновременно и самоуверенный, и встревоженный, как у бакалейщика, которого отчитал недовольный клиент. Лицо побледнело, кожа на висках и над верхней губой слегка поблескивала. Под глазами четко обозначились два лиловых полумесяца, рассеченных толстой оправой очков.

— Послушайте, миссис Феннан, наша беседа была не более чем простой формальностью. Мне показалось, что ваш муж получил от нее удовольствие и пребывал в отличном настроении, когда мы завершили разговор.

— Как вы смеете делать подобные заявления, как у вас язык поворачивается...

— Но я говорю правду. Если уж на то пошло, я даже не стал с ним разговаривать в помещении министерства. Когда я пришел к нему, то обнаружил, что его кабинет — это нечто вроде проходного двора между другими комнатами, и потому мы отправились сначала в парк, а потом в кафе. Едва ли похоже на инквизицию, если подумать. Я сказал, что ему не о чем беспокоиться, — именно так звучали мои слова. И потому я никак не могу понять, откуда взялось такое письмо. Это не имеет...

— А я сейчас думаю вовсе не о письме, мистер Смайли. Я вспоминаю то, что он сказал мне сам.

— Что вы имеете в виду?

— Беседа с вами до крайности расстроила его, и он рассказал мне об этом. Вернувшись домой в понедельник вечером, он был в отчаянии, граничившем с невменяемостью. Он рухнул в кресло, и мне с большим трудом удалось позже заставить его лечь в постель. Я дала ему успокоительное, которого хватило только на первую половину ночи. И он продолжал говорить об этом все следующее утро. Черные мысли не шли у него из головы до самой смерти.

Сверху донеслись звонки телефона. Смайли поднялся.

— Прошу прощения, но мне должны звонить из офиса. Надеюсь, вы не возражаете?

— Телефон стоит в большой спальне прямо у нас над головами.

Смайли медленно поднялся по лестнице, все еще находясь в полном недоумении. Что, черт возьми, следует сказать Мастоу?

Он снял трубку, машинально прочитав написанный на аппарате номер.

— «Уоллистон двадцать девять сорок четыре» слушает.

— Это с телефонной станции. Доброе утро. Звоним вам в восемь тридцать, как вы и просили.

— А?.. Ах да, спасибо вам огромное.

Он дал отбой, довольный, что получил небольшую передышку. Затем бегло осмотрел комнату. Это явно была спальня самих Феннанов, обставленная просто, но удобно. Перед газовым камином стояли два кресла. Смайли вспомнил, что три послевоенных года Эльза Феннан была прикована к постели. Вероятно, еще с тех времен супруги приобрели привычку вечерами сидеть здесь вдвоем у огня. Альковы по обе стороны камина занимали полки с книгами. В дальнем углу на столике он заметил пишущую машинку. Было во всей атмосфере комнаты что-то настолько интимное и трогательное, что, вероятно, впервые Смайли по-настоящему ощутил весь трагизм ухода Феннана из жизни. И он вернулся в гостиную.

— Это вас, — сказал он. — Звонок с телефонной станции, который вы заказывали на восемь тридцать.

Вновь возникла пауза. Смайли бросил взгляд на хозяйку, но она тут же отвернулась от него и стояла, глядя в окно, с напряженной, очень прямой тощей спиной и с жесткими короткими волосами, которые казались темными на фоне утреннего света.

Тут он всмотрелся в нее пристальнее. До него только сейчас дошло то, что он должен был понять сразу — еще там, в спальне. Нечто настолько невероятное, что мозгу потребовалось некоторое время, чтобы осознать это. Чисто автоматически он продолжал что-то говорить, но чувствовал желание как можно быстрее уйти отсюда, держаться подальше от телефона, по которому мог позвонить Мэстон и засыпать его истеричными вопросами, убраться из мрачноватого, вселявшего беспокойство дома Эльзы Феннан. Уйти и хорошенько поразмыслить.

— Я и так отнял у вас слишком много времени, миссис Феннан. Лучше будет последовать вашему совету и вернуться в Уайтхолл.

Снова пожатие холодной хрупкой руки, его невнятные слова соболезнавания. Он взял в прихожей свое пальто и вышел под лучи утреннего зимнего солнца, ухитрившегося пробиться сквозь тучи после затяжного дождя. И оно немедленно новыми, еще влажными красками покрыло деревья и дома на Мерридейл-лейн. При этом небо оставалось почти черным, и тем более странным казался лежавший под ним неожиданно яркий мир, солнечный свет в котором выглядел как будто украденным из другого места на Земле.

Смайли неспешно спустился по гравию дорожки, опасаясь, что его могут в любой момент окликнуть и предложить вернуться.

В полицейский участок он пришел, полный глубоко взволновавших его мыслей. И главная из них заключалась в том, что не Эльза Феннан попросила телефонную станцию сделать звонок-напоминание в восемь тридцать утра нынешним утром.

Глава 4

Кафе «Фонтан»

Начальником уголовного розыска в полицейском участке Уоллистона был добродушный гигант, для которого главным мерилком профессиональной компетенции являлась выслуга лет. И он считал свое мнение единственно верным. В противоположность ему инспектор Мендель, которого сделал своим связником Спэрроу, оказался худосочным остролицым джентльменом с манерой говорить очень быстро и одним уголком рта. Он показался Смайли чем-то похожим на хорошего лесничего, который досконально знал свою территорию и не любил, когда на нее вторгались посторонние.

— Для вас оставили сообщение из вашего департамента, сэр. Вам необходимо срочно позвонить Советнику. — Главный местный сыщик указал огромной лапицей на телефон и тут же вышел в открытую дверь своего кабинета. Мендель остался сидеть на месте. Смайли какое-то время всматривался в него, размышляя, можно ли этому человеку доверять.

— Закройте дверь.

Мендель подошел к двери и без стука захлопнул ее.

— Мне нужно навести кое-какие справки на местном телефонном узле в Уоллистоне. С кем там лучше всего будет поговорить?

— С заместителем директора. Ее шефа вечно нет на месте, и она тащит на себе всю работу.

— Кто-то из дома пятнадцать по Мерридейл-лейн попросил телефонисток со станции позвонить сегодня в восемь тридцать утра. Мне необходимо выяснить, в котором часу была сделана такая заявка и кем именно. Кроме того, хотелось бы узнать, регулярно ли заказывались подобные звонки, и если да, то все известные подробности о них.

— Помните номер?

— «Уоллистон двадцать девять сорок четыре». Владелец должен значиться Сэмюэл Феннан, я так думаю.

Мендель взялся за телефон, набрал «ноль» и, дожидаясь ответа, спросил Смайли:

— Вы ведь не хотите, чтобы кто-то пока об этом знал, верно?

— Никто ничего не должен знать. Включая даже вас самого. По всей вероятности, это ничего не значит. И если мы начнем трепать языками о возможном убийстве, то...

В этот момент Менделю ответили со станции, и он попросил соединить его с заместителем директора.

— Беспокоит полиция Уоллистана, уголовный розыск. Нам необходима проверка данных... Да, конечно... В таком случае перезвоните мне сами... По прямому номеру нашего подразделения — «Уоллистон двадцать четыре двадцать один».

Мендель положил трубку и стал ждать звонка со станции.

— А неглупые девчонки там сидят, — пробормотал он, не глядя на Смайли. Телефон зазвонил, и он вернулся к прерванному разговору. — Мы расследуем ограбление на Мерридейл-лейн. Дом восемнадцать. Есть вероятность, что преступники использовали дом номер пятнадцать как наблюдательный пункт, чтобы вломиться в жилище напротив. Нельзя ли установить все входящие и исходящие звонки с телефона «Уоллистон двадцать девять сорок четыре» за последние двадцать четыре часа?

Последовала пауза. Мендель приложил ладонь к микрофону трубки и повернулся к Смайли с легкой плутовской усмешкой. И Смайли вдруг почувствовал к нему прилив симпатии.

— Она опрашивает девочек, — шепнул Мендель, — а потом просмотрит записи в книге регистрации.

Он снова отвернулся, сосредоточился на телефоне и стал записывать что-то в блокноте начальника, лежавшем на столе. Потом резко замер и подался вперед.

— Вот как? — Голос его звучал расслабленно по контрасту с напряженной позой. — А в котором часу это было?

Еще пауза.

— В девятнадцать пятьдесят пять?.. И звонил мужчина? Ваша сотрудница уверена в этом?.. Ну конечно... Теперь понятно. Все четко. Это нам очень поможет... Все равно спасибо вам большое за помощь. По крайней мере мы теперь владеем информацией... Вы очень любезны... Нет, это рабочая версия, и только. Придется, наверное, немало поломать голову. Еще раз благодарю, и, пожалуйста, сохраните мой запрос в тайне, насколько это возможно... Всего хорошего!

Он дал отбой, вырвал из блокнота листок и сунул в карман.

Теперь уже быстро заговорил Смайли:

— Я знаю одно жуткое кафе здесь неподалеку. Мне все равно пора позавтракать. Пойдемте со мной. Выпьем чашку кофе.

Телефон снова зазвонил. Смайли почти физически ощущал Мастона на другом конце провода. Мендель бросил на него беглый взгляд и, кажется, все понял. Они оставили аппарат трезвонить дальше, а сами поспешно вышли из полицейского участка и направились в сторону Хай-стрит.

Кафе «Фонтан» (владелица мисс Глория Адам) отличали все тот же тюдоровский стиль, обилие медных деталей конской упряжи в интерьере и местный мед, продававшийся на шесть пенсов дороже, чем по всей округе. Мисс Адам лично разносила самый отвратительный кофе, который можно найти южнее Манчестера, и называла клиентов «мои друзья». Причем своих «друзей» мисс Адам не обслуживала, а откровенно грабила, считая это, видимо, важным атрибутом домашней обстановки, иллюзию которой всеми силами старалась поддерживать в своем заведении. Ее социальное происхождение оставалось неясным, но в разговорах она часто именовала своего покойного отца «полковником». Среди тех «друзей» мисс Адам, которые платили за дружбу с ней особенно дорого, была популярна сплетня, что упомянутый полковничий чин папаша получил скорее всего за деятельность на ниве благотворительности в Армии спасения.

Мендель и Смайли заняли угловой столик рядом с камином и дожидались возможности сделать заказ. Мендель смотрел на Смайли с несколько озадаченным выражением лица.

— Девушка запомнила звонок очень хорошо. Запрос поступил перед самым окончанием ее смены — в девятнадцать пятьдесят пять прошлым вечером. Просили позвонить в восемь тридцать утра сегодня. Это сделал сам Феннан — она абсолютно уверена.

— Почему?

— Как я понял, Феннан звонил в прошлое Рождество, когда дежурила та же девушка. Пожелал всем сотрудницам телефонной станции веселого праздника. Она была приятно удивлена. Они немного поболтали о том о сем. И теперь она убеждена, что тот же

человек вчера вечером заказал предупредительный звонок. «Очень культурный джентльмен», по ее словам.

— Но это же ерунда какая-то! Предсмертное письмо он написал в двадцать два тридцать. Что могло произойти между восемью и половиной одиннадцатого?

Мендель поднял с пола свой дипломат. Поскольку замок на нем отсутствовал, он больше напоминал футляр для музыкального инструмента, отметил про себя Смайли. Из чемоданчика инспектор вытащил простую папку для бумаг и подал Смайли:

— Факсимиле письма. Шеф попросил вручить его вам. Оригинал ждут в МИДе, а еще одна копия пойдет лично в руки Марлен Дитрих.

— А это еще, черт побери, что за птица?

— Простите, сэр, но так мы называем вашего Советника. Прозвища — обычное дело среди полицейских. Весьма сожалею, если звучит бестактно.

Наоборот, подумал Смайли. Прозвище восхитительное, бесподобное по точности. Он открыл папку и окинул факсимиле взглядом. Мендель продолжал:

— Первое на моей памяти письмо самоубийцы, напечатанное на машинке. И, кстати, чтобы точно указывали время написания, я тоже вижу впервые. А вот к подписи не придерешься. Сравнил ее в участке с образцом, который он однажды оставил, расписываясь в получении своей потерянной вещи, найденной нами. Один к одному.

Письмо действительно было напечатано, и, возможно, на портативной пишущей машинке. Как и анонимка. Но на этом листке Феннан оставил свой аккуратный, разборчивый автограф. Вверху листка под строкой с адресом была напечатана дата, а еще ниже время: 22.30.

Уважаемый сэр Дэвид!

Обдумав ситуацию, я не без некоторых колебаний все же принял решение добровольно уйти из жизни. Для меня невыносима мысль, что на мне отныне всегда будет лежать тень подозрений в предательстве. Мне совершенно ясно, что с моей карьерой покончено, пусть я и стал жертвой платных доносчиков.

Искренне Ваш, Сэмюэл Феннан

Смайли перечитал текст несколько раз, сжав от напряжения губы и вздернув брови, словно от удивления. Мендель между тем о чем-то его спрашивал.

— Как вы об этом узнали?

— О чем?

— О том утреннем звонке.

— Дело в том, что я сам на него ответил. Думал, звонят мне. Однако это оказался звонок со станции. Но сразу я даже ничего не сообразил. Предположил, что позвонить попросила вдова, понимаете? Спустился вниз и сообщил ей об этом.

— Спустились вниз?

— Да. У них телефон стоит в спальне. Хотя это скорее комбинация спальни и гостиной... Миссис Феннан ведь долго пробыла на инвалидности, и они оставили комнату в прежнем виде, как мне показалось. Там еще и что-то вроде кабинета в одном из углов: книги, стол, пишущая машинка и тому подобное.

— Пишущая машинка?

— Да. Портативная. Думаю, на ней он и напечатал это свое письмо. Но, видите ли, ответив на звонок, я совершенно упустил из виду, что его никак не могла заказать миссис Феннан.

— Почему же?

— Она страдает бессонницей — сама мне об этом сказала. Когда я посоветовал ей отдохнуть, она ответила: «Я вынуждена как-то коротать по меньшей мере двадцать часов в сутки. А это не так легко даже для меня». И еще добавила, что сон для нее — недоступная роскошь. Так с какой стати ей просить разбудить ее в восемь тридцать?

— А с какой стати это было делать ее мужу или кому-то другому? Это почти обеденное время для многих — Боже, спаси и сохрани государственных служащих!

— Вот именно! Это и для меня загадка. В министерстве рабочий день начинается поздно. В десять, если не ошибаюсь. Но даже в таком случае Феннану следовало встать гораздо раньше восьми тридцати, чтобы побриться, одеться, позавтракать и успеть к своему поезду. И потом, почему его не могла разбудить жена?

— Не исключая, что она преувеличивает свои проблемы со сном, — сказал Мендель. — Женщины часто раздувают из мухи слона, когда речь заходит о мигренях, бессоннице и других пустяках. Думают,

что их будут считать из-за этого натурами нервными, утонченными и темпераментными. Как правило, это обычное кокетство.

Смайли только головой покачал:

— Нет, она все равно никак не могла заказать звонок. Она ведь вернулась домой только в двадцать два сорок пять. Но даже если предположить, что она ошиблась по поводу времени своего возвращения, ей никак не удалось бы добраться до телефона, не наткнувшись сначала на тело мужа. Вы же не станете меня уверять, что это нормальная реакция: найти супруга мертвым, но первым делом кинуться заказывать звонок на утро?

Они какое-то время молчали, попивая кофе.

— Есть еще соображение, — сказал Мендель.

— Какое?

— Жена вернулась из театра в двадцать два сорок пять, так?

— Да, по ее же словам.

— Она ходила в театр одна?

— Без понятия.

— Держу пари, что не одна, а потому вынуждена была сказать правду. Для того и время в письме проставила, чтобы создать себе алиби.

Смайли вспомнил Эльзу Феннан, ее злость, ее покорность судьбе. И ему показалось совершенно неуместным говорить о ней в подобном ключе. Нет. Только не Эльза Феннан. Нет.

— Где было найдено тело? — спросил Смайли.

— У подножия лестницы.

— У нижних ступеней?

— Да. Распластавшимся в холле. Револьвер лежал под ним.

— А записка? Где была она?

— Рядом с ним на полу.

— Что-нибудь еще примечательное?

— Да. Кружка с какао в гостиной.

— И что у нас получается? Феннан решает покончить с собой. Просит телефонную станцию позвонить ему завтра в восемь тридцать. Потом наливает себе какао и оставляет кружку в гостиной. Поднимается вверх и печатает предсмертную записку. Снова спускается и простреливает себе голову, не притронувшись к какао. Как складно, не правда ли?

— Да, что верно, то верно. Между прочим, не пора ли вам позвонить в свою контору?

Смайли лукаво посмотрел на Менделя:

— Вот и конец тому, что обещало перерасти в крепкую мужскую дружбу.

Но, направляясь к телефону-автомату, он услышал, как за спиной Мендель пробормотал:

— Держу пари, ты всем так говоришь.

И потому, называя оператору номер Масто́на, Смайли не смог сдержать улыбки.

Мастон пожелал видеть его немедленно.

Смайли вернулся к их столику. Мендель помешивал сахар еще в одной чашке кофе с таким видом, словно это занятие требовало полной концентрации. И ел очень большую булочку.

Смайли встал рядом.

— Мне нужно ехать в Лондон.

— Ну и наделаете вы там переполоха, как лиса в курятнике. — Острое лицо резко повернулось к нему. — Или нет?

Теперь Мендель говорил передней частью рта, пока задняя продолжала расправляться с булочкой.

— Если Феннана убили, то нет такой силы в природе, которая помешает прессе узнать об этом, — ответил Смайли, а про себя подумал: «Едва ли Масто́ну такой вариант понравится. Он предпочел бы самоубийство».

— Но ведь теперь с этим ничего не поделаешь, верно?

Смайли помедлил с ответом, хмурый и серьезный. Он уже как будто слышал, как Мастон иронизирует над его подозрениями, как спешит сразу поднять их на смех.

— Не знаю, — сказал он. — Я действительно пока ничего не знаю.

Назад в Лондон, назад в Идеальный дом Масто́на, назад к крысиной гонке перекладывания ответственности с больной головы на здоровую. И назад к иллюзорному миру, где человеческую трагедию следует изложить на трех страничках рапорта.

Снова дождило, но теперь лил непрерывный, более теплый дождь, и даже за то короткое время, пока Смайли добирался от кафе «Фонтан» до полицейского участка, он успел основательно промокнуть. Сняв

пальто, он кинул его на заднее сиденье своей машины. Он с облегчением покидал Уоллистон, пусть ему и предстояло вернуться в Лондон. Сворачивая на главную улицу, он периферийным зрением заметил фигуру Менделя, который упрямо шлепал по тротуару к железнодорожной станции в потемневшей от сырости и почти потерявшей форму фетровой шляпе. Смайли почему-то даже в голову не пришло предложить подбросить его в город, и он почувствовал себя неловко. Но Мендель, ничуть не смущенный, сам открыл пассажирскую дверь и запрыгнул внутрь.

— Вот повезло! — только и сказал он. — Ненавижу поезда. Вы ведь едете на Кембридж-серкус? Тогда высадите меня где-нибудь в районе Вестминстера, если не трудно.

Они тронулись в путь. Мендель достал исцарапанную жестянку с табаком и свернул себе сигарету. Он уже почти вложил ее себе между губ, но передумал, протянул Смайли и дал прикурить от своей замечательной зажигалки, выдававшей струю голубоватого пламени в два дюйма высотой.

— У вас до крайности обеспокоенный вид, — заметил Мендель.

— Точное наблюдение.

После паузы Мендель сказал:

— Вас грызет чувство, что вы многое так и не выяснили.

Но они проехали еще четыре или пять миль, прежде чем Смайли остановился у тротуара и повернулся к Менделю.

— Вы не будете сильно возражать, если мы вернемся в Уоллистон?

— Отличная идея. Повидайтесь с ней еще раз и спросите у нее самой.

Смайли развернулся и медленно поехал в обратном направлении в сторону Уоллистона, в сторону Мерридейл-лейн. Оставив Менделя ждать в машине, он спустился по уже знакомой, крытой гравием дорожке.

Она открыла дверь и впустила его в гостиную, не вымолвив ни слова. На ней было все то же платье, и Смайли стало интересно, как она провела время после его отъезда этим утром.

Ходила ли по дому из угла в угол или просидела неподвижно на первом этаже? А быть может, в одном из кожаных кресел, стоявших наверху в спальне? Как ощущала она себя в роли только что

овдовевшей женщины? Воспринимала ли уже свое одиночество всерьез или как раз находилась в том тайно приподнятом настроении, которое, как правило, возникает ненадолго сразу вслед за первым приступом горя? Смотрелась ли в зеркало, стараясь заметить перемену в себе, с лицом, перекошенным от ужаса и бесслезных рыданий?

Оба остались стоять, инстинктивно стремясь избежать повторения утренней встречи.

— Есть кое-что, о чем я обязан вас спросить, миссис Феннан. А потому, уж извините, пришлось потревожить еще раз.

— Как я догадываюсь, насчет утреннего звонка с телефонной станции?

— Да.

— Я была уверена, что это вас удивит. Страдающая бессонницей просит разбудить ее утром. — Беспечный тон звучал неестественно.

— Верно. Мне это показалось странным. Вы часто ходите в театр?

— Да. Раз в две недели. Я — член клуба при репертуарном театре Уэйбриджа и стараюсь не пропускать их мероприятий. А они гарантируют мне место по вторникам на каждой премьере. Мой муж как раз по вторникам всегда задерживался на работе. И поэтому никогда не ходил со мной, он вообще предпочитал только театральную классику.

— Но он любил Брехта, не правда ли? Был в восторге, когда его «Берлинер ансамбль» гастролировал в Лондоне.

Она окинула Смайли быстрым взглядом, а потом вдруг улыбнулась — впервые. Это была изумительная улыбка, все ее лицо осветилось, как у ребенка.

Перед Смайли на секунду возник образ Эльзы Феннан в детстве — долговязая, подвижная девчонка-сорванец, подобная маленькой Фадетте у Жорж Санд — лишь формирующаяся женщина, словоохотливая и часто лживая. Она могла быть хитрой и вкрадчивой, готовой на все ради себя самой, а потом вдруг оказалась в голоде и страхе концлагеря, где каждый вел безжалостную войну за выживание. Вот почему улыбка показалась ему одновременно и жалкой — в ней смешались невинность детства и стальная воля, выкованная как оружие в борьбе за существование.

— На самом деле этот звонок имеет самое простое объяснение, — сказала она. — Я, кроме прочего, страдаю провалами в памяти — это

что-то ужасное! Отправляюсь в магазин и не помню, что собиралась купить, назначаю по телефону встречу, но забываю о ней, как только кладу трубку. Приглашаю друзей погостить в выходные, а когда они приезжают, нас нет дома. Вот почему, когда мне нужно вспомнить о чем-то действительно важном, я иногда договариваюсь с телефонной станцией, чтобы мне позвонили за несколько минут до назначенного времени. Это как узелок на платочке, но вот только узелок не услышишь, верно?

Смайли всматривался в нее. У него пересохло в горле, и он с трудом сглотнул, прежде чем смог задать следующий вопрос.

— И о чем же вы просили их себе напомнить в этот раз, миссис Феннан?

Снова милая улыбка:

— Вот видите. Я уже напрочь забыла.

Глава 5

Мастон и пламя свечей

Пока они медленно ехали в сторону Лондона, Смайли перестал ощущать рядом присутствие Менделя.

В былые дни само по себе вождение автомобиля служило ему отдыхом, во время долгой поездки в одиночестве его усталый мозг переставал непрерывно работать, а физическое утомление от нескольких часов, проведенных за рулем, позволяло забыть о самых мрачных делах.

Вероятно, следовало считать еще одной приметой приближения преклонного возраста его нынешнюю неспособность отвлечься подобным образом. Теперь он нуждался в более сильных средствах: в последнее время он часто пытался вообразить себе прогулку по одному из европейских городов, вспоминая все магазины и интересные здания, которые должен был бы миновать. В Берне, например, его маршрут пролегал от Мюнстерского собора до университета. Но никакие самые напряженные умственные упражнения не мешали постоянному вторжению призраков дня сегодняшнего, возвращавших от грез к реальности. Это Энн похитила его душевный покой, Энн, с которой только реальность стала важна, а жить следовало здесь и сейчас. С ее уходом образовалась пустота.

Он не мог поверить, что Эльза Феннан убила мужа. Ее инстинкты велели ей защищать, лелеять ценности своей жизни, окружать себя символами нормальности нынешнего существования. В ней отсутствовала агрессия. Не было иных порывов, кроме как хранить и оберегать.

Но кто он такой, чтобы судить об этом? Как там писал Гессе? «Странно бродить в тумане, где каждый сам по себе. Даже дерево не знает другого, что растет рядом с ним. Каждый сам по себе». «Мы же не знаем друг о друге ничего, вообще ничего, — размышлял Смайли. — Как бы ни были мы близки, пребывая в иллюзии, что читаем самые потаенные мысли другого, на самом деле не знаем ничего. Как я могу разобраться в душе Эльзы Феннан? Мне только

кажется, будто я понимаю ее страдания и причины ее испуганной лжи, но что мне действительно известно о ней? Ровным счетом ничего».

Мендель ткнул пальцем в дорожный указатель:

— Здесь я теперь живу. В Митчаме. Неплохое местечко, ей-богу! Я уже сыт по горло холостяцкими квартирами. Вот и купил полдома в этих краях. Перед уходом на пенсию.

— На пенсию? А тебе еще далеко до этого?

— Очень далеко. Целых три дня. Потому мне и поручили это задание. Ничего особенного, никаких возможных осложнений. Пусть этим займется старина Мендель, ему в самый раз.

— Вот оно как... Что ж, тогда к понедельнику мы оба останемся без работы.

Он довез Менделя до здания Скотленд-Ярда и отправился на Кембридж-серкус.

Когда Смайли входил внутрь, ему казалось, что здесь уже всем все известно. Он словно улавливал это во взглядах, в чуть изменившемся отношении к нему. Направился он напрямик к кабинету Мастона. Секретарша Советника в приемной быстро вскинула взгляд на Смайли.

— Советник у себя?

— Да. И ждет вас. Он как раз один. Когда я постучу, сразу входите.

Но Мастон открыл дверь сам и уже подзывал его к себе. На нем был черный пиджак и брюки в тонкую полоску. Он явно собирается в кабаре, подумал Смайли.

— Я тщетно пытался связаться с вами. Вам передавали мои сообщения? — спросил Мастон.

— Да, но у меня не было возможности поговорить с вами.

— Не понимаю почему?

— Потому что я не верю, что Феннан покончил с собой. Полагаю, его убили. А это не телефонный разговор, согласитесь.

Мастон снял очки и посмотрел на Смайли с глубочайшим удивлением.

— Убили? С чего вы это взяли?

— Феннан написал прощальное письмо в двадцать два тридцать прошлым вечером, если мы примем на веру время, указанное на листке.

— Ну и что?

— А в девятнадцать пятьдесят пять он позвонил на телефонную станцию и попросил разбудить его в восемь тридцать на следующее утро.

— Откуда, черт побери, вам об этом известно?

— Я как раз был там сегодня утром, когда со станции позвонили. И подошел к телефону, предполагая, что меня вызывают из офиса.

— Но откуда уверенность, что звонок заказал Феннан?

— Я навел справки. Девушка со станции хорошо знала голос Феннана; она не сомневается, что это был он. И позвонил в девятнадцать пятьдесят пять вчера вечером.

— Феннан водил знакомство с этой девицей, так что ли?

— Боже упаси, нет, конечно. Они просто иногда болтали по телефону.

— А с чего вы взяли, что его убили?

— Я задал его жене вопрос об этом звонке...

— И...

— И она мне солгала. Заявила, что заказала звонок сама. Она, дескать, страдает от провалов в памяти и потому иногда просит о напоминаниях телефонисток. Как завязывает узелок на носовом платке, если предстоит важная встреча. И еще одна деталь. Прежде чем застрелиться, он приготовил себе какао. Которое так и не выпил.

Мастон слушал молча. Но под конец улыбнулся и поднялся из кресла.

— Вы, как представляется, не поняли смысл своего поручения, — сказал он. — Я отправил вас выяснить, почему Феннан покончил с собой. А вы возвращаетесь и говорите, что он этого не делал. Не надо выполнять за полицейских их работу, Смайли. Мы с вами не детективы в штатском.

— Нет. И я иногда задумываюсь, кто мы вообще такие.

— Вам удалось выяснить хоть что-то касающееся непосредственно нас? Нечто, что хоть как-то объясняет его мотивы? Факты, подтверждающие содержание его предсмертного письма?

Смайли замялся, прежде чем ответить, хотя заранее знал, что до этого дойдет.

— Да. Насколько я понял со слов миссис Феннан, ее муж был очень расстроен после нашей беседы. — Теперь ему уже ничто не мешало выложить все начистоту. — Он очень нервничал, не мог

нормально заснуть. Ей пришлось дать ему снотворное. Ее рассказ о реакции Феннана на беседу полностью совпадает с настроением письма. — Он немного помолчал, глядя перед собой с глуповатым видом и часто моргая. — Но я как раз и пытаюсь объяснить, что не верю ей. Не верю, что Феннан написал то письмо сам, как и в его самоубийство. — Он повернулся к Мастоу. — Мы не можем просто отмахнуться от странностей в этом деле. Есть и кое-что другое, — поспешил добавить он, пока его не прервали. — Я еще не отдавал их на экспертизу, но существует определенное сходство между анонимкой и письмом Феннана. Шрифт идентичен. Понимаю, звучит невероятно, но это так. Нам необходимо привлечь к делу полицию и сообщить им все имеющиеся факты.

— Факты? — переспросил Мастоу. — А какие факты? Предположим, жена действительно солгала, но, судя по моей информации, она уже старая женщина, иностранка, еврейка. Одному Богу известно, что творится у нее в голове. Мне сказали, что она пострадала во время войны, попала за колючую проволоку и все такое. Она могла видеть в вас очередного врага, своего рода инквизитора. Поняв, что вы за что-то зацепились, она начинает паниковать и выдает вам ложь, какая только приходит ей на ум. Разве это делает из нее убийцу?

— Тогда зачем Феннан сделал тот звонок? Почему приготовил себе напиток, к которому так и не прикоснулся?

— А кто вообще может объяснить что-то подобное? — Голос Мастоу с каждой минутой становился раскатистее и увереннее. — Если бы я или вы, Смайли, однажды подошли к той ужасной черте, когда человек хочет добровольно уйти из жизни, кто смог бы предсказать наши поступки и мысли в последние минуты? Что же до Феннана, то здесь все проще. Он видит, что карьере пришел конец, его жизнь лишается смысла. Разве кому-то покажется столь уж невероятным, что в минуту слабости, еще ни на что не решившись окончательно, ему захотелось в последний раз услышать голос другого человека, получить частичку чужого тепла, прежде чем умереть? Согласен, это всего лишь допущение с налетом некоторой сентиментальности, но разве такое развитие событий не было возможным, принимая во внимание, в каком состоянии находился человек, стоявший на грани самоубийства?

Смайли не мог не отдать ему должного. Мاستон превосходно играл свою роль, и в этом он никогда не смог бы с ним тягаться. Он вдруг почувствовал, нарастающую волну паники от собственного невыносимого бессилия. Но вместе с этим чувством пришла почти безотчетная злость на позера и лицемерного подхалима, на шлюховатую бабу в мужском обличье с седеющими волосами и такой умной с виду улыбкой. Страх и ярость овладели им одновременно, пронизав тело, стеснив грудь. Лицо покраснело и разгорячилось, он ничего не видел сквозь очки, потому что на глаза навернулись слезы, только усугубляя унижение.

А Мастон продолжал, к счастью, ничего не замечая:

— Вы никогда не убедите меня отправиться с этими так называемыми фактами к министру внутренних дел и заявить ему, что полиция пришла к неверному заключению; вам известно, что наши отношения с полицейскими и без того оставляют желать много лучшего. Конечно, у нас имеются определенные основания для подозрений: если излагать вкратце, то поведение Феннана прошлым вечером не совсем соответствует намерению покончить счеты с жизнью. Его жена, по всей вероятности, вам солгала. Но против нас мнение опытных сыщиков, досконально владеющих своей профессией, которые не обнаружили никаких странностей в обстоятельствах смерти, а миссис Феннан готова официально подтвердить, что собеседование довело ее мужа до полного отчаяния. Простите, Смайли, но здесь даже обсуждать нечего.

Воцарилось молчание. Смайли постепенно приходил в себя, чувствуя подавленность и не желая продолжать бессмысленный спор. Он по-прежнему близоруко смотрел прямо перед собой, его одутловатое морщинистое лицо оставалось багровым, уголки рта безвольно опущены. Мастон ждал возражений, но Смайли смертельно устал и понял, насколько ему все это стало безразлично. Даже не взглянув больше на начальника, он поднялся и вышел.

Добравшись до своего кабинета, он сел за стол и принялся машинально перебирать текущие дела. В лотке с принесенными сегодня входящими бумагами лежало всего два-три служебных циркуляра и личное письмо, адресованное в министерство обороны на имя Дж. Смайли, эсквайра. Почерк на конверте был ему не знаком. Вскрыв его, он прочитал письмо.

Уважаемый мистер Смайли!

Для меня крайне важно встретиться с Вами завтра за обедом в «Комплит энглер» на Марлоу. Пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы увидаться там со мной в час дня. Есть нечто, о чем я должен Вам сообщить.

Ваш

Сэмюэл Феннан

Письмо было написано от руки и датировано предыдущим днем, вторником третьего января. Судя по почтовому штемпелю, его отправили в шесть часов вечера из района Уайтхолла.

Смайли разглядывал его несколько минут, крепко зажав в пальцах и склонив голову набок с каменным выражением лица. Затем он отложил письмо, выдвинул ящик стола и достал листок девственно чистой бумаги. На нем он написал краткое прошение об отставке и пришил скрепкой приглашение Феннана. Вызвав звонком секретаршу, Смайли положил написанное в лоток «Исходящие» и направился к лифту. Кабина, как это часто происходило, надолго застряла в подвале, доставив туда каталку с чайными принадлежностями для дам из картотеки, и, подождав немного, Смайли стал спускаться по лестнице. На полпути вниз он спохватился, что оставил в кабинете плащ и кое-какие личные мелочи. Ничего, подумал он, пришлют как-нибудь ему на дом.

Он сидел в машине на стоянке, уставив взгляд в покрытое каплями дождя лобовое стекло.

Ему плевать. Да, черт возьми, ему на все наплевать! Не мог он избавиться только от удивления. От неожиданного ощущения почти полного контроля над собой. Различного рода беседы и допросы играли в жизни Смайли такую большую роль, что он уже давно привык считать себя надежно защищенным от них: касались ли они вопросов дисциплины, научных тем, медицины или религиозных взглядов. Скрытный от природы, он ненавидел допросы в любой форме, презирал попытки влезть в чужую душу, докопаться до каких-то фактов, которые порой неизбежно всплывали во время таких бесед. Ему вспомнился один особенно веселый и счастливый ужин с Энн в «Куалино» — дорогом ресторане в центре Лондона, за которым он

рассказал ей о своей системе «хамелеона-броненосца», помогавшей оставить ни с чем любого инквизитора.

Они ужинали при свечах, белая кожа, жемчуга они пили бренди — и широко распахнутые влажные глаза Энн, только для него; Смайли, разыгрывавший из себя пылкого любовника и делавший это на удивление хорошо; Энн, еще любившая его и очарованная установившейся между ними гармонией.

— ...Сначала я научился быть хамелеоном.

— Неужели ты пугал их отвратительной отрыжкой, мой мерзкий лягушонок?

— Нет, здесь все дело в цвете. Хамелеоны меняют окраску.

— Ах, ну, конечно, меняют окраску. Они садятся на зеленые листочки и становятся зелеными. Ты тоже зеленел, лягушонок?

Кончиками пальцев он прикоснулся к ее руке.

— Помолчи, шалунья, и послушай, как с помощью метода «хамелеона-броненосца», разработанного Смайли, обвести вокруг пальца самого настырного интервьюера.

Ее лицо придвинулось совсем близко, в глазах читалось обожание.

— Система основана на теории, что любой интервьюер никого не любит так, как самого себя, и будет невольно испытывать симпатию, увидев в тебе свое отражение. Твоя задача — окраситься в те же социальные, политические, эмоциональные и интеллектуальные цвета, отличающие человека, который тебя допрашивает.

— Как ты высокопарно выражаешься, мой надутый лягушонок. Тебя извиняет только то, что ты хороший любовник.

— Помолчи. Порой этот метод не срабатывает, когда интервьюер полный идиот или же находится в дурном расположении духа. И тогда ты превращаешься в броненосца.

— То есть надеваешь на себя такие непрошибаемые кольца, да, лягушонок?

— Нет, все гораздо проще. Силой воображения ты ставишь оппонента в такое положение, что начинаешь чувствовать себя существом более высокого порядка. Вот тебе пример. Меня готовил к конфирмации один бывший епископ. А поскольку я оказался единственной его паствой, то и получил испорченную половину каникул, отдуваясь перед ним за целую епархию. Но как-то, глядя на лицо епископа, я вообразил, что оно у меня на глазах покрылось

толстым слоем шерсти, и тон нашего собеседования сразу же изменился. Теперь я уже говорил с ним свысока. А потом стал еще изощреннее. Приобрел способность превращать его в обезьяну, заставлял застревать в оконных проемах, мог отправить его нагишом на банкет к масонам, проклясть и заставить пресмыкаться на брюхе...

— Какой же ты жестокий, мой ласковый лягушонок!

Верно, так оно и было. Но вот в последних беседах с Мастоном магия мысленной отстраненности покинула его, он все принимал слишком близко к сердцу. Стоило Мастоноу завладеть инициативой, как Смайли почувствовал чрезмерную усталость и отвращение, мешавшие бороться с ним. Он предполагал, что Эльза Феннан убила мужа, имея на то веские причины, но только ему это вдруг стало совершенно безразлично, не волновало абсолютно. Проблемы больше не существовало. Его подозрения, его опыт, его безошибочные инстинкты, здравый смысл, наконец, — для Мастоно все это не было реальностью и фактами. Фактом был только бумажный рапорт, отчет. Фактами были министры, среди которых министр внутренних дел выделялся как особо тяжелый случай. А потому департамент Мастоно совершенно не интересовало мнение даже самого мудрого из его сотрудников, если оно шло вразрез с нужной политической линией.

Совершенно измученный, Смайли неторопливо ехал в сторону дома. Сегодня он устроит себе ужин в ресторане. Причем закажет что-нибудь необычное. Время только приближалось к обеду — до наступления вечера он мог предаться чтению истории путешествия Олеария через бескрайнюю Россию с ганзейской торговой миссией. А потом — ужин в «Куалино» и тост, который он поднимет в одиночестве. Тост за удачливых убийц, то есть за Эльзу, причем с благодарностью: покончив с Сэмюэлом Феннаном, она заодно подвела черту под долгой карьерой Джорджа Смайли.

Не забыв по дороге забрать белье из прачечной, он наконец свернул на Байуотер-стрит, обнаружив свободное место для парковки только в трех домах от своего. Он выбрался из машины, держа под мышкой коричневый пакет, полученный в прачечной, а потом не только запер замок, но и по привычке обошел вокруг автомобиля, подергав все двери. По-прежнему сеял мелкий дождик. Он с раздражением заметил, что кто-то опять занял место для стоянки у

тротуара напротив его дома. Слава Богу, миссис Чэпел догадалась закрыть в его спальне окна, иначе дождь мог...

Внезапно он насторожился, заметив легкое движение в гостиной. То ли световой блик, то ли тень, то ли фигура человека, но что-то бросилось ему в глаза, в этом он не сомневался. Впрочем, действительно ли он заметил нечто, или сработал инстинкт, выработанный годами профессиональный навык? Что бы то ни было — предчувствие, чутье или напряженные нервы, которые иногда обретали повышенную восприимчивость, но он получил предупреждение и не мог игнорировать его.

Ни секунды не колеблясь, он снова положил уже приготовленные ключи от дома в карман пальто, взошел по ступенькам и нажал кнопку звонка.

Звук эхом прокатился по дому. Несколько секунд тишины, а потом Смайли явственно услышал, как к входной двери изнутри приближаются шаги, четкие и уверенные. Скрежет цепочки, щелчок засова, и дверь открылась спокойно, без малейшей заминки.

Смайли никогда прежде его не видел. Высокий, светловолосый, привлекательный, лет тридцати пяти. Светло-серый костюм, белая рубашка, серебристый галстук — униформа дипломата. Немец или швед. Левая рука небрежно лежала в кармане пиджака.

Смайли посмотрел на него, словно извиняясь, что потревожил.

— Добрый день. Не подскажете, мистер Смайли дома?

Дверь теперь открылась нараспашку. Лишь мгновенная нерешительность выдала незваного гостя.

— Да. Почему бы вам не войти?

На секунду испытал замешательство и он сам.

— Нет, спасибо. Передайте ему, пожалуйста, вот это.

Он вручил мужчине пакет из прачечной и спустился по ступенькам обратно к своей машине. Он знал, что за ним продолжают наблюдать. Завел двигатель, отъехал от тротуара и свернул на Слоун-сквер, ни разу не бросив взгляда назад. На Слоун-сквер он сразу нашел место, чтобы остановиться, и поспешно записал в своем ежедневнике семь номеров автомобилей. Тех, что были припаркованы вдоль Байуотер-стрит.

Что ему теперь делать? Обратиться к ближайшему патрульному полисмену? Но того, кто вломился к нему в дом, должно быть, уже и

след простыл. Впрочем, были у него и другие соображения. Он снова запер машину, перешел улицу к будке телефона-автомата. Позвонил в Скотленд-Ярд и попросил соединить его с инспектором Менделем из особого отдела. Но, как выяснилось, инспектор отчитался перед комиссаром, а потом в предвкушении скорой отставки отправился в Митчам. После продолжительных препирательств Смайли все же дали его адрес. Он снова сел в машину, объехал вокруг площади и свернул в сторону моста Альберта. В новом пабе с видом на реку он съел сэндвич, выпил двойную порцию виски и уже через четверть часа пересек мост в направлении Митчама. Дождь все еще поливал неприметную маленькую машину Смайли. Но теперь он был встревожен, встревожен всерьез.

Глава 6

Чай и гостеприимство

Когда он добрался до нужного места, дождь все еще не кончился. Мендель возился в саду, напялив самую нелепую шляпу, какую Смайли когда-либо видел. Она начала свое существование как военно-полевой головной убор австралийского солдата, но теперь ее необъятные поля провисли по всей округности, и Мендель в ней больше всего напоминал высоченный гриб. Он в задумчивости стоял над тремя пнями, крепко сжимая в мускулистых руках зловещего вида кирку.

Какое-то время Мендель пристально смотрел на Смайли, а потом его губы медленно скривила усмешка, и он протянул руку для пожатия.

— Проблемы? — скорее констатировал, чем спросил Мендель.

— Проблемы.

Смайли по тропинке последовал за ним в дом: типичный для пригорода, но комфортабельный.

— Извини, не успел развести огонь в гостиной. Сам приехал совсем недавно. Не возражаешь, если попьем чаю в кухне?

Они прошли в кухню. Смайли с легким удивлением отметил безупречную чистоту и почти женскую аккуратность во всем, что его окружало. Только полицейский календарь на стене портил общее впечатление. Пока Мендель ставил чайник на плиту, доставал чашки и блюдца, Смайли без излишних эмоций рассказал ему о том, что произошло на Байуотер-стрит. Когда он закончил, Мендель долго молчал, глядя на него.

— Но зачем он пригласил тебя войти?

Смайли сморгнул и слегка порозовел.

— Мне тоже интересно узнать ответ на этот вопрос. Своим приглашением он на мгновение привел меня в замешательство. К счастью, подвернулся тот пакет из прачечной. — Он отхлебнул из своей чашки. — Впрочем, не думаю, что пакет ввел его в заблуждение. Мог, но едва ли. Мне в это верится с трудом.

— Почему же?

— Я бы сам, например, не купился на это. Низкорослый мужчина на простом «форде» без маркировки доставляет белье из прачечной? Что-то не сходится, верно? Кроме того, я спросил, дома ли Смайли, а потом не пожелал увидеть его — это тоже должно было показаться довольно-таки странным.

— Но какие цели он преследовал? Что собирался сделать с тобой? За кого он тебя принял?

— В том-то и дело, в том-то и суть, понимаешь? Я считаю, что именно меня он и дожидался, но не мог предположить, что я стану звонить в собственную дверь. Это и смутило его. Полагаю, он собирался меня убить. Потому и пригласил войти: он узнал меня, но не сразу, потому что, по всей вероятности, видел прежде лишь фотографию.

Мендель снова некоторое время молча смотрел на него.

— Боже! — наконец произнес он потом.

— Предположим, я прав, — продолжил Смайли, — и прав во всем. Допустим, Феннан все-таки был убит прошлым вечером, а я едва не стал следующей жертвой сегодня утром. Но моя профессия тем и отличается от твоей, что мы не каждый день сталкиваемся с убийствами.

— К чему ты клонишь?

— Не знаю. Я просто ничего не знаю. Вероятно, прежде чем мы сможем продолжить, ты мог бы проверить для меня вот эти номера машин. Они были припаркованы вдоль Байуотер-стрит нынешним утром.

— А почему ты не можешь сделать это сам?

Несколько секунд Смайли смотрел на него в полнейшем недоумении. И только потом до него дошло, что он даже не упомянул о своей отставке.

— Прости, с этого надо было начинать. Утром я подал заявление об уходе. Думаю, успел подсунуть его как раз вовремя, чтобы не быть уволенным. А потому я теперь свободен как птица. И примерно в такой же степени имею перспективу найти другую работу.

Мендель взял у него список номеров и вышел в прихожую к телефону. Вернулся он уже через пару минут.

— Они перезвонят через час, — сказал он. — А пока пойдем. Я покажу тебе свою усадьбу. Скажи мне, многое ли тебе известно,

например, о пчелах?

— Признаться, если и известно, то очень мало. В Оксфорде я одно время увлекся естественными науками.

Ему хотелось рассказать Менделю, как он мучительно пытался разобраться с метаморфозами растений и животных у Гете в надежде, подобно Фаусту, постичь «в чем истина и сущность мироздания». Он хотел объяснить, почему нельзя понять Европу девятнадцатого столетия, если не ознакомиться с трудами ведущих натуралистов той эпохи, он чувствовал себя серьезным и преисполненным важных мыслей, хотя в глубине души понимал, что для его ума это всего лишь способ отвлечься от событий дня, что на самом деле им попросту владеет нервное возбуждение. У него обильно потели ладони.

Мендель вывел его из дома через дверь заднего двора: три опрятных улья стояли у невысокой кирпичной стены, служившей границей его сада. Мендель заговорил, пока они стояли под мелкой моросью.

— Мне всегда хотелось завести их, понять, что это за существа. Успел прочитать массу литературы, и, если честно, эти странные мелкие твари до сих пор наводят на меня страх.

Он дважды подряд кивнул, словно для того, чтобы усилить эффект своих слов, а Смайли снова с интересом оглядел его. Лицо Менделя — острое и худое, было тем не менее мужественным, а его выражение по большей части непроницаемым; короткие седые, с металлическим отливом, волосы стояли торчком. Казалось, погода ему совершенно безразлична и интересуется его не больше, чем интересовал погоду он сам. Смайли подумал, что он в точности знает, какая жизнь осталась за плечами у Менделя, поскольку встречал этот тип полицейских по всему миру: с такой же загрубелой кожей лица, неограниченным запасом терпения, но исполненных горечи и злости. Он догадывался о многих и долгих ночах бесплодной слежки при любой погоде за кем-то, кто так и не появлялся... Или появлялся, чтобы мгновенно снова скрыться. И он знал, как сильна была зависимость Менделя и ему подобных от расположения духа различных личностей — капризных и грубых, нервных и переменчивых, которые лишь изредка проявляли здравый смысл и симпатию к своим подчиненным. Ему случалось наблюдать, как часто умного человека мог сломать тупой начальник, как недели тщательной

и кропотливой работы сводились на нет единственной глупостью подобного босса.

По скользкой, выложенной щебенкой дорожке Мендель подвел его к улью и, по-прежнему не обращая внимания на дождь, принялся разбирать один из них, демонстрируя и объясняя. Говорил он быстрыми репликами, между которыми следовали продолжительные паузы, точно и неторопливо указывая на предмет рассказа тонкими пальцами.

Наконец они вернулись в дом, и Мендель ознакомил гостя с двумя помещениями первого этажа. Гостиная была вся в цветочек: шторы и ковер с цветочными узорами, такие же покрывала на мебели. В дальнем углу расположилась небольшая горка с коллекцией пивных кружек в виде пузатых человечков и парой весьма симпатичных пистолетов рядом с кубком, полученным хозяином за точность стрельбы.

Потом Смайли провели наверх. На лестничной площадке пахло керосином от плитки, а из туалета доносилось угрюмое журчание воды в бачке.

Сначала Мендель показал свою спальню.

— Почти свадебные хоромы. Кровать купил по распродаже за гроши. Прямоугольный матрас на пружинах. Поразительно, чего там только не найдешь, если порыться как следует. Обрати внимание — ковры еще времен королевы Елизаветы. Отхватил их у старьевщика в Уотфорде. Там каждый год находишь что-нибудь новенькое.

Смайли стоял в дверях, испытывая некоторую неловкость. Мендель повернулся и открыл дверь второй спальни.

— А это — комната для тебя. Если пожелаешь. — Он вскинул взгляд на Смайли. — На твоём месте я бы не осмелился ночевать сегодня дома. Ни в чем ведь нельзя быть уверенным, верно? К тому же здесь ты лучше выступишься. Совершенно другой воздух.

Смайли попытался возражать.

— Что ж, как будет угодно. — Мендель нахмурился, тоже, видимо, почувствовав неловкость. — Правду сказать, совершенно не понимаю твоей работы, как и ты ничего не смыслишь в полицейском деле. Поступай как знаешь. Насколько я успел убедиться, ты вполне способен позаботиться о себе сам.

Они спустились вниз. Мендель разжег газовый камин в гостиной.

— По крайней мере ты должен позволить мне угостить тебя сегодня ужином, — сказал Смайли.

В прихожей зазвонил телефон. Секретарша Менделя сообщила информацию о номерах машин.

Мендель вернулся в гостиную и подал Смайли список с семью фамилиями и адресами. Четыре можно было исключить сразу — владельцы автомобилей жили на Байуотер-стрит. Оставались три варианта: машина, взятая напрокат в фирме «Адам Скарр и сыновья» в Баттерси; фургон, принадлежавший компании «Северн тайл», торговавшей керамической плиткой в Истберне; третье транспортное средство находилось в личной собственности посла Панамы в Лондоне.

— Я послал человека проверить панамский след. Там сложностей не возникнет. На все посольство у них всего три автомобиля. Баттерси недалеко отсюда, — продолжал Мендель. — Можем заскочить туда вместе на твоей машине.

— Непременно, непременно, — сказал Смайли, — а потом отправимся в Кенсингтон ужинать. Я закажу для нас столик в «Антраша».

Было только четыре часа дня. Они какое-то время сидели и просто довольно-таки бессвязно болтали то о пчелах, то о ведении домашнего хозяйства. Причем если Мендель уже почувствовал себя раскованно, то Смайли все еще не мог преодолеть беспокойства и неловкости, силясь взять нужный тон в разговоре, чтобы не выглядеть умником на фоне собеседника. Он догадывался, что сказала бы о Менделе Энн. Она бы полюбила его, вылепила из него исключительную личность, научилась бы подражать его голосу и манере говорить, придумала бы ему историю, чтобы окончательно вписать в свой круг и он больше не казался в нем белой вороной: «Милый, ну кто бы мог подумать, что он окажется настолько приятным в общении! Кто еще мог бы так непринужденно посоветовать мне, где покупать дешевую рыбу? И какой славный у него домик! Такой простой! Он же наверняка прекрасно знает, что эти пивные кружки просто ужасны, но не придает этому значения. Мне он сразу понравился. Ты просто обязан, мой лягушонок, пригласить его к нам на ужин. Обязан, слышишь? И вовсе не для того, чтобы похихикать, а чтобы узнать поближе». Смайли, разумеется, никогда бы не пригласил его, но для Энн уже самого

желания пообщаться было довольно, чтобы таким образом выразить симпатию к Менделю, а потом сразу забыть о нем.

Это было как раз то, к чему сейчас искренне стремился Смайли — найти способ полюбить Менделя. Сделать это так быстро, как получилось бы у Энн, он и не мечтал. Но то была Энн. Она однажды чуть не убила своего окончившего Итон племянника за то, что тот пил кларет под рыбу, но она бы и бровью не повела, вздумай Мендель раскурить трубку над тарелкой с ее crepe Suzette^[6].

Мендель заварил еще чая, и они выпили по чашке. А примерно в четверть шестого отправились на машине Смайли в Баттерси. По дороге Мендель купил вечернюю газету. Читать ее при свете мелькавших мимо фонарных столбов было непросто. Однако несколько минут спустя он заговорил с довольно неожиданной злобой в голосе:

— Фрицы. Эти проклятые фрицы! Боже, как же я их ненавижу!

— Фрицев?

— Да, фрицев, Гансов, бошей. Чертовых немцев. Гроша ломаного не дал бы за них всех. Грубое кровожадное стадо баранов. Снова нападки на евреев. А ведь там повсюду наши. Наказать бы их в назидание другим. Но нет: простим и забудем! С какой стати забывать, хотел бы я понять? Почему мы должны простить и забыть об ограблениях, убийствах и изнасилованиях только потому, что в них повинны сразу миллионы людей? Господи, стоит какому-нибудь банковскому клерку прикарманить десять шиллингов, как на него устраивает охоту вся столичная полиция. Но господа Крупп и вся остальная банда — это святое. Их не тронь. Боже, да будь я евреем в Германии...

Смайли неожиданно словно проснулся:

— И что бы ты сделал? Как бы ты поступил, а, Мендель?

— Что ж, я бы, наверное, тоже сидел и терпел. Теперь это все статистика и голая политика. Ведь не здравый смысл подсказывает дать им водородную бомбу, а чистейшее политиканство. И еще янки... Миллионы розовощеких евреев живут в Америке. И что же они делают? Они, черт побери, своими руками вооружают фрицев. Друзья навеки. Только однажды эти друзья подложат тебе твою же бомбу.

Мендель кипел от ярости, а Смайли молчал, думая об Эльзе Феннан.

— И как же решать проблему? — спросил он потом, чтобы молчание не слишком затянулось.

— Одному Богу известно, — резко ответил Мендель.

Они свернули на Баттерси-Бридж-роуд и подъехали к патрульному констеблю, стоявшему посреди проезжей части. Мендель показал ему свое удостоверение офицера Скотленд-Ярда.

— Гараж Скарра? Я бы не назвал это гаражом, сэр. Просто обычный двор. Он в основном торгует металлоломом и подержанными машинами. Если не продадутся как одно, то уж точно сойдут за другое — любимая присказка Адама. Вам нужно проехать по Принс-оф-Уэльс-драйв до здания больницы. Там он и находится между парой домов из сборных конструкций. А раньше на том месте была просто большая воронка от бомбы. Старина Адам завалил ее шлакоблоками и стал использовать под свою площадку. С тех пор никто даже не пытался выселить его оттуда.

— Похоже, вы его хорошо знаете, — заметил Мендель.

— Мне ли его не знать! Не раз случалось прищемить ему хвост. В уголовном кодексе почти не осталось статей, по которым Адам Скарр еще не привлекался. Он — один из наших здешних мелких рецидивистов.

— Понятно. А сейчас у вас есть на него что-нибудь?

— Так сразу не скажу. Хотя вы можете смело брать его в любой момент за незаконное букмекерство. И вообще он уже давно просится под Акт, сэр.

Они поехали дальше в сторону больницы. Справа тянулся парк, казавшийся зловеще темным за линией уличных огней.

— Что значит просится под Акт? — спросил Смайли.

— А! Это теперь популярная угроза. По недавно принятому закону, если за тобой числится длинный список преступлений и правонарушений, то тебя можно упечь за решетку в профилактических целях — причем надолго. Похоже, этот Скарр — мой клиент, — продолжал Мендель. — Предоставь его мне.

Владения Скарра они нашли в точности там, где указал констебль — между двумя захудалыми панельными домишками и неровным рядом каких-то еще строений, возведенных на месте падения бомбы. Все вокруг было усеяно кусками шлака, бытовым мусором и обломками кирпичей. Листы асбеста, железа и доски, очевидно,

приобретенные мистером Скарром для перепродажи, громоздились в одном из углов, едва различимые в скудном свете, пробивавшемся из окон домишек. Двое мужчин какое-то время стояли молча, озираясь по сторонам. Потом Мендель пожал плечами, сунул два пальца в рот и оглушительно свистнул.

— Скарр! — крикнул он.

Тишина. Затем на одном из сборных домов зажегся наружный фонарь, высветивший по краям двора три или четыре машины еще довоенного производства и разной степени изношенности.

Медленно открылась дверь, и на пороге появилась девочка лет двенадцати.

— Папа дома, милая? — спросил Мендель.

— Не-а. Пошел в «Приблуду», как пить дать.

— И на том спасибо, милашка.

Они направились обратно в сторону улицы.

— Можно поинтересоваться, что это еще за «Приблуда»? — спросил Смайли.

— «Приблудный теленок». Это паб здесь за углом. До него не больше ста ярдов пешком. Так что оставь машину здесь.

Время открытия только-только наступило, и в пабе никого еще не было. Но пока они ждали появления владельца в зале, внутрь ввалился тучный мужчина в черном костюме. Он сразу подошел к стойке и принялся стучать по ней монетой в пол кроны.

— Уилф! — заорал он. — Высунь суда свой нос. У тебя появились клиенты, счастливый ты сукин сын! — Потом повернулся к Смайли. — Добрый вечер, дружище.

Откуда-то из подсобки донесся голос:

— Скажи им, пусть оставят деньги на стойке и зайдут попозже.

Толстяк еще какое-то время разглядывал Менделя и Смайли, а потом вдруг разразился хохотом:

— Они тебе ничего не оставят, Уилф. Эти парни — полицейские ищейки!

Комичность ситуации так развеселила его, что он плюхнулся на скамью, тянущуюся вдоль стены заведения, положил ладони на колени и зашелся от смеха. Даже слезы выступили на глазах и потекли по пухлым щекам.

Он едва успел отдышаться, чтобы пробормотать: «Вот хохма-то!» — и опять начал мелко трястись в новом приступе.

Смайли с интересом разглядывал колоритную фигуру. На мужчине был очень грязный и жесткий воротничок с закругленными углами, красный галстук в цветочек, тщательно подколотый булавкой к черному жилету, армейские башмаки и лоснящийся черный костюм, очень сильно поношенный и без всяких следов стрелок на брюках. Рукава рубашки потемнели от пота и машинного масла, а запонки заменялись скрученными узлами канцелярскими скрепками.

Появился бармен и принял заказы. Незнакомец взял себе двойное виски и бокал имбирного вина, которые сразу же отнес за столик в зале поближе к камину, который топили углем. Хозяин наблюдал за ним с безгливой гримасой.

— Вот он весь в этом, мелкая сволочь. Платить за столик не желает, но любит погреться на дармовщинку^[7].

— Кто он такой? — спросил Мендель.

— Это? Скарр. Адам Скарр. Только какой из него, к дьяволу, Адам? Вообразите себе такого в райском саду. Чудовищное зрелище. И сам он чудовище. У нас здесь шутят, что если бы Ева дала ему яблоко, он бы стрескал его вместе с огрызком. — Бармен выпустил воздух сквозь зубы и покачал головой. А потом крикнул, обращаясь к Скарру: — Но ты все равно приносишь мне пользу, правда, Адам? Народ стекается сюда за много миль, чтобы полюбоваться на тебя — чумазого пришельца из космоса. Спешите видеть! Адам Скарр: одного взгляда достаточно, чтобы захотелось напиться.

На этот раз засмеялись оба. Мендель склонился к Смайли:

— Иди и подожди в машине. Тебя в это впутывать ни к чему. Есть пятерка?

Смайли достал из бумажника пять фунтов, кивнул и вышел из паба. Его действительно тошнило от одной мысли о том, что придется иметь дело со Скарром.

— Ты — Скарр? — спросил Мендель.

— В самую точку, дружище. Он самый.

— Машина с номером ТРХ ноль восемь девяносто твоя?

Мистер Скарр сразу помрачнел, оглядывая бокалы с виски и вином. Вопрос явно не пришелся ему по вкусу.

— Ну, так как же?

— Была моя, сквайр, была моя.

— Выражайся яснее! Что значит — была?

Скарр воздел правую руку вверх, а потом плавно опустил ее.

— Темна вода во облацех, сквайр. Ох и мутна.

— Послушай, у меня сейчас на крючке такая большая рыба, какая тебе и во сне не приснится. Так что не надо морочить мне голову. Никого не волнует твой мелкий рэкет. Говори, где машина.

Но Скарр не торопился с ответом, словно тщательно взвешивая смысл услышанного.

— Вот теперь я узрел свет, дружище. Тебе, значит, нужна информация?

— Само собой! Стал бы я иначе тратить здесь время.

— Но ныне наступили тяжелые времена, сквайр. Стоимость жизни взлетела до небес, друг мой. А информация — тот же товар, который продается и покупается. Или я ошибаюсь?

— Скажи мне, кто взял у тебя машину, и с голода не помрешь.

— Я не страдаю от голода, дружище. Я хочу кушать лучше.

— Пятерка.

Скарр выпил один из бокалов и с громким стуком поставил на стол. Мендель поднялся и заказал ему еще выпить.

— Ее у меня угнали, — сказал Скарр. — Понимаешь, я несколько лет сдавал ее напрокат. За депо.

— Где?!

— Не где, а как. За депо, то есть за депозит. Скажем, парню нужна машина на день. Ты берешь у него двадцать фунтов наличкой, так? Когда он ее возвращает, то должен за прокат сорок монет^[8]. Ты якобы вручаешь ему чек на тридцать восемь фунтов и в бухгалтерской книге списываешь по статье убыток. А в итоге десятка чистоганом достается тебе. Дошло?

Мендель кивнул, хотя мало что понял.

— Так вот, три недели назад ко мне пришел один тип. Высокий шотландец. С виду денежный мешок. Ходит с тростью. Он внес депозит, взял тачку, и больше я не видел ни его, ни машины. Чистый грабеж.

— Почему же не заявил в полицию?

Скарр помедлил, держа в руке бокал.

— Слишком много факторов подсказывали, что лучше не делать этого, сквайр.

— То есть ты угнал ее сам у себя?

Скарра подобное предположение как будто шокировало.

— Скажем так, я недавно узнал, что у того, кто продал мне когда-то эту машину, возникли серьезные неприятности. Не стану вдаваться в детали, — добавил он с лицемерной грустью.

— Но когда ты сдавал машину в прокат, он должен был заполнить разные бланки, не так ли? Страховка, расписка и тому подобное. Где они?

— Все оказалось фальшивкой и враньем. Он дал мне свой адрес в Илинге. Я поехал туда, но такого дома нет в природе. Не сомневаюсь, что и фамилия вымышленная.

Мендель свернул однофунтовые купюры в трубочку, не вынимая из кармана, а потом протянул через стол Скарру. Скарр разгладил бумажки на столе и демонстративно пересчитал, чтобы это могли видеть все, кому была охота наблюдать за ними.

— Я знаю, где тебя найти, — сказал Мендель, — и имею на тебя кое-какой компромат. Если ты только что наплел мне небылиц, я тебе шею сверну.

Снова шел дождь, и Смайли пожалел, что не надел шляпу. Он пересек улицу, свернул в проулок, где располагалась фирма мистера Скарра, и направился к своей машине. Вокруг не было ни души, и царила необычайная тишина. В двухстах ярдах дальше располагалась районная больница Баттерси, небольшое, но аккуратное здание с ярко освещенными окнами. Мостовая буквально пропиталась влагой, а его собственные шаги отдавались резким и неприятным эхом.

Он поравнялся с первым из сборных домов, отмечавшим начало владений Скарра. Прямо посреди двора стояла машина с включенными подфарниками. Заинтригованный Смайли пошел к ней. Это был седан марки «Эм-джи». Номерной знак был плохо освещен и местами забрызган грязью. Он остановился, чтобы разобрать его, проводя пальцем по каждой цифре и букве: TRX 0890. Ну, конечно, это был один из номеров, записанных им нынешним утром.

За спиной раздались шаги. Смайли поднялся и начал поворачиваться, но успел только слегка приподнять руку, когда ему

нанесли удар.

В удар была вложена ужасающая сила — показалось, что череп раскололся пополам. Упав, Смайли почувствовал, как кровь струей бежит вокруг левого уха. «Только не это, — подумал он, — Боже, не дай ему ударить снова». Но больше он уже почти не почувствовал — видел только свое тело откуда-то со стороны, словно оно попало в камнедробильную машину и там трещало и распадалось на части, а потом и вовсе ничего не стало. Ничего, кроме ощущения теплоты собственной крови, растекавшейся по валявшимся на земле шлакоблокам, и отдаленного грохота камнедробилки. Но не здесь, а действительно где-то очень далеко.

Глава 7

Рассказ мистера Скарра

Мендель посмотрел на него. Оставалось только гадать, жив он или нет. Опустошив карманы своего плаща, Мендель бережно накрыл им Смайли, а потом как безумный побежал в сторону больницы, ворвался сквозь вращающуюся дверь поликлинического отделения и оказался в круглосуточно освещенном приемном покое. Дежурил молодой врач из «цветных». Мендель совал ему под нос свое удостоверение, что-то кричал, хватал за руку и пытался вытащить на улицу. Но доктор лишь терпеливо улыбался, качал головой и по телефону дозванивался в «скорую». Мендель кинулся назад и стал ждать. Через несколько минут «скорая помощь» прибыла, из нее вышли хорошо обученные своему делу санитары и увезли Смайли.

«Если он умрет, — подумал Мендель. — я заставлю эту сволочь заплатить за все сполна».

Какое-то время он оставался на месте, изучая грязный шлак, на который упал Смайли. При красном свете задних габаритных огней машины толком разглядеть ничего не удавалось. Все кругом было безнадежно затоптано санитарями и несколькими обитателями сборных домишек. Местные жители сначала слетелись, как хищные птицы на падаль, а потом молниеносно исчезли, поняв, что у них могут возникнуть проблемы, а проблем не хотелось никому.

— Сволочь, — снова прошипел Мендель и медленно побрел назад к пабу.

Зал постепенно заполнился. Скарр заказал себе еще порцию выпивки. Мендель взял его за рукав. Скарр повернулся к нему и сказал:

— А, ты вернулся, дружище. Присаживайся и выпей какой-нибудь отравы покрепче.

— Заткнись, — бросил Мендель. — Мне нужно снова поговорить с тобой. Пойдем на улицу.

Мистер Скарр помотал головой и причмокнул:

— Ничего не получится, старина. Никак не могу. У меня здесь намечается компания.

Он кивком указал на восемнадцатилетнюю крашеную блондинку с белесой помадой на губах, которая неподвижно сидела за угловым столиком. Ее густо подведенные глаза хранили выражение вечного испуганного изумления.

— Слушай меня внимательно, — прошептал Мендель. — Даю тебе ровно две секунды. А потом я оторву тебе уши, ты, лживая мразь!

Скарр отдал бокал на сохранение бармену, а потом неторопливо, с чувством собственного достоинства направился к выходу. На девуцу он даже не посмотрел.

Мендель перевел его на противоположную сторону улицы, к сборным домам. В восьмидесяти ярдах оттуда были видны включенные подфарники машины Смайли.

Они свернули во двор. «Эм-джи» все еще стояла на прежнем месте. Мендель крепко держал Скарра за руку, готовый при необходимости с силой вывернуть ее вверх, чтобы сломать или вывихнуть плечевой сустав.

— Вот так дела! — воскликнул Скарр, приятно удивленный. — Она, стало быть, сама вернулась в родное гнездышко.

— Значит, угнали? — переспросил Мендель. — Увел высокий шотландец с тростью и адресом в Илинге? Как мило с его стороны вернуть украденное, верно? Дружеский жест, пусть и немного запоздалый. Ты явно занялся не своим делом, Скарр. — Менделя трясло от злости. — И почему габариты включены? Открой дверь.

Скарр в темноте повернулся к Менделю, свободной рукой похлопал по карманам в поисках ключей. Достал связку, ощупал каждый ключ, нашел нужный и отпер дверь машины.

Мендель забрался в салон, нашел выключатель в крыше кабины и нажал на него. Затем методично обыскал автомобиль. Скарр стоял снаружи и ждал.

Мендель работал быстро, но тщательно. Перчаточное отделение, сиденья, полы, пространство перед задним стеклом: ничего. Затем он запустил руку в кармашек пассажирской двери, достав оттуда дорожную карту и конверт. Он был длинный и плоский, серо-голубой, окантованный ленточкой. Сделано на континенте, отметил про себя Мендель. Никаких надписей сверху не оказалось. Он вскрыл конверт. Внутри лежали десять потрепанных пятифунтовых купюр и простая

открытка без рисунка. Мендель поднес ее к свету и прочитал записку, выведенную печатными буквами шариковой ручкой:

ДЕЛО СДЕЛАНО. ПРОДАЙ ЕЕ.

Подпись отсутствовала.

Он вышел из машины и ухватил Скарра за локти. Тот невольно сделал шаг назад.

— В чем проблема, дружище? — спросил он.

Мендель ответил спокойно и негромко:

— У меня проблем нет, Скарр. А вот у тебя есть. И большая. У тебя охренительная проблема, каких еще никогда не возникало. Сговор с целью убийства, покушение на убийство, нарушение закона о государственной тайне. И можешь для довеска добавить нарушение правил сдачи в аренду транспортных средств, мошенничество, уклонение от уплаты налогов и еще пятнадцать других обвинений, основания для которых я найду, пока ты будешь париться на койке в камере.

— Минуточку, легавый, минуточку! Давай без эмоций. О чем ты толкуешь? При чем здесь убийство?

— Лучше послушай меня, Скарр. Ты — мелкая сошка, влез в дела больших людей, верно? Так что не удивляйся, если и отвечать придется по-крупному. Думаю, потянет лет на пятнадцать.

— Заглохни! Я не из пугливых.

— Нет, тебе придется все выслушать до конца, мелкий подонок. Ты вляпался в очень серьезное дело и расплатишься по полной программе. А мне что? Я буду сидеть и посмеиваться, пока ты сгниешь в Скрабсе^[9], пялясь на свое толстое брюхо. Видишь ту больницу? Там сейчас лежит при смерти мой товарищ, которого пытался отправить на тот свет твой высокий шотландец. Его нашли полчаса назад истекающим кровью в твоём дворе. А до этого был еще покойник в Суррее и, откуда мне знать, может, еще по одному в каждом графстве. Так что это твоя проблема, сволочь ты несчастная, а не моя. И есть еще кое-что. Ты ведь единственный, кто знает шотландца в лицо, угадал? Ему скорее всего захочется окончательно замести за собой следы. Не боишься?

Скарр медленно обошел вокруг машины.

Мендель уселся за руль и отпер пассажирскую дверь изнутри. Скарр расположился рядом с ним. Свет они больше не включали.

— Я так спокойно занимался здесь своим бизнесом, — грустно сказал Скарр. — Навар был небольшой, но стабильный. То есть до тех пор, пока не объявился этот тип.

— Что за тип?

— Давай без спешки, легавый. Не подгоняй меня. Это случилось четыре года назад. До встречи с ним я не верил в Санта-Клауса. Он назвался голландцем, сказал, что занимается бриллиантами. Не скажу, что поверил ему на слово, потому что я, как и ты, не такой уж простак. Я не задавал вопросов о его делах, а он со мной не откровенничал, но, думаю, это была контрабанда. Деньжищи у него водились пачками, это правда. Был увешан ими, как рождественская елка. «Скарр, — сказал он мне, — ты деловой человек. Я тоже. Оба не любим шумихи. По всему видать, мы с тобой птицы одного полета. Мне нужна машина. Но не навсегда, а на время». Это не в точности его слова, поскольку он говорил на ломаном английском, но смысл я тебе передаю точно. «Что ты предлагаешь? — спросил я. — Выкладывай».

«Что ж, — ответил он, — я еще и очень скромный человек. Мне нужна машина, чтобы никто по ней не смог меня найти. Даже если попаду в аварию. Купи мне тачку, Скарр, старую, но надежную, с хорошим движком под капотом. Но купи на свое имя и держи наготове для меня. Вот тебе пять сотен для начала, и будешь получать по двадцатке за каждый месяц хранения в гараже. Плюс плата за каждый день использования. Но хочу повторить, Скарр. Я — скромный и застенчивый, а потому ты меня не знаешь. За это и будешь получать хорошие деньги. За то, что даже не знаком со мной». Так он это изложил.

Никогда не забуду тот день. Дождь лил как из ведра, а я возился со старым такси, которое как-то купил у одного приятеля в Уонусворте. Я тогда задолжал одному букмекеру сорок фунтов, и легавым бы не понравилось, если бы мне пришлось в голову швыряться деньгами. Так что я для вида просто обменял такси на невзрачный с виду «эм-джи», который нашел в Клэпхеме.

Мистер Скарр глубоко вздохнул с таким грустным видом, что выглядел почти комично.

— А потом возник тот тип, как нечистая совесть, засыпав меня купюрами, словно это были старые лотерейные билеты.

— Как он выглядел? — спросил Мендель.

— Довольно молодой. Высокий, светловолосый. И хладнокровный. Непроницаемый, как скала. После того как он мне заплатил, я его больше ни разу не видел. Он отправлял мне письма откуда-то из Лондона, напечатанные на простых листках. Просто: «Будь готов в понедельник вечером», «Будь готов во вторник вечером» и так далее. Мы обо всем заранее условились. Я оставлял машину во дворе, проверенную механиком и с полным баком. Он никогда не предупреждал, когда вернет ее. Обычно пригонял к закрытию моего заведения или позже. Бросал на прежнем месте с включенными подфарниками и запертыми дверцами. В карман дверцы клал по два фунта за каждый день использования.

— А что произошло бы в случае непредвиденных обстоятельств? К примеру, взяли бы тебя по какому-нибудь пустяковому делу?

— Он дал мне номер телефона. Велел позвонить и попросить к телефону определенного человека.

— Как ты должен был его называть?

— В том-то и дело, что он предложил мне самому выбрать для него прозвище. Я сказал, что он будет для меня Блондинчиком. Не думаю, что ему понравилось или он оценил юмор, но так и осталось. Номер был «Примроуз ноль ноль девяносто восемь».

— Ты им пользовался?

— Да. Пару лет назад меня сцапали и посадили в Маргейт на десять суток. Я решил, что будет лучше дать ему знать об этом. К телефону подошла девица — тоже голландка, судя по акценту. Она сказала, что Блондинчик в Голландии, но она передаст ему информацию. А потом я уже не утруждал себя звонками.

— Почему?

— Понимаешь, я кое-что стал соображать. Он приезжал за машиной регулярно раз в две недели — в первый и третий вторник каждого месяца, кроме января и февраля. В этот раз он объявился в январе впервые. Возвращал автомобиль, как правило, по четвергам. Странно, что он вдруг приехал сегодня. Но теперь у нас с ним все кончено, как я понимаю. — Скарр держал в огромной лапище открытку, которую взял у Менделя.

— Он делал паузы? Бывало, что долго не давал о себе знать?

— Зимой появлялся реже. В январе и феврале не приезжал никогда, как я сказал.

Мендель все еще сжимал в кулаке пятьдесят фунтов. И вдруг швырнул их Скарру на колени.

— Только не думай, что тебе повезло. Я бы не согласился поменяться с тобой местами и за вдвое большую сумму. И учти — я непременно вернусь.

Теперь Скарр действительно казался напуганным.

— Я бы не стал так с тобой откровенничать, — сказал он нервно, — но не хочу встречать ни в какие секретные делишки. Не могу допустить, чтобы моя старая добрая родина пострадала. Я прав, сквайр?

— О, ради всего святого, заткнись, — сказал Мендель, ощущая страшную усталость. Забрав у Скарра открытку, он выбрался из машины и побрел в сторону больницы.

Новостей не было. Смайли все еще оставался без сознания. Известили уголовный розыск. Менделю посоветовали продиктовать свои координаты и отправляться домой. Из больницы с ним свяжутся, как только появится новая информация. После долгих препирательств Мендель убедил старшую медсестру отдать ему ключи от машины Смайли.

Все-таки Митчам — не самое лучшее место, чтобы поселиться там надолго, решил он.

Глава 8

Размышления в больничной палате

Он ненавидел кровать, как утопающий, должно быть, ненавидит море. Он ненавидел простыни, в которые был укутан так, что не мог пошевелить ни ногой, ни рукой.

И он ненавидел эту комнату, потому что она пугала его. У двери стояла каталка со всякими медицинскими причиндалами вроде ножниц, бинтов и склянок с лекарствами, странными предметами, наводившими страх именно неясностью своего предназначения, причем некоторые были завернуты в марлю, словно для последнего причастия. Там стояли стеклянные банки — высокие, накрытые сверху белыми салфетками, которые напоминали хищных птиц, готовых в любой момент выклевывать ему внутренности. В стеклянных сосудах поменьше лежали на дне резиновые трубочки, свернувшиеся змейками. Он ненавидел все это и боялся. Ему становилось жарко, и пот лил с него ручьями, а потом делалось холодно, и пот застыл где-то между ребер каплями запекшейся крови. День сменялся ночью снова и снова, но Смайли даже не подозревал об этом. Он вел отчаянную борьбу с сонливостью, потому что, стоило ему закрыть глаза, как они, казалось, обращались внутрь и взирали на хаос, царивший в его мозгу. Когда по временам веки смыкались просто под собственной тяжестью, он собирался с силами, чтобы разлепить их и снова видеть бледный свет, колыхавшийся где-то вверху.

Но затем наступил благословенный день, когда кто-то раздвинул шторы на окнах и впустил внутрь лучи зимнего солнца. Он услышал шум машин на улице и только тогда поверил, что теперь точно останется в живых.

Отныне проблема смерти снова переместилась в чисто умозрительную академическую плоскость, стала долгом, который он отдаст, как только разбогатеет и сможет сам оплатить собственный уход из жизни. Это было восхитительное в своей чистоте и простоте ощущение. Роскошное чувство. Его ум чудесным образом прояснился и царил над всей Землей подобно разуму Прометея. Кстати, где он слышал эту фразу: «Сознание как бы отделяется от тела, властвуя в

бумажном королевстве...»? На него навел тоску льющийся сверху блеклый свет, ему хотелось иметь возможность видеть больше. Он уже не мог выносить винограда, как и запахов меда, цветов и шоколада. Он нуждался в книгах и литературных журналах; как он мог продолжать научную работу, если ему не давали книг? О том историческом периоде, специалистом в котором он был, и без того написано крайне мало. Творцы XVII столетия не были по достоинству оценены литературной критикой.

Менделю позволили впервые навестить его только через три недели. Он вошел в палату, держа в руках новую шляпу и книгу о пчелах. Шляпу он разместил в ногах кровати, а книгу положил на тумбочку. На его лице играла улыбка.

— Я купил тебе книжку, — сказал он. — О пчелах. Это крошечные, но очень умные создания. Должны заинтересовать тебя.

Он присел на край постели.

— Еще я приобрел себе шляпу. Довольно дурацкую. В ознаменование своей отставки.

— Ах да! Я и забыл, что ты теперь тоже будешь пылиться на полке.

Оба посмеялись и снова замолчали.

Смайли часто моргал.

— Боюсь, ты у меня сейчас расплываешься перед глазами. Мне не разрешают пользоваться старыми очками. Обещают принести новые. — Он сделал паузу. — Ты узнал, кто это сделал, или нет?

— Быть может, и узнал. Пока трудно сказать. Но есть ниточка. Проблема в том, что мне пока слишком мало известно. Я имею в виду твою работу. Тебе о чем-нибудь говорит такое название, как «Представительство сталелитейной промышленности ГДР»? То есть Восточной Германии?

— Да, что-то припоминаю. Они появились в Лондоне года четыре назад и зарегистрировались в Торгово-промышленной палате.

Мендель пересказал ему свою содержательную беседу с мистером Скарром.

— ...Назвался голландцем. Единственным способом связи с ним для Скарра был телефон с кодом «Примроуз». Я проверил абонента. Номер числился за представительством сталелитейной промышленности ГДР на Белсайз-парк.

Отправил одного из своих парней на разведку. Они оттуда съехали. Не осталось ничего. Никакой мебели, никаких бумаг или хотя бы канцелярской скрепки. Только телефонный аппарат, да и тот был с корнем вырван из розетки.

— И когда же они освободили помещение?

— Третьего января. В тот же день, когда был убит Феннан.

Он выжидающе посмотрел на Смайли.

— Свяжись с Питером Гилламом из министерства обороны и приведи его завтра сюда. Если придется, притащи за шкирку.

Мендель взял шляпу и направился к двери.

— До свидания, — сказал Смайли. — Спасибо за книгу.

— Завтра увидимся, — ответил Мендель и вышел.

Смайли откинулся на подушку. У него разболелась голова. «Черт, — подумал он, — я ведь забыл поблагодарить его за мед. Впрочем, он все равно купил его в «Фортнумс»».

Зачем же все-таки понадобился тот утренний телефонный звонок? Эта загадка мучила Смайли больше всего. Он понимал, насколько это глупо, но из всех необъяснимых деталей дела именно эта лишала его сна и покоя.

Объяснение, данное Эльзой Феннан, представлялось совершенно нелепым, абсолютно неправдоподобным. Энн — другое дело. Энн, если бы ей понадобилось, сумела бы поставить на уши всю телефонную станцию, но не Эльза Феннан. Ничто в ее настороженном маленьком интеллигентном личике не подтверждало странного утверждения, что она страдает рассеянностью. Это как раз было одной из противоречивых странностей характера самого Сэмюэла Феннана, которую Смайли обнаружил, когда готовился к беседе и наводил предварительные справки. Жадный читатель, любитель вестернов, отличный шахматист, музыкант, человек философского склада ума, но при этом — рассеянный. Из-за этого с ним однажды даже случился крупный скандал, когда он по ошибке вынес из здания МИДа секретные документы. Прихватил со стола вместе с номерами «Таймс» и вечерней газеты, сунул не глядя в портфель и отправился домой в Уоллистон.

Не поддалась ли Эльза Феннан в состоянии паники искушению закутаться в мантию мужа? Или даже взять на себя двигавший мужем

мотив? Быть может, Феннан заказал звонок, чтобы ему о чем-то напомнили, а Эльза сделала это напоминанием себе? Вот только о чем было напоминание? Что именно его жена так усердно стремилась скрыть?

Сэмюэл Феннан. Новый и старый миры столкнулись в нем. «Вечный жид», культурный, космополитичный, целеустремленный, трудолюбивый, восприимчивый и, с точки зрения Смайли, весьма привлекательный внешне. Дитя своей эпохи, он, как и Эльза, подвергся гонениям, был вынужден покинуть принявшую когда-то его семью Германию и отправиться учиться в английский университет. А потом исключительно благодаря своим способностям сумел преодолеть все препятствия и предрассудки, чтобы попасть на службу в министерство иностранных дел. Это было немалое достижение, которого он добился исключительно за счет своего блестящего интеллекта. И если он немного возгордился, порой проявляя несогласие с решениями умов более приземленных и ограниченных, чем его собственный, то его трудно в этом винить. В министерстве случился переполох, когда Феннан открыто поддержал идею раздела Германии, но раздувать дела не стали, а просто перевели Феннана в департамент Азии, и вскоре казус забылся. В остальном же он проявил себя человеком великодушным и бескорыстным, был в равной степени уважаем и в Уайтхолле, и в Суррее, где несколько часов в неделю уделял благотворительности. Страстно увлекался горными лыжами. Каждый год он брал положенный ему отпуск целиком и проводил шесть недель в Швейцарии или Австрии. Насколько помнил Смайли, Германию он посетил лишь однажды — года четыре назад вместе с женой.

Выглядело вполне естественным, что в Оксфорде Феннан сблизился с левыми. То был период расцвета симпатий к коммунистам в университетской среде, а проповедовавшиеся ими идеалы, по понятным причинам, оказались ему близки. Приход к власти фашистов в Германии и Италии, вторжение Японии в Маньчжурию, мятеж Франко в Испании, депрессия в Америке, а прежде всего — волна антисемитизма, прокатившаяся по Европе. Феннан просто вынужден был искать политическую силу, которая помогла бы ему выплеснуть ярость и отвращение к происходившему. Кроме того, компартия пользовалась тогда уважением; неудачи, преследовавшие лейбористов, а затем и коалиционное правительство, убедили многих

интеллектуалов, что только коммунисты способны стать эффективной альтернативой капитализму и фашизму. Добавьте сюда сам характер партии с ее духом товарищества и атмосферой конспирации, которые соответствовали некоторому духу авантюризма в характере Феннана и давали возможность избежать грозившего в противном случае полного одиночества. Он даже порывался воевать в Испании, и многие действительно отправились на ту войну, как Корнфорд — коммунист из Кембриджа, чтобы не вернуться живыми.

Смайли мог вообразить, каким был в те дни Феннан — полный энтузиазма, живой, очень серьезный, он мог, кроме того, поделиться со своими товарищами личным опытом реальных страданий, что делало его закаленным ветераном среди неоперившихся птенцов. Родители его умерли. Отец был скромным работником банка с единственной мечтой иметь небольшой счет в Швейцарии. Накопил он немного, но достаточно, чтобы сын смог себе позволить учиться в Оксфорде и не прозябать в бедности.

Смайли очень хорошо запомнил беседу с Феннаном. Она была одной из многих подобных, но все же складывалась иначе. И главное отличие заключалось в способе общения, в самом его языке. Феннан умел говорить так выразительно, так быстро, так уверенно. «Их величайший день наступил, когда пришли шахтеры из Рондды^[10], помните? — рассказывал он. — И для наших товарищей словно сам дух Свободы снизошел с холмов Уэльса. Это был марш голодных людей, но до членов нашей ячейки почему-то не доходило, что участники похода были голодны в буквальном смысле слова. Только я сообразил. Мы наняли грузовик, а девушки приготовили тушеное мясо — целые тонны. Говядину купили дешево у одного симпатизировавшего нам мясника на рынке. И на этом грузовике выехали встречать их. Они подкрепились и пошли дальше. Но, если честно, чувствовалось, что мы им не нравимся, не пользуемся их доверием. — Он рассмеялся. — Они все были такие низкорослые — это мне запомнилось особенно отчетливо, — приземистые и темные, как сказочные эльфы. Нам очень хотелось, чтобы они хором запели. И они затянули песню, но не для нас — для себя самих. Я тогда впервые встретил настоящих валлийцев.

И в чем-то, как мне показалось, это помогло мне лучше понять свою этническую принадлежность. Я ведь еврей, как вы, должно быть,

знаете».

Смайли кивнул.

«А мои товарищи по партии не знали, что делать, когда люди из Уэльса пришли к ним домой. Как себя вести, если твоя мечта сбылась? В тот момент многим в Оксфорде стало понятнее, почему в партии не слишком уважают интеллектуалов. Думаю, они почувствовали что-то вроде своей бесполезности и стыда. Стыдились мягких кроватей в спальнях, своих всегда сытых желудков и даже мудреных научных работ. Стыдились своих талантов и тонкого чувства юмора. Среди них бытовала легенда, что один из основателей лейбористского движения, Кир Харди, сам бывший шахтер, учился писать мелом на почерневшей от угля руке. И они устыдились своих письменных принадлежностей и дорогих сортов бумаги. Но ведь проблема состояла не только в этом, и ее нельзя было решить, попросту избавившись от излишеств обеспеченной жизни, понимаете? К этому я пришел очень скоро и, вероятно, потому покинул ряды компартии».

Смайли хотелось подробнее узнать о чувствах самого Феннана, но тот все продолжал говорить. Он понял, что не имеет с коммунистами ничего общего. Они были не взрослыми людьми, а незрелыми подростками, которым мечталось о кострах Свободы, цыганской музыке и Едином мире, который внезапно возникнет сам собой уже завтра. Им хотелось скакать на белых конях в прибое Бискайского залива. Им доставляло детское удовольствие угощать пивом голодных эльфов из Уэльса. Они, как несмышленики, не способны были критически сопротивляться манящим лучам солнца с Востока и послушно поворачивали к нему свои лохматые головы. Они любили друг друга, а считали, что любят все человечество; они спорили друг с другом, а мнили, что решают судьбы планеты.

Уже скоро бывшие соратники стали казаться ему трогательными, но смешными. С его точки зрения, намного полезнее было бы вязать носки для солдат. Столь явное расхождение между мечтой и реальностью подвигло его на более пристальное изучение и того и другого. Он стал тратить почти все свое время на изучение исторических и философских трудов. К своему удивлению, он обнаружил, насколько его привлекает и успокаивает душевно сама по себе интеллектуальная простота и прямота марксизма. Он наслаждался его умственной безжалостностью, его увлекала смелость мыслей и

решительная переоценка традиционных понятий. И кончилось тем, что именно теория, а не членство в партии, дала ему силы пережить одиночество, философия, требовавшая безоговорочно пожертвовать всем во имя неопровержимой идеи, что его унижало и вдохновляло одновременно. А потом, когда ему удалось добиться успеха, процветания и интеграции в общество, он с грустью отвернулся от сокровищ мудрости, которые перерос и поневоле должен был оставить там, в Оксфорде времен своей юности.

Так Феннан описал свою эволюцию, а Смайли поверил и понял. Это едва ли была та история озлобленности и отторжения, к каким Смайли привык в подобных беседах, и (вероятно, именно поэтому) она показалась ему гораздо более реалистичной. Но от разговора все же остался некоторый осадок: Смайли был уверен, что Феннан так и не поделился с ним чем-то крайне важным.

Но сейчас куда интереснее было другое. Существовала ли прямая, основанная на фактах связь между инцидентом на Байуотер-стрит и смертью Феннана? Смайли уже упрекал себя, что чересчур увлекся очевидными совпадениями. Если же смотреть трезво, то ничто, за исключением последовательности событий, пока не подтверждало, что Феннан и Смайли стали действующими лицами одного и того же дела.

Хотя не одна лишь последовательность событий сыграла свою роль. Нельзя было сбрасывать со счетов интуицию Смайли, его опыт — называйте как хотите, хоть шестым чувством. Именно это заставило его позвонить в дверь собственного дома. Но, однако же, не уберегло от преступника, стоявшего в ночи у него за спиной с обрезком свинцовой трубы в руке.

Беседу с Феннаном он провел неформально, что правда, то правда. Парк, по которому они прогуливались, больше напоминал ему об Оксфорде, чем об Уайтхолле. Да, процедура была необычной — поход в парк, потом столик в кафе у Миллбанк, но как это выглядело со стороны? Чиновник из МИДа прогуливается и очень серьезно разговаривает с каким-то невысоким, никому не известным мужчиной... Вот только что, если личность мужчины как раз была кому-то хорошо известна?

Смайли взял книжку в бумажном переплете и принялся карандашом писать на форзаце:

Есть предположение, которое пока ничем не подтверждено: что убийство Феннана и покушение на убийство Смайли — это звенья одной цепи. Какие обстоятельства связывали Смайли с Феннаном до гибели последнего?

1. До беседы, состоявшейся в понедельник 2 января, я никогда с Феннаном не встречался. Я лишь ознакомился с его личным делом в министерстве и провел кое-какую подготовительную работу.

2. К зданию министерства я добрался 2 января один и на такси. Нашу беседу организовали чиновники форин офиса, но они не знали, и это следует особо подчеркнуть, кто именно будет ее проводить. Отсюда следует, что ни Феннан, ни кто-либо другой за пределами моей собственной организации не имели обо мне никакой предварительной информации.

3. Сама по себе беседа распалась на две части: первая проходила в стенах форин офиса, где рядом постоянно находились люди, которые не обращали на нас никакого внимания, зато вторая протекала там, где нас мог видеть кто угодно.

Что же из этого вытекает? Ничего, если только...

Да, отсюда следовал единственный вывод: некто наблюдавший за ними на улице узнал не только Феннана, но и Смайли, причем их встреча вызвала с его стороны бурную негативную реакцию.

Почему? Чем Смайли мог быть опасен? Ответ вроде бы казался очевидным, но для Смайли он стал почти прозрением. Естественно, опасность он мог представлять только по одной причине. Он был офицером секретной службы. В данном конкретном случае — сотрудником контрразведки.

Он отложил карандаш в сторону.

Стало быть, тот, кто убил Сэма Феннана, был до крайности обеспокоен его контактом с британской службой безопасности. По всей видимости, кто-то в министерстве иностранных дел. И ему была известна также личность Смайли. Вероятно, Феннан знал убийцу еще по Оксфорду, знал как коммуниста, и тот, не желая огласки, опасался, что Феннан заговорит, если уже не заговорил. А если заговорил, то, стало быть, и Смайли подлежал устранению — причем срочному, пока он не составил детальный рапорт о проведенной беседе.

Это объясняет убийство Феннана и покушение на Смайли. Вроде бы в такой версии присутствовал здравый смысл, хотя и в умеренных дозах. Он построил высоченный карточный домик. Дальше строить было вроде бы некуда, но на руках еще оставалось много карт. Например, Эльза, ее ложь, ее возможное соучастие, ее страх. А была еще прокатная машина и тот звонок в восемь тридцать утра. Как быть с этим? И тогда вызывало вопросы анонимное письмо. Если убийцу пугала связь между Смайли и Феннаном, он едва ли написал бы письмо, привлекая к Феннану внимание спецслужб. Тогда кто же его написал? Кто?

Он откинулся в кровати и закрыл глаза. В голове снова пульсировала боль. Вероятно, Питер Гиллам сумеет помочь. На него вся надежда. А пока голова у Смайли шла кругом и разболелась с новой силой.

Глава 9

Подчищая за собой

Мендель привел в палату Питера Гиллама, улыбаясь во весь рот.

— Вот тот, кого ты хотел видеть.

Разговор ладился плохо, по крайней мере Гиллам чувствовал себя неуютно, не зная причин внезапной отставки Смайли и сознавая всю неуместность своего появления в его больничной палате. На Смайли была синяя казенная пижама, волосы беспорядочно торчали из-под повязки, а на левом виске все еще отчетливо виднелся огромный кровоподтек.

После особенно затянувшейся неловкой паузы Смайли сказал:

— Послушай, Питер. Мендель просветил тебя о том, что со мной случилось. Ты — настоящий эксперт в нашем деле. Можешь сказать, известна ли нам организация под названием «Представительство сталелитейной промышленности ГДР»?

— Известна. И они чисты, как только что выпавший снег, друг мой, если не считать внезапного и поспешного отъезда. В ней и работали-то, как говорится, всего трое, не считая собаки. Они обосновались где-то в Хэмпстеде. Поначалу никто не мог понять цели их появления в Лондоне, но за четыре года они провернули здесь неплохую работу.

— Каков был круг их интересов?

— Один Бог знает. Мне кажется, по прибытии они рассчитывали, что наша Торгово-промышленная палата поможет им найти нишу среди сплоченной группы европейских производителей стали, но наткнулись на противодействие. И тогда они переключились на более простые вещи вроде торговли станками и другой готовой продукцией, обмена опытом в сфере производства и промышленных технологий. То есть ничего общего с их первоначальными целями, но гораздо более невинная с виду деятельность.

— Кто их здесь представлял?

— О, всего двое специалистов. Герр Доктор Такой-то и герр Доктор Сякой-то. Пара девиц-секретарш. И номинальный руководитель представительства.

— Что за фигура?

— В точности не знаю. Но вроде бы какой-то бывший дипломат, чтобы вести переговоры и сглаживать углы. У нас есть на них досье. Наверное, смогу достать для тебя копии.

— Будь любезен, если это тебя не слишком затруднит.

— Не вижу большой проблемы.

После очередной паузы. Смайли попросил:

— Было бы очень полезно иметь фотографии. Сможешь принести?

— Да, конечно. — Гиллам в смущении избегал встречаться взглядом со Смайли. — Пойми, мы вообще мало что знаем о восточных немцах. Так, какие-то фрагменты данных, но в целом они для нас — загадка. Если они и проводят секретные операции здесь, то никогда не используют как «крышу» торговые представительства. Вот почему ты прав относительно того типа. Очень странно, если он действительно был здесь главным представителем сталелитейной промышленности.

— Вот, значит, как, — отозвался Смайли равнодушно.

— Как же они работают? — спросил Мендель.

— Очень трудно обобщать на основе лишь нескольких отдельных случаев, о которых нам доподлинно известно. У меня сложилось впечатление, что они руководят агентурой непосредственно из ГДР, и куратор никогда не поддерживает прямого контакта с подопечным агентом в зоне его действий.

— Но это должно значительно ограничивать их возможности! — с неожиданной горячностью воскликнул Смайли. — Можно ждать месяцы, пока твой человек выберется из страны, чтобы организовать с ним личную встречу. А у кого-то вообще может не найтись для этого благовидного предлога.

— Да, им это явно мешает, но и их цели, как правило, весьма незначительны. Они по большей части вербуют иностранцев — шведов, обосновавшихся здесь поляков и прочих иммигрантов — для выполнения краткосрочных разовых заданий, при которых оперативные ограничения не так уж важны. В исключительных случаях, когда у них появляется в какой-то стране серьезный агент из числа местных граждан, они прибегают к системе курьерской связи, копируя советский опыт.

Теперь Смайли слушал его внимательно.

— Между прочим, — продолжал Гиллам, — американцам недавно удалось перехватить такого курьера, и во многом благодаря этому мы теперь хоть что-то знаем о методах разведки ГДР.

— Например?

— Например, их агенты никогда не ждут подолгу на месте встречи, не приходят точно в назначенное время, а являются минут на двадцать раньше. Есть система распознавания «свой — чужой», порой это придает внешний блеск совершенно пустяковым делишкам. Занятна их система кодовых имен и оперативных псевдонимов. Скажем, курьер может контактировать с тремя-четырьмя агентами, а у куратора их иногда до пятнадцати. Но каждый знает их под разными именами, потому что они никогда не придумывают их для себя сами.

— Не понимаю? Разве такое возможно?

— Псевдонимы изобретают для них сами агенты. Агент присваивает куратору имя по своему вкусу, и тот начинает отзываться на него. Простая штука, если вдуматься, но... — Он осекся и с удивлением посмотрел на Менделя.

Потому что Мендель вдруг вскочил.

Гиллам откинулся на спинку стула и подумал, разрешено ли ему будет здесь закурить. Потом смирился с мыслью, что едва ли, хотя сигарета сейчас не помешала бы.

— Расскажи ему, — попросил Смайли, и Мендель посвятил Гиллама в детали беседы со Скарром.

— Все сходится, — отозвался Гиллам. — Подходит под ту картину, которую мы имеем. Хотя картина, конечно, далеко не полная. Если ваш Блондинчик — курьер, то это исключительный случай, насколько я знаю. Мы ни разу не слышали, чтобы они работали под прикрытием торговых представителей.

— Вы сказали, что представительство открылось здесь четыре года назад, — продолжал Мендель. — И ровно четыре года назад Блондинчик впервые появился у Скарра.

Какое-то время все снова молчали. Потом Смайли произнес очень серьезно:

— Но ведь это возможно, Питер, не правда ли? При определенных условиях они вполне могли открыть здесь резидентуру, которую использовали наряду с курьерами.

— Да, конечно. Но, думаю, в таком случае речь шла о какой-то по-настоящему важной операции.

— То есть если на них работал очень хорошо информированный источник и к тому же гражданин Великобритании?

— Да, примерно так.

— А предположив, что у них был агент уровня Маклина или Фукса, мы можем допустить вероятность, что они открыли точку под прикрытием торговой миссии с исключительной и единственной целью — быть с этим человеком постоянно на связи, верно?

— Да, не исключено, но уж слишком неправдоподобно, Джордж. Получалось бы, что руководство работой агента осуществляли из-за рубежа, приставив к нему не только курьера, но еще и своего сотрудника из подставной коммерческой организации, который также выполнял бы курьерские функции, а заодно был бы своеобразным персональным ангелом-хранителем. Что же это за агент такой? Некто просто выдающийся.

— Я имел в виду не совсем такую схему, но что-то похожее. И я согласен, что на это они могли пойти только ради агента самого высокого ранга. Причем не следует забывать, мы лишь со слов самого Блондинчика знаем, что он якобы был иностранцем.

— И подобный агент имел бы прямой выход на представительство? — вставил свой вопрос Мендель.

— Ни в коем случае, — ответил Гиллам. — Но у него наверняка имелись способы дать им знать, что необходима встреча. Скорее всего определенный телефонный сигнал.

— Какой, к примеру? — спросил Мендель.

— Их множество. Чаще всего используется метод ошибки номером. Ты звонишь из телефона-автомата и спрашиваешь Джона Брауна. Тебе отвечают, что такого по этому номеру нет. Ты извиняешься за ошибку и кладешь трубку. Время и место встречи обусловлено заранее, а степень важности зашифрована, скажем, в самом имени человека, которого ты просишь подойти. От этого может зависеть, кого они пришлют на свидание.

— Какие еще функции могло выполнять торговое представительство? — спросил Смайли.

— Трудно сказать. Они могли, наверное, платить ему денежное вознаграждение. Иметь тайник для передачи информации. Разумеется,

все действия агента находились бы прежде всего под контролем куратора, а распоряжения передавались через курьера. Как я уже говорил, они во многом копируют принципы, разработанные советской разведкой, а значит, каждая мелочь должна быть согласована с куратором. Они почти не предоставляют самостоятельности людям, работающим непосредственно в стране.

Снова воцарилось продолжительное молчание. Смайли посмотрел сначала на Гиллама, потом на Менделя, часто заморгал и сказал:

— Блондинчик не навещал Скарра в январе и феврале, я правильно понял?

— Да. В этом году в январе он появился впервые.

— Обычно в это время Феннан уезжал кататься на горных лыжах. И впервые за последние четыре года он уже никуда не поедет.

— Я думаю, мне необходимо снова встретиться с Мастоном, — сказал Смайли.

Гиллам от души потянулся и сказал с улыбкой:

— Конечно, отчего не попытаться? Мастон придет в восторг, узнав, что тебе дали по мозгам. Правда, как я подозреваю, он считает, что Баттерси — это где-то на морском побережье, но какая кому разница? Расскажешь ему, что на тебя напали, когда ты забрался в чужие владения, — это он легко поймет. И сообщи ему о личности нападавшего, Джордж. Только помни, что ты даже не видел его и не знаешь настоящего имени. Уверен ты в одном — это был курьер разведки Восточной Германии. Мастон непременно поддержит тебя, как делал всегда. Особенно если потом приходилось идти с докладом к министру.

Смайли посмотрел на Гиллама и промолчал.

— А полученный тобой удар по голове послужит для него дополнительным аргументом в твою пользу, — не унимался Гиллам.

— Но, Питер...

— Я-то понимаю твои чувства, Джордж. Все понимаю.

— Тогда позволь мне добавить к сказанному еще кое-что. Блондинчик забирал у Скарра машину в первый вторник каждого месяца.

— И что с того?

— Как раз в те вечера, когда Эльза Феннан ходила в театр «Уэйбридж». Феннан по вторникам всегда работал допоздна, как

сказала она сама.

Гиллам поднялся.

— Хорошо, я постараюсь накопать для тебя побольше материалов, Джордж. До скорого, Мендель. Я, возможно, позвоню вам уже сегодня вечером. Если честно, не представляю, что вы сможете за это время придумать, но все равно позвоню. — И уже от самой двери палаты спросил: — Между прочим, где сейчас личные вещи Феннана? Те, что были найдены на трупе?

— По всей видимости, все еще в участке, — ответил Мендель. — Их возвращают после окончательного закрытия дела.

Гиллам еще немного постоял в дверях, раздумывая, не забыл ли что-нибудь.

— От меня требуется еще что-нибудь, Джордж?

— Нет, это все. Хотя... Есть еще одна просьба.

— Слушаю тебя внимательно.

— Не мог бы ты объяснить парням из уголовного розыска, что не надо больше меня тревожить? Они, конечно же, не напали ни на какой след, но таскаются ко мне по три раза на дню. Намекни им, что на дело наложен гриф секретности и вопрос касается только спецслужб. Напусти таинственности. Будь с ними обходителен, но строг.

— Хорошо. Думаю, что справлюсь.

— Понимаю, у тебя могут возникнуть сложности, Питер, поскольку официально я больше не числюсь...

— Да, чуть не забыл! Есть еще новость, способная приободрить тебя. Я попросил провести сравнительный анализ предсмертной записки Феннана и анонимного письма. Их написали разные люди, которые использовали одну и ту же машинку. Разный нажим и интервалы, но идентичный шрифт. А теперь позволь распрощаться, старина. Налегай на виноград.

Гиллам закрыл за собой дверь, и они услышали звучные шаги, удалявшиеся вдоль пустынного коридора.

Мендель скрутил себе сигарету.

— Видит Бог, ты — отважный человек, — заметил на это Смайли. — Никого не боишься. Или ты еще не встречался со здешней старшей медсестрой?

Мендель покачал головой и улыбнулся.

— Двум смертям не бывать, одной не миновать, — отшутился он, вставив сигарету между губами. Смайли наблюдал, как из ее раскуривания он сделал целую церемонию. Достал зажигалку, откинул колпачок, покрутил колесико испачканным чернилами большим пальцем, прикрыл вспыхнувшее пламя двумя ладонями и осторожно поднес к кончику сигареты. Можно было подумать, что в палате бушевал ураганный ветер.

— Ты у нас специалист в криминалистике, — сказал Смайли. — Как выглядит наше дело с твоей точки зрения?

— Грубая и неряшливая работа, — ответил Мендель.

— Почему?

— Слишком много обрубленных, но не проверенных ниточек. Полиция толком не подключилась. Ничего ведь не проверено. Нужно за собой все подчистить. Это как та же алгебра.

— А с чего ты приплел сюда алгебру?

— Потому что там тоже следует сначала доказать то, что возможно доказать. Определить константы. На самом ли деле она ходила тем вечером в театр? Была ли там одна? Слышали ли соседи, как она вернулась? Если да, то в котором часу? Правда ли, что Феннан всегда задерживался по вторникам? И посещала ли его супруга спектакли раз в две недели, как утверждает она сама?

— И еще звонок в восемь тридцать. Подчисти и этот конец для меня, пожалуйста.

— Этот звонок сильно действует тебе на нервы, как я погляжу.

— Верно. Из всех непроверенных нитей для меня это самая важная. И сколько я ни ломаю себе над этим голову, никак не могу найти разумного объяснения. Я уже знаю расписание поездов почти наизусть. Феннан был пунктуальным человеком — часто приезжал на работу вообще самым первым и отпирал все двери. Он предпочитал поезда, которые отправлялись в восемь пятьдесят четыре и девять ноль девять. Самое позднее — в девять четырнадцать. Электричка в восемь сорок пять позволяла ему быть на месте в девять тридцать восемь. Ему нравилось быть на рабочем месте уже к четверти десятого. Поэтому он никак не мог попросить разбудить его только в восемь тридцать.

— Возможно, ему просто нравились звуки звонков, — сказал Мендель, поднимаясь.

— И еще письма, — продолжал Смайли. — Разные люди, но одна машинка. Не считая убийцы, только двое имели доступ к той пишущей машинке: сам Феннан и его жена. Если мы признаем, что предсмертную записку напечатал он сам, — а он, несомненно, собственноручно подписал ее, — то нельзя исключать, что анонимку с обвинениями напечатала Эльза. Зачем ей это понадобилось?

Теперь Смайли чувствовал, что действительно очень устал и был рад избавиться от Менделя.

— Отправляйся и займись подчисткой. Определи, какие константы мы имеем... Да, тебе ведь могут понадобиться деньги. — Смайли открыл бумажник, лежавший рядом с кроватью. Мендель взял деньги, ничуть не смутившись, и вышел.

Смайли без сил откинулся на подушку. Голова у него не просто болела — казалось, мозг раскалился и жжет череп изнутри. Он хотел позвать медсестру, но не стал, потому что она внушала ему робость. Головная боль стала постепенно стихать. Снаружи донеслись звонки «скорой помощи»^[11], сворачивавшей с Принс-оф-Уэллс-драйв во двор больницы.

— Возможно, ему просто нравились звуки звонков, — пробормотал он и заснул.

Разбудили его громкие голоса из коридора. Он слышал, как старшая медсестра с кем-то спорит на повышенных тонах, а Мендель столь же горячо ей возражает. Затем распахнулась дверь, и кто-то включил свет. Смайли часто моргнул, сел в постели, прищурился и посмотрел на часы. Без четверти шесть. Мендель что-то говорил ему, почти кричал. Что он пытался ему сообщить? Что-то про мост Баттерси... Про речную полицию... Пропал со вчерашнего вечера... Смайли окончательно сбросил с себя сон. Адам Скарр был найден мертвым.

Глава 10

Рассказ девственницы

Мендель водил машину очень хорошо, но с тем ученическим педантизмом, который наверняка позабавил бы Смайли. Движение по Уэйбридж-роуд было, как всегда, почти парализовано. Мендель ненавидел владельцев автомобилей. Дайте мужчине собственную машину, и он оставит все свои человеческие качества вместе со здравым смыслом в гараже. Причем это никак не было связано с личностными особенностями. Ему доводилось видеть, например, как епископ в пурпурной мантии мчался на скорости семьдесят миль в час через оживленный жилой район, пугая пешеходов до смерти. Но машина Смайли ему нравилась. Он с удовольствием отмечал, какая она ухоженная, как продуманно Смайли поставил самое необходимое дополнительное оборудование — зеркала по бокам, лампочку, включавшуюся, если нужно было сдать назад.

Ему вообще были симпатичны люди, следившие за своими вещами и никогда не бросавшие начатого дела. Ему нравились дотошность и точность. Взятся — доведи до конца. Как этот убийца. Что сказал о нем Скарр? Молодой, но хладнокровный. Невозмутимее камня. Менделю был знаком этот тип, а теперь и Скарр с ним познакомился, даже слишком близко. Он представлял безжалостные глаза на молодом лице убийцы. Это не взгляд бешеного зверя, не бессмысленная ухмылка маньяка, а глаза, исполненные чувства собственного превосходства, уже не раз проверенного и доказанного на практике. Такое не приходит с военным опытом. Постоянное соседство со смертью на войне тоже дает опыт, но совершенно другого рода. А вот убежденность в своей непогрешимой эффективности и преимуществе над жертвой, живущая в сердце профессионального убийцы, — это гораздо опаснее. Да, Менделю доводилось сталкиваться с таким человеком прежде. Он помнил его. Тот сразу бросался в глаза на фоне остальных членов банды. Глаза бесцветные и почти лишенные всякого выражения. Никогда не улыбавшиеся. Он был действительно невозмутимее камня, причем именно поэтому пользовался, как ни странно, успехом у молоденьких девушек.

Гибель Скарра испугала Менделя всерьез. Он взял со Смайли слово, что тот не отправится к себе на Байуотер-стрит, если его выпишут из больницы. Была надежда, хотя и слабая, что противник уже считает его мертвым. Смерть Скарра свидетельствовала об одном: убийца все еще находился в Англии и тоже стремился подчистить за собой.

«Когда я оправлюсь, — сказал Смайли прошлым вечером, — мы должны будем снова выманить мышку из норки. Поманим ее кусочком сыра».

И Мендель знал, кто станет этим кусочком сыра: сам Смайли. Впрочем, если они не заблуждались относительно мотивов убийцы, то была еще одна приманка: жена Феннана. Если вдуматься, тот факт, что она до сих пор жива, красноречиво свидетельствует не в ее пользу. Но Мендель сразу пристыдил себя за такие мысли и снова переключился на размышления о Смайли.

Странный маленький упрямец, таким он ему виделся. И напоминал одного толстого паренька, с которым Мендель играл в футбол еще школьником. Не способный быстро бегать, не умевший точно бить по мячу, полуслепой, он все равно вкладывал в игру всю душу, все усердие и уходил с поля совершенно изможденный приложенными усилиями. А ведь он еще пытался боксировать. Выходил на ринг, широко расставив руки, и размахивал ими в пустоте, а рефери останавливал бой, только когда паренек уже валялся на помосте почти без сознания. Но при этом мальчишка был чертовски умен.

Мендель сделал краткую остановку в кафе на чашку кофе с булочкой, а потом въехал в Уэйбридж. Репертуарный театр располагался в переулке с односторонним движением, ответвлявшемся от Хай-стрит, где припарковаться было невозможно в принципе. После долгих мытарств ему пришлось оставить машину перед железнодорожным вокзалом и вернуться в городок пешком.

Парадный вход в театр оказался заперт. Мендель обошел здание со стороны, миновав кирпичную арку. Сбоку он обнаружил открытую зеленую дверь с длинной ручкой и нацарапанной мелом надписью «Служебный вход». Звонок отсутствовал, но из темного коридора за дверью отчетливо доносился запах кофе. Мендель вошел и двинулся по коридору, который упирался в каменную винтовую лестницу с

металлическими перилами. Она вела еще к одной зеленой двери. Аромат кофе усилился, и стали слышны голоса.

— О, но всему же есть предел, в конце-то концов, дорогой мой! Если этим культурным стервятникам из Суррея угодно три месяца подряд смотреть пьесы Барри, то пусть обедаются ими. У нас будет либо Барри, либо «Кукушкино гнездо» Бена Трэверса, поставленное сто лет назад. По мне, так Барри даже лучше.

Это произнесла немолодая женщина.

Тут же ворчливо отозвался мужчина:

— Но ведь Людо всегда может возобновить постановку «Питера Пена», верно я говорю, Людо?

— Тупое предложение, — раздался еще один голос, тоже мужской.

Мендель открыл дверь и оказался за кулисами театральной сцены. Слева на стене висела толстая доска с прикрепленной к ней панелью, которая, судя по обилию кнопок и переключателей, служила пультом управления. Для того, кто им распоряжался, рядом стояло абсурдно роскошное кресло в стиле рококо: все в позолоте, с причудливо вышитой обивкой.

В центре сцены на бочках сидели двое мужчин и женщина, кутившие и попивавшие кофе. Декорация являла собой палубу корабля. Под потолок уходила мачта с вантами, а большая деревянная пушка упиралась дулом в нарисованные на холсте море и небо.

При появлении Менделя разговор оборвался. Кто-то прошептал:

— Господи, это что еще за призрак оперы?

Они посмотрели на него и захихикали.

Первой заговорила женщина:

— Вы заблудились или кого-то ищете, друг мой?

— Извиняюсь, если помешал. Хотел узнать, как можно приобрести ваш абонемент. Так сказать, вступить в клуб.

— Ах, вот как! Приятно слышать. — Женщина встала и подошла к Менделю. — Очень приятно слышать.

Она взяла его за левую руку и крепко сжала ладонями, одновременно сделав шаг назад, чтобы оглядеть гостя. Это была отточенная поза хозяйки. Так леди Макбет, должно быть, встречала Дункана в ее постановке. Потом она склонила голову набок, кокетливо улыбнулась и, не отпуская руки, повела Менделя в противоположную

кулису. Там располагалась дверь в крохотную контору, захлавленную старыми афишами, программками, коробочками с гримом, париками и разрозненными деталями матросских костюмов.

— Вы не были на нашей последней премьере? Мы давали пантомиму по мотивам «Острова сокровищ». Это был оглушительный успех. Просто потрясающий! И мы сумели обогатить содержание очень неожиданным социальным подтекстом. Это ведь так важно в наши дни, вы согласны? Не просто развлекать публику, а чему-то учить без излишней назидательности.

— Да, вполне согласен, — кивнул Мендель, понятия не имевший, о чем она толкует. При этом острым глазом он заметил на столе довольно-таки аккуратную пачку счетов, скрепленную зажимом. Верхний был выписан на имя миссис Людо Ориел, и срок выплаты по нему истек четыре месяца назад.

Женщина пристально посмотрела на него сквозь стекла очков. Она была невысокая, темноволосая, с морщинистой шеей и обильно пользовалась косметикой. Темные круги под глазами она попыталась скрыть слоем грима, но это дало лишь кратковременный эффект. На ней были свободные брюки и свитер, больше похожий на балахон, весь перепачканный темперой. Курила она непрерывно. Зажатая в губах сигарета кривила ее широкий рот, придавая лицу нетерпеливое и брюзгливое выражение. Мендель уже начинал опасаться, что договориться с ней окажется трудно, и потому даже испытал облегчение, заметив неоплаченные счета.

— Вы и в самом деле хотите приобрести право на членство в клубе?

— Нет.

Ярость овладела ею мгновенно.

— Если вы еще один наш кредитор, то выметайтесь отсюда немедленно! Я обещала заплатить и заплачу, только не надо все время доставать меня. Если публика заподозрит, что у меня нет денег, я действительно обанкрочу театр. И кто тогда окажется в реальном проигрыше? Вы, а не я.

— Я не кредитор, миссис Ориел. Наоборот, я пришел предложить вам денег.

Она замолчала и ждала объяснений.

— Я занимаюсь частным сыском. В основном бракоразводными делами. Сейчас у меня как раз богатый клиент. Хотел бы задать несколько вопросов и готов заплатить за беспокойство.

— Слава тебе, Господи, — с явным облегчением вздохнула женщина. — Почему же вы сразу не сказали, что вам нужно?

Они рассмеялись. Мендель положил пять фунтовых бумажек поверх счетов и пересчитал их у нее на глазах.

— А теперь, — сказал он, — я хотел бы узнать, есть ли у вас список членов клуба? И что дает приобретение абонементов?

— Во-первых, каждое утро ровно в одиннадцать мы подаем водянистый кофе прямо на сцену. И члены клуба имеют возможность пообщаться с актерами в перерыве между репетициями с одиннадцати до одиннадцати сорока пяти. За кофе им приходится платить дополнительно, разумеется, но на сцену допускаются только члены клуба.

— Понятно.

— Если вам это интересно, то по утрам к нам приходят в основном девицы и дамы постарше.

— Любопытно. А что еще у вас тут происходит?

— Каждые две недели мы меняем спектакль. Члены клуба имеют право зарезервировать за собой место на любой из вечеров в эти четырнадцать дней. К примеру, на вторую среду нового показа и так далее. Смена представления обычно происходит в первый и третий понедельник каждого месяца. Спектакль начинается в девятнадцать тридцать, и места для владельцев абонементов мы держим до девятнадцати двадцати. Девочка в кассе на плане зала отмечает каждое занятое кресло. Забронированные места помечены красным цветом, и билеты на них продаются только в самый последний момент.

— Ясно. Значит, если член клуба не явился в назначенный день, его место все равно будет помечено на плане как занятое?

— Только если его удастся успеть продать.

— А, ну конечно.

— После первой недели зал обычно уже заполняется плохо. Мы стремимся перейти на еженедельную смену репертуара, но это сложно с... материальной точки зрения. Мы и с двухнедельным графиком справляемся порой с трудом, если честно.

— Да, вижу, вам тяжело приходится. А вы сохраняете старые планы рассадки зрителей?

— Иногда. Они бывают нужны, чтобы свести цифры по бухгалтерии.

— Я говорю о конкретном вечере. Это был вторник, третье января.

Женщина выдвинула ящик шкафа и достала пачку отпечатанных типографским способом планов зрительного зала.

— Это, стало быть, вторая неделя нашей пантомимы. Хорошо держаться традиции, не правда ли?

— Совершенно с вами согласен, — с готовностью кивнул Мендель.

— Так кто же именно вас интересует? — спросила миссис Ориел, открывая нечто похожее на грессбук.

— Невысокая светловолосая женщина лет сорока двух — сорока трех. Фамилия ее Феннан. Эльза Феннан.

Миссис Ориел стала просматривать книгу записей. Мендель без тени смущения заглядывал ей через плечо. Имена членов клуба были аккуратным почерком занесены в левую колонку на странице. Жирная красная галочка еще левее означала, по всей видимости, что данная персона своевременно внесла членский взнос. В правой части делались пометки относительно мест, заказанных в течение нынешнего года. Всего в клуб записались восемьдесят человек.

— Что-то я сразу не припомню такой фамилии. Где примерно она обычно сидит?

Понятия не имею.

— Ах, ну вот же! Мерридейл-лейн, Уоллистон. Боже, Мерридейл-лейн! Ну и дыра, доложу я вам. Но давайте посмотрим. В самом углу последнего ряда. Станный выбор, вам не кажется? Кресло P2. Но только Богу известно, была ли она на спектакле третьего января. Боюсь, что план за тот вечер не сохранился, хотя лично я никогда сама ничего не выбрасываю. Вещи просто имеют свойство куда-то пропадать сами собой. С вами такое бывает? — Она искоса бросила на него взгляд, гадая, по всей видимости, отработала ли уже свои пять фунтов. — Вот что я вам скажу. Мы сейчас расспросим нашу Девственницу, нашу Непорочную деву.

Она поднялась со стула и направилась к двери.

— Феннан, Феннан, — повторяла она. — Минуточку! Мне эта фамилия явно о чем-то напоминает. Вот только о чем именно? Точно! Случай с папкой для нот. Будь я проклята!

Она открыла дверь.

— Где Девственница? — Вопрос адресовался кому-то на сцене.

— Кто ее знает.

— Спасибо, ты мне очень помог, свинья, — сказала миссис Ориел и снова закрыла дверь. Потом повернулась к Менделю: — Девственница — это наша будущая звезда, видите ли. Английская роза, дочь местного адвоката, помешанного на театре. В фильдеперсовых чулочках и с видом недотроги. Мы над ней посмеиваемся и откровенно недолюбливаем, но иногда даем эпизодические роли, потому что папаша щедро платит за обучение актерскому мастерству. Еще она иногда помогает рассаживать зрителей, когда у нас случаются аншлаги. Она и миссис Торр — гардеробщица. А когда все тихо, миссис Торр справляется одна. Девственнице остается только болтаться за кулисами и надеяться, что у ведущей актрисы случится сердечный приступ, чтобы ее выпустили на сцену.

Она сделала паузу.

— Феннан. Феннан... Теперь я совершенно уверена, что встречала эту фамилию. Интересно, куда занесло нашу молодую корову?

Она вышла и через несколько минут вернулась, ведя за собой рослую и плечистую, но довольно-таки хорошенькую девушку с пушистыми светлыми волосами и со здоровым цветом лица, который обычно отличает тех, кто играет в теннис или плавает в бассейне.

— Знакомьтесь, Элизабет Пиджен. Возможно, она сумеет вам помочь. Милочка, этот джентльмен наводит справки о миссис Феннан, члене нашего клуба. По-моему, ты мне что-то говорила о ней.

— Ну, конечно, Людо. — Девушке, видимо, казалось, что у нее мелодичный голос. Она вяло улыбнулась Менделю, склонила голову набок и подала для пожатия два пальца. Мендель ответил ей коротким поклоном.

— Ты знаешь ее? — спросила миссис Ориел.

— Да, знаю. Она ужасно музыкальна. То есть я так думаю, потому что она всегда приносит с собой ноты. Она жутко тощая и немного не

в себе. По-моему, иностранка.

— Что значит — не в себе? — спросил Мендель.

— Она со странностями. Когда приходила на спектакль в последний раз, то устроила страшный скандал из-за соседнего места. Оно, видите ли, тоже зарезервировано за членом клуба, но только прошел уже, наверное, час после положенного времени. Мы тогда только начали показы пантомимы, и у кассы стояла огромная очередь за билетами, вот я и решила это место продать. Но она все твердила, что ее сосед непременно явится, потому что приходит всегда.

— А он пришел? — спросил Мендель.

— Нет. И я продала место. Она, видно, была ужасно расстроена, поскольку ушла после второго действия и даже забыла папку с нотами.

— Тот человек, которого она ждала... Они с миссис Феннан друзья?

Людо Ориел окинула Менделя понимающим взглядом. Девушка кивнула:

— Да уж, наверное, друзья. Если он ее муж. А вы как думаете?

Мендель в задумчивости смотрел на нее почти минуту, а потом улыбнулся и попросил:

— Не найдется ли здесь места, куда наша очаровательная Элизабет могла бы присесть?

— Вот за это спасибо, — сказала девушка и опустилась на подлокотник такого же золоченого кресла, как и то, что стояло за кулисами. Красноватые пухлые ручки она положила на колени и склонилась вперед, непрерывно улыбаясь и радуясь возможности в кои-то веки оказаться в центре всеобщего внимания. Миссис Ориел бросала на нее исподтишка язвительные взгляды.

— Почему вы решили, Элизабет, что тот мужчина был ее мужем? — В голосе Менделя появилась напряженная интонация, которой не слышалось прежде.

— Конечно, они всегда приезжали порознь, но поскольку специально заказали два кресла в стороне от мест, где сидят остальные члены клуба, я и решила, что они — муж с женой. И потом он тоже всегда приносил ноты.

— Понятно. Вы запомнили о том вечере что-нибудь еще, Элизабет?

— Да, много чего. Потому что я расстроилась, когда она так внезапно ушла со спектакля. А потом в тот же вечер позвонила. Я имею в виду миссис Феннан. Она позвонила. Назвала свою фамилию, сказала, что ей пришлось уйти по срочному делу и она случайно оставила свою папку с нотами. Судя по голосу, она была почти в истерике. По-моему, даже плакала. Словом, находилась в ужасном состоянии. Из трубки доносился еще чей-то голос, а потом она спросила, нельзя ли прислать кого-то за папкой и чтобы его пустили без билета. Я ответила, конечно. И через полчаса приехал мужчина. Очень представительный. Высокий и светловолосый.

— Ясно, — сказал Мендель. — Спасибо, Элизабет, вы мне очень помогли.

— Да что там, пустяки. — Она поднялась.

— Интересно, — догадался в последний момент спросить Мендель, — ноты забрал не тот мужчина, что обычно сидел с ней рядом на спектакле?

— О, черт, конечно. Извините. Мне следовало сразу упомянуть об этом.

— Вы с ним разговаривали?

— Да, мы вроде как поздоровались и все такое.

— Какой у него был голос?

— С иностранным акцентом, как у миссис Феннан, — она ведь иностранка, верно? Я тогда еще подумала: вот и объяснение скандальному характеру и истеричности. Иностранный темперамент.

Она улыбнулась Менделю, подождала немного других вопросов, а потом тихо удалилась.

— Корова, — бросила со злостью миссис Ориел, глядя на закрывшуюся за ней дверь. Потом она посмотрела на Менделя. — Надеюсь, то, что вы узнали, стоило пяти фунтов?

— Думаю, вполне, — ответил он.

Глава 11

Не слишком респектабельный клуб

Когда Мендель вошел, Смайли сидел в кресле и был полностью одет. Зато на его кровати во весь рост с удовольствием растянулся Питер Гиллам, небрежно державший в руке бледно-зеленую папку. Небо за окном потемнело и выглядело угрожающе.

— Входит третий убийца, — выдал театральную реплику «от автора» Гиллам, едва Мендель переступил порог палаты. Тот присел в ногах постели и приветливо кивнул Смайли, который выглядел бледным и подавленным.

— Мои поздравления. Отрадно снова видеть тебя на ногах.

— Спасибо. Только не спеши с поздравлениями. Я слаб, как новорожденный котенок.

— Когда тебя выписывают?

— Точно не знаю.

— И ты даже не спрашивал?

— Нет.

— Лучше поинтересуйся. У меня есть для тебя новости. Пока не разобрался, что именно из них следует, но явно что-то очень любопытное.

— Ну надо же, — сказал Гиллам. — У нас у всех есть новости друг для друга. Просто восхитительно. Джордж просмотрел мой семейный фотоальбом, — он чуть приподнял зеленую папку, — и, представь, узнал старых знакомых.

Мендель был озадачен и даже несколько обижен, словно ему забыли сообщить нечто важное. Но Смайли поспешил успокоить его:

— Я все расскажу вам за ужином завтра вечером. Утром уйду отсюда, разрешат они мне или нет. Думаю, теперь мы знаем, кто убийца, как и многое другое. Давай же, выкладывай свои новости.

Его глаза при этом не блестели торжеством. В них читалось только тревожное возбуждение.

О членстве в клубе, к которому принадлежал Смайли, едва ли стали бы упоминать как об одной из своих почестей те знаменитости,

чьими именами полнятся страницы толстенных фолиантов «Кто есть кто». Его основал молодой изгнанник гораздо более престижного клуба «Карлтон-младший» по фамилии Сtid-Эспри, которого покарали за богохульство в присутствии архиепископа Южной Африки. Тогда он убедил свою бывшую квартирную хозяйку в Оксфорде сменить дом в тихом квартале Холлиуэлла и стать хозяйкой двух залов в полуподвале на Манчестер-сквер, которые достались ему в наследство от богатого родственника. В свое время клуб насчитывал сорок членов, каждый из которых платил пятьдесят гиней в год. Теперь их остался тридцать один. Хотя отсутствовали устав и секретарь и туда по негласному соглашению не допускались женщины и епископы. Ты мог взять бесплатный сандвич и купить бутылку пива, а мог взять сандвич и не купить ничего. Если ты оставался относительно трезв и не мешал другим членам, никто не обращал внимания, как ты одет, что ты говорил или делал, кого привел с собой. Миссис Стерджон сама не колдовала больше за стойкой бара и не подавала свиные отбивные, но лично следила за порядком и уютом с помощью двух отставных сержантов полка береговой охраны.

Вполне естественно, что большинство членов относились к тому же поколению студентов Оксфорда, что и Смайли. С самого начала было решено — клуб послужит именно этой генерации, состарится и умрет вместе с последним ее представителем. Война нанесла клубу урон. Не стало Джебеди и еще нескольких человек, но никто даже не заикался о приеме новых членов. В притоке денег особой необходимости не ощущалось — помещение теперь принадлежало самому клубу, будущее миссис Стерджон было обеспечено, и заведение легко сводило концы с концами.

Субботним вечером здесь собралось всего с полдюжины членов. На этот раз Смайли заранее заказал трапезу, и для них накрыли стол в малом зале у камина с ярко пылавшими углями. Там они сидели одни за бифштексами из вырезки и кларетом; на улице монотонно шумел дождь. Всем троим мир казался на удивление спокойным и тихим, несмотря на необычное дело, которое свело их.

— Чтобы мой рассказ получился полным и обрел смысл, — начал Смайли, обращаясь главным образом к Менделю, — мне поневоле придется много говорить о себе самом. Как вы знаете, я офицер разведки и был им, кажется, со времен Всемирного потопа, то есть

задолго до того, как в наши действия стали вмешиваться политики с Уайтхолл. В те дни нас было мало, и нам плохо платили. После обычной подготовки и стажировки в Южной Африке и Центральной Европе я получил должность преподавателя в одном из университетов Германии с секретной миссией намечать среди немецких студентов тех, которые могли стать агентами. — Он сделал паузу, улыбнулся Менделю и продолжил: — Заранее прошу простить, если придется прибегать к профессиональному жаргону.

Мендель в ответ лишь кивнул с серьезным выражением лица, и Смайли смог продолжить. Он чувствовал, что вещает несколько высокопарно, но не знал, как этого избежать.

— Самое трудное время началось незадолго до последней войны. Ужасный период для Германии, где царила вакханалия нетерпимости. В таких условиях было бы чистым безумием пытаться вербовать кого-то самому. Мой шанс заключался в том, чтобы держаться как можно незаметнее, быть социально и политически бесцветной фигурой, а кандидатов отбирать, чтобы на контакты с ними выходил кто-то другой. Некоторых из них я привозил на студенческие каникулы в Англию, но при этом исключал всякие контакты со своим ведомством, потому что понятия не имел, насколько эффективно работала тогда германская контрразведка. Я не знал, кого из отобранных мной людей в итоге вербовали, и так было лучше для всех — ведь меня в любой момент могли разоблачить.

Но если переходить к самой сути, то начало моей истории относится к тридцать восьмому году. Как-то летним вечером я сидел в своей комнате. Стояла прекрасная погода — теплая и безветренная. О фашизме можно было на какое-то время забыть вообще. Я работал, сидя у окна, в одной рубашке, причем трудился не слишком усердно — уж слишком славный выдался вечерок.

Он сделал паузу, почему-то слегка смутившись, и поболтал портвейн в бокале. На щеках у него выступили два розовых пятна. Он чувствовал себя слегка пьяным, хотя выпил совсем немного.

— Да, продолжим, — произнес он, чувствуя нелепость своего поведения. — Простите, если мысли у меня немного путаются... Так вот, я сидел за столом, когда в дверь постучали и вошел совсем юный студент. Вообще-то ему уже исполнилось тогда девятнадцать, но выглядел он моложе. Звали его Дитер Фрей. Он занимался в моем

семинаре, был умненьким мальчиком, к тому же удивительно привлекательным.

Смайли снова помедлил, глядя перед собой. Возможно, его собственное ранение и ощущавшаяся теперь слабость вызвали настолько живое воспоминание.

— Дитер был красивым мальчиком с высоким открытым лбом и непослушной густой черной шевелюрой. Однако нижняя часть его тела была деформирована, поскольку он перенес детский церебральный паралич. Он ходил с тростью, тяжело опираясь на нее при каждом шаге. Вполне естественно, что в небольшом университете Дитер стал известной личностью с налетом байронического романтизма и тому подобного. Немцам вообще свойственна склонность создавать себе юных гениев от Гердера до Стефана Георга — им всегда нужен кто-то, чтобы объявить его великим чуть ли не с колыбели. Но Дитер не позволял излишне возвеличивать себя. В нем жил дух яростного стремления к независимости, безжалостности к себе, который отпугивал любого, кто хотел ему покровительствовать. И этот защитный панцирь он носил не только из-за инвалидности, но и в силу расовой принадлежности, поскольку был евреем. Я так и не понял, каким образом ему удавалось тогда сохранять за собой место в университете. Возможно, руководство не знало о его еврейских корнях, а южный тип лица Дитера при желании можно было отнести, пожалуй, к итальянскому, но мне в это плохо верится. Лично я понял, что он еврей, с первого взгляда.

Кроме того, Дитер был социалистом. Причем не скрывал своих взглядов даже в те времена. Я одно время рассматривал его как потенциального агента, но мне казалось пустой тратой времени вербовать человека, который в любой момент мог отправиться в концентрационный лагерь. К тому же личностью он был увлекающейся, делавшей порой поспешные выводы, слишком яркой и неумеренно тщеславной. В университете он возглавлял почти все студенческие общества — ораторское, политическое, поэтическое и так далее. Ему удавалось добиваться успехов даже в спорте. Он ухитрялся воздерживаться от спиртного в учебном заведении Германии того времени, где высшей доблестью мужчины считалось не просыхать почти весь первый курс.

Вот таким был тогда Дитер: высокий, красивый, даже величавый в увечье, кумир своего поколения студентов и еврей. Именно он явился ко мне в тот вечер.

Я усадил его, предложил вина, но он отказался. Тогда я сварил кофе, как сейчас помню, на газовой горелке. Мы немного поговорили о поэзии, обсудили мою последнюю лекцию о творчестве Китса. Я неизменно считал неверным применять методологию немецкой критической школы к английской поэзии, а потом мы плавно перешли к популярной тогда теме нацистской интерпретации «упадничества» в искусстве. Дитер первым заговорил об этом, а потом, становясь все более и более откровенным, перешел к негативным отзывам о современной Германии вообще и о фашизме в частности. Естественно, я держался настороже — думаю, в те годы я был куда проницательнее и умнее, чем сейчас. Под конец он задал мне в лоб вопрос, что я думаю о нацистах. Я так же прямо ответил ему, что, во-первых, не считаю уместным критиковать страну, гостем которой являюсь, а, во-вторых, вообще не получаю удовольствия от разговоров на политические темы. Никогда не забуду его реакции. Он пришел в ярость, с трудом поднялся на ноги и заорал на меня: «Von Freude ist nicht die Rede!» — «Мы здесь не об удовольствиях разговариваем!»

Смайли прервался и посмотрел через стол на Гиллама:

— Извини, Питер, если мне пришлось начать слишком издалека.

— Не надо извиняться, старина. Рассказывай свою историю, как считаешь нужным.

Мендель тоже проворчал что-то одобрительное, хотя сидел в довольно-таки напряженной позе, положив руки на стол перед собой. В комнате не было другого света, кроме яркого огня в камине, который отбрасывал высокие тени их фигур на грубо отделанные стены зала. Графин с портвейном на три четверти опустел; Смайли плеснул каплю себе и пустил его по кругу.

— Он по-настоящему разозлился на меня. Ему казалось непостижимым, как я мог отстаивать критерии независимости в искусстве, оставаясь столь политически нейтральным, как мог я вещать о свободе творчества, когда треть Европы уже была в оковах. Разве для меня ничего не значило, что у нас на глазах современная цивилизация истекала кровью? Что такого сокровенного обнаружил я в семнадцатом столетии, чтобы не замечать происходящего в двадцатом?

Он пришел ко мне, потому что ему нравились мои семинары и он считал меня человеком передовых взглядов, но теперь понял — я даже хуже остальных.

С этим я и дал ему уйти. А что еще мне оставалось? У меня был формальный повод относиться к нему с подозрением — еврей-вольнодумец, который непостижимым образом не только оставался на свободе, но и продолжал учебу в университете. И все же я продолжал наблюдать за ним. Семестр подходил к концу, нас ожидали продолжительные каникулы. Во время заключительных дебатов три дня спустя Дитер позволил себе необычайно дерзкие высказывания. Его слова по-настоящему напугали всех, кто там присутствовал, и после его выступления в аудитории воцарилось напряженное молчание. Занятия закончились. Дитер уехал, не попрощавшись со мной. И, честно говоря, я полагал, что больше никогда его не увижу.

Но не минуло и шести месяцев, как это произошло. Я гостил у друзей в Дрездене, родном городе Дитера, и перед отъездом приехал на вокзал за полчаса до отправления поезда. Чтобы не торчать все это время бесцельно на платформе, я решил совершить короткую прогулку. Буквально в двухстах метрах от станции возвышалось мрачноватое здание семнадцатого века. Перед ним располагался небольшой двор, обнесенный высокой оградой из металлических прутьев с воротами из кованого железа. Дом явно превратили в нечто вроде тюрьмы временного содержания: группу обритых налысо заключенных — мужчин и женщин — выпустили во двор на прогулку, заставляя двигаться цепочкой по кругу. В центре стояли два охранника с автоматами. Пока я рассматривал эту сцену, мне бросилась в глаза знакомая фигура — на голову выше остальных, но хромавшая и мучительно старавшаяся не отставать. Это был Дитер. Трость у него, конечно же, отобрали.

Задним числом я понял, что гестапо едва ли осмелилось бы арестовать самого заметного человека в университете, пока он был на вершине популярности. Забыв о своем поезде, я вернулся в город и по телефонному справочнику разыскал его родителей. Я знал, что отец у него был врачом, и потому трудностей с этим не возникло. Но, отправившись по найденному адресу, обнаружил только его матушку. Отец к тому времени уже погиб в концлагере. О Дитере она говорила с большой неохотой, но, как выяснилось, его посадили не в лагерь для

евреев, а в обычную тюрьму и якобы только на исправительный срок. Примерно через три месяца она ждала его домой. Я оставил ему записку под тем предлогом, что у меня якобы лежат его книги, которые могу вернуть, если он свяжется со мной.

Однако события тридцать девятого года закружили меня в сумасшедшем вихре, и, признаться, за весь тот год я о Дитере не вспомнил больше ни разу. Вскоре после возвращения из Дрездена мое ведомство отозвало меня в Англию. Я поспешно собрал вещи и отбыл в течение сорока восьми часов, застав Лондон в самый разгар паники. Мне дали новое задание, которое требовало интенсивной подготовки, приготовлений, тренировок. Потом я должен был сразу вернуться в Европу, чтобы наладить связи с совершенно неопытной агентурой в Германии, завербованной в спешке военной обстановки. Мне пришлось наизусть заучивать десятки самых разнообразных имен и адресов. И можете представить мою реакцию, когда в списке мне попался Дитер Фрей.

Ознакомившись с его личным делом, я обнаружил, что он фактически пришел сам, буквально ворвавшись в наше консульство в Дрездене и потребовав ответа, почему мы и пальцем не хотим пошевелиться, чтобы положить конец уничтожению евреев. — Смайли усмехнулся. — Да, Дитер умел заставить других действовать.

Потом он посмотрел на Менделя и Гиллама и убедился, что оба не сводят с него глаз.

— Моей первой реакцией стали раздражение и отторжение. В конце концов, я знал этого молодого человека лучше всех, но отмел его кандидатуру. И о чем только думал какой-то идиот в Дрездене? Потом я изрядно испугался, словно получил в руки неразорвавшийся снаряд — импульсивный несдержанный характер Дитера мог стоить жизни не только мне одному. Несмотря на некоторые изменения во внешности и новую «легенду», которую я использовал, к Дитеру я мог прийти только как прежний Джордж Смайли из университета, и все мое прикрытие тогда летело к черту. Казалось, хуже начала и придумать нельзя, и я всерьез подумывал о том, чтобы исключить Дитера из агентурной сети. Но оказался глубоко не прав. Из него получился превосходный разведчик.

Он не то чтобы стал скрывать свой темперамент, но научился использовать его на пользу делу. Увечье избавило его от призыва в

армию, и он нашел работу чиновника в железнодорожном ведомстве. Очень быстро ему удалось сделать там неплохую карьеру, получив достаточно важный чин, и количество информации, которую он стал для нас добывать, было просто фантастическим. Данные о перевозках войск и боеприпасов, пункты назначения составов, даты отправления и прибытия. Позднее он даже доносил об эффективности наших бомбовых ударов, выделяя для них ключевые цели. Его всегда отличали способности блестящего организатора, и, думаю, это служило ему надежной защитой. Он так усердно трудился в системе железных дорог, что сделался, по сути, незаменимым, вкалывая день и ночь. Таких людей и тайная полиция не трогает. Ему даже вручили медаль за заслуги перед отечеством, и, как я подозреваю, его досье надежно затерялось в архивах гестапо.

Дитер руководствовался теорией, почерпнутой из «Фауста». Мысль сама по себе не имеет ценности. Чтобы эту ценность обрести, необходимо действие. Он не уставал повторять, что величайшую ошибку совершают люди, отделяющие дух от тела: приказ не существует, если его не выполнили. И часто цитировал Клейста: «Если бы наши глаза были сделаны из зеленого стекла, а все, что кажется белым, оказалось на самом деле зеленым, то что изменилось бы?» Что-то в этом роде.

Как я уже говорил, Дитер был потрясающим агентом. Он дошел до того, что стал отправлять некоторые эшелоны с особо ценными военными грузами в те ночи, когда бомбардировка их была особенно удобна. Разработал целый набор хитроумных трюков, словно от природы был создан для шпионажа, настолько досконально овладел его приемами. Нам не верилось, что так может продолжаться долго, но эффект наших бомбовых ударов оказывался обычно настолько масштабен и имел такую широкую географию, что невозможно было заподозрить, что это могло стать следствием предательства всего лишь одного человека. Да еще такого словоохотливого, как Дитер.

Что касается моей с ним связи, то и здесь проблем не существовало. По долгу службы Дитер часто бывал в разъездах, имея спецпропуск, дававший доступ повсюду. Поэтому контакты с ним были детской игрой в сравнении с некоторыми другими агентами. Иногда мы попросту встречались и беседовали в каком-нибудь кафе. Или он мог посадить меня в свою машину, выделенную ему

министерством, и провезти по шоссе миль на шестьдесят или семьдесят под видом случайного попутчика. Но чаще всего мы садились с ним в один поезд и в коридоре обменивались одинаковыми чемоданами. Могли пойти в театр, сдать в гардероб по пакету, а потом передать друг другу свои квитанции. Я редко получал от него оригиналы документов — по большей части это были снятые под копирку вторые экземпляры. Над их изготовлением прилежно трудилась его секретарша, а он регулярно «уничтожал» их, складывая в свой чемоданчик перед уходом на обед.

Но в сорок третьем году меня снова отозвали. Мое коммерческое прикрытие перестало быть надежным, да и сам я был переутомлен до крайности.

Он прервался и достал сигарету из портсигара Гиллама.

— Впрочем, не Дитер был тому виной, — продолжал Смайли. — Он был моим лучшим агентом, но далеко не единственным. Работа с ним напоминала легкий пикник в сравнении с той головной болью, что доставляли другие. Когда война закончилась, я через своего преемника попытался узнать дальнейшую судьбу Дитера и остальных своих подопечных. Одни обосновались чуть ли не в Австралии и Канаде, другие вернулись на пепелища родных городов в Германии. Как я понял, Дитер долго колебался, как ему поступить. Если вы помните, Дрезден заняли русские, и у него могли возникнуть сомнения, стоит ли отправляться туда. Но в итоге он все-таки поехал. Жизнь заставила — ведь там оставалась его мать. А американцев он вообще на дух не переносил. Не забудем и о его социалистическом мировоззрении.

Позже я слышал, что и там он сумел сделать неплохую карьеру. Огромный опыт административной работы, накопленный во время войны, пригодился правительству Германской Демократической Республики. Пошли на пользу и репутация критика нацизма, и страдания, перенесенные семьей, расчистив ему дорогу. Короче, он кое-чего добился и при новой власти.

— Чего, например?

— Еще месяц назад он возглавлял лондонское представительство сталелитейной промышленности ГДР.

— И это еще не все, — поспешил продолжить Гиллам. — Если ты думаешь, Мендель, что теперь знаешь все, то должен тебя разочаровать. Этим утром я избавил тебя от необходимости повторного

визита в Уэйбридж и сам навестил Элизабет Пиджен. Правда, эта мысль пришла в голову Джорджу.

Он повернулся к Смайли.

— Она напомнила мне Моби Дика. Большого белого киталюдоеда.

— Ну, так что же? — нетерпеливо спросил Мендель.

— Я показал ей фото молодого дипломата по фамилии Мундт, которое взял в нашем архиве. И Элизабет сразу узнала в нем приятного мужчину, который приехал за нотами, оставленными в гардеробе Эльзой Феннан. Интересно, не правда ли?

— А как же?..

— Я заранее знаю, что хочет спросить наш молодой детектив. Тебе интересно, не опознал ли его и Джордж? Ответ положительный. Это тот самый негодяй, который пытался заманить его в собственную квартиру на Байуотер-стрит. Весьма мобильный человек, ничего не скажешь.

Мендель поехал в Митчам. Смайли смертельно устал. Снова шел дождь, похолодало. Смайли плотнее завернулся в пальто и, несмотря на усталость, с умиротворенным удовольствием смотрел на проплывавшие мимо оживленные улицы вечернего Лондона. Ему всегда нравилось путешествовать по земле. Даже сейчас, если бы он встал перед таким выбором, то предпочел бы пересечь всю Францию на поезде, но не сел бы в самолет. В его памяти все еще жила магия шумов ночных поездов по Европе, странная какофония переклички звуковых сигналов и голоса французов, нарушавшие его английские сны. Энн это тоже любила, и они вместе совершили две длительные поездки, пусть комфортабельными их условия назвать было трудно.

Когда они добрались до места, Смайли сразу же улегся в кровать, а Мендель заварил чай. Они выпили его в спальне, отведенной для Смайли.

— Что будем делать дальше? — спросил Мендель.

— Хочу съездить завтра в Уоллистон.

— Тебе нужно хотя бы еще день провести в постели. Зачем тебе туда?

— Повидаться с Эльзой Феннан.

— Одному опасно. Мне лучше поехать с тобой. Посижу в машине, пока ты будешь с ней беседовать. Она ведь иудейка?

Смайли кивнул.

— Мой отец был иудеем, — заметил Мендель. — Но не придавал этому никакого значения.

Глава 12

Мечта на продажу

Она открыла дверь и какое-то время молча смотрела на него.

— Могли бы предупредить о своем приезде, — сказала она.

— Я подумал, что лучше этого не делать ради собственной безопасности.

— Не понимаю, о чем вы, — произнесла она после небольшой паузы.

Было видно, что ложь далась ей с огромным трудом.

— Могу я войти? — спросил Смайли. — У нас не так много времени.

Она выглядела постаревшей, утомленной и, похоже, не столь воинственно настроенной. Проведя его в гостиную, рассеянно указала на кресло.

Смайли предложил ей сигарету и закурил сам. Эльза Феннан встала у окна. Наблюдая за ней, замечая участившееся дыхание, лихорадочный блеск в глазах, он понял, что она почти утратила волю к сопротивлению.

А потому, когда он с ней заговорил, его голос звучал мягко и без признаков агрессии. Для Эльзы Феннан это был, вероятно, именно тот голос, который она так хотела услышать: успокаивающий, придающий сил, сострадательный, создающий иллюзию безопасности. Она медленно отошла от окна; правая рука, которой она держалась за раму, как бы нехотя скользнула вниз и потом упала вдоль тела в жесте, означавшем покорность судьбе. Эльза села напротив него, глядя с такой верой и надеждой, с какой возлюбленная могла бы смотреть на любовника.

— Вам, должно быть, сейчас очень одиноко, — сказал он. — Никому не под силу выдерживать одиночество вечно. Нужна смелость. А трудно быть храброй, когда рядом никого нет. Они не способны этого понять, верно? Им не ведомо, как это может быть сложно — все время чувствовать на себе грязь обмана и лжи, жить в изоляции от нормальных людей. Они считают, что вы способны держаться на том же топливе, которое поддерживает их самих, — на развевающихся

флагах и бравурных патриотических маршах. Но вам нужно совсем другое топливо, когда вы остаетесь одна, не так ли? Вас вынуждают все время кого-то ненавидеть. А где взять на это силы, если то, что вы любите, так далеко от вас, настолько потеряло очертания, что перестало ощущаться родным?

Он сделал паузу. Скоро, подумал он, уже скоро ты сломаешься. И мысленно отчаянно молился, чтобы она приняла его, приняла предложенное утешение. Он снова посмотрел на нее. Да, скоро она сломается.

— Я сказал, что у нас мало времени. Вы поняли, что я имел в виду?

Она разглядывала сложенные на коленях руки. Смайли заметил темные корни ее осветленных волос и не мог понять, зачем ей вообще нужно было их осветлять. Она то ли в самом деле не расслышала вопроса, то ли сделала вид.

— Когда в то утро месяц назад я уехал от вас, то отправился домой в Лондон. А там уже ждал мужчина, который хотел меня убить. Той же ночью ему это почти удалось. Он ударил меня по голове три или четыре раза. Я только что вышел из больницы. Но мне еще повезло. Ведь существовал человек, у которого он брал напрокат машину. Не так давно речная полиция выловила его труп из Темзы. На нем не обнаружили следов насилия — он был просто накачан виски. Они не знали только одного — этот человек годами даже не приближался к реке. Но мы ведь имеем дело с очень опытным негодяем, не так ли? С профессионально обученным убийцей. И он стремится устранить всех, кто вступал в контакт с Сэмюэлом Феннаном. Или с его женой — не забудем и о ней. И есть еще та юная блондинка в репертуарном театре...

— Что вы такое говорите? — прошептала она. — В чем хотите меня убедить?

Смайли внезапно овладело желание причинить ей боль, окончательно сломать ее волю, избавиться от нее, как от врага. Слишком долго, пока он лежал в полнейшем бессилии, образ этой женщины преследовал его, представлялся некой силой — таинственной и потому страшной.

— В какие игры вы с ними играли? Вы двое? Неужели вы думали, что можно шутить с их могуществом, флиртовать с ними, ничем или

почти ничем не рискуя и не жертвуя? Неужели вы считали себя в этом танце ведущим партнером, который может в любой момент остановиться? Что все под контролем у вас самих? Какие мечты вы лелеяли, миссис Феннан, не понимая, что им нет места в мире этих людей?

Она закрыла лицо ладонями, и он увидел, как слезы заструились между пальцами. Ее тело начало сотрясаться в рыданиях, а слова она выдавливала медленно, с усилием:

— Я... Я ни о чем не мечтала. Мечта была только у него. Да, и великая мечта... — Она продолжала плакать в горькой безысходности, а Смайли, чувствуя одновременно торжество победителя и стыд, ждал, чтобы она продолжила говорить. Но Эльза внезапно вздернула голову и посмотрела на него, не утирая все еще струившихся по щекам слез. — Посмотрите на меня, — сказала она. — Какие еще мечты могли у меня оставаться? Я мечтала о длинных золотистых локонах, но меня обрили наголо. Я мечтала иметь красивое тело, но его искалечили голодом. Мне довелось видеть, во что превращаются люди, так как же я могла верить в человеческое совершенство? И я твердила ему: не разрабатывай законов, не придумывай мифических идеалов, не выноси категорических суждений, и люди могут быть счастливы. Стоит дать им еще одну великую доктрину, вооружить грандиозной теорией, выдвинуть великий лозунг, и смертоносная игра начнется сызнова. Я не раз повторяла ему это. Мы говорили ночами напролет. Но нет, этот маленький мальчик вынашивал свою мечту, и если новый мир строился, Сэмюэл Феннан должен был стать его строителем. «Послушай, — говорила я ему. — Тебе дали все, что необходимо для жизни, — дом, деньги, вклад на будущее. Зачем же ты работаешь против них?» А он отвечал: «Я делаю это для их же блага. Я — их врач, и однажды они сами признают это». Он был ребенком, и им манипулировали, как ребенком, мистер Смайли.

Он не осмеливался вмешиваться, не пытался прерывать ее.

— Пять лет назад он познакомился с этим Дитером. В горнолыжном отеле рядом с Гармишем. Позже Фрайтаг сказал нам, что так и было запланировано — ведь Дитер не мог кататься из-за изуродованных болезнью ног. Тогда вообще все казалось нереальным. Фрайтаг было не настоящим именем. Эту кличку дал ему сам Сэмюэл Феннан — вспомнив Пятницу из «Робинзона Крузо». Дитеру это

показалось настолько забавным, что Сэм никогда больше не обращался к ним иначе, как мистер Робинзон и Пятница. — Она прервалась и посмотрела на Смайли с чуть заметной улыбкой. — Извините, мой рассказ довольно бессвязен.

— Мне все в нем понятно.

— Эта девушка... Вы упомянули про девушку. Что с ней?

— Она жива. Не волнуйтесь за нее. Продолжайте.

— Вы были правы. Феннану вы понравились. А Фрайтаг пытался вас убить... Почему?

— Как я полагаю, потому что я вернулся и спросил вас о звонке в восемь тридцать. Вы ведь рассказали об этом Фрайтагу?

— О мой Бог! — Она в испуге приложила пальцы к губам.

— Вы позвонили ему, ведь так? Позвонили, как только я ушел.

— Да, да. Мне стало страшно. Я хотела предупредить, чтобы они с Дитером срочно уезжали и больше не возвращались, потому что поняла — вы все узнаете. Если не сразу, то очень скоро. И почему они не хотят оставить меня в покое? Они опасались меня, зная, что я не верю в их мечты и идеалы, что мне нужен был только Сэмюэл, только его я хотела любить и заботиться о нем. Только на это они и могли положиться.

В голове у Смайли пульсировала невыносимая боль.

— Стало быть, вы сразу же позвонили ему, — констатировал он. — Первым набрали номер «Примроуз», но там никто не ответил.

— Да, — ответила она тихо. — Так и было. Но только оба номера относятся к зоне «Примроуз».

— И тогда вы воспользовались другим номером, запасным...

Эльза снова подошла к окну. Было заметно, что она совершенно обессилела. Но одновременно казалась сейчас спокойнее и явно испытывала облегчение — признание далось нелегко, но сняло часть бремени с ее плеч.

— Да, Фрайтаг — большой мастер по части запасных вариантов.

— Приведите мне второй номер, — настойчиво попросил Смайли. Он все еще испытывал беспокойство, замечая, что она с отрешенным видом смотрит в глубину темного сада.

— Зачем он вам?

Он тоже подошел к окну и встал рядом с ней, краем глаза следя за ее профилем. И когда он снова заговорил, голос его звучал напористо и

немного грубовато:

— Я заверил вас, что с девушкой все в порядке. Мы с вами тоже пока живы. Но не думаю, что мы в безопасности.

Она повернулась к нему с неприкрытым страхом в глазах, пристально посмотрела и кивнула. Смайли взял ее за руку и подвел к креслу. Сейчас ей не помешал бы какой-нибудь горячий напиток. Но она послушно села с пылающим, почти безумным взглядом.

— Запасной номер был девяносто семь сорок семь.

— А адрес? Вы знали адрес?

— Нет, адреса мне не дали. Только номер телефона. У них все трюки с телефонами. Никаких адресов, — повторила она, но с интонацией настолько фальшивой, что у Смайли сразу зародились сомнения. Его вдруг пронзила мысль — воспоминание об умении Дитера налаживать систему связи.

— Фрайтаг ведь не встретился с вами в тот вечер, когда убили Феннана, не так ли? Не пришел в театр?

— Да.

— И такое случилось впервые, верно? Вы запаниковали и ушли со спектакля.

— Нет... То есть да, конечно, я запаниковала...

— Это неправда. Вы ушли из театра до окончания спектакля не потому, что испугались. Просто так у вас и было запланировано. И почему же вы ушли рано? Почему?

Она молчала и лишь снова прижала ладони к лицу.

— Да неужели вы не понимаете? — заорал на нее Смайли. — Все еще считаете, что ситуация под контролем? А Фрайтаг убьет вас, убьет ту девушку. Он будет убивать, убивать, убивать!

Она зарыдала, но ничего так и не сказала. Смайли присел рядом с ней на корточки, продолжая яростно кричать:

— Хотите, я сам расскажу вам, почему вы ушли рано? Поделюсь своей версией. Вы убежали столь поспешно, чтобы успеть к последней отправке почты из Уэйбриджа. Он не пришел, вы не смогли обменяться квитанциями из гардероба, а потому, в точности следуя инструкции, вы отправили ему свою квитанцию по почте, потому что у вас был адрес. Нигде не записанный, но запомненный, зазубренный наизусть. «Если возникнет кризис и я не смогу прийти, вот адрес, которым можно воспользоваться». Он вам так сказал? И добавил, что

об адресе никому нельзя рассказывать, что вам этот адрес необходимо запомнить, чтобы тут же забыть. Так ведь все обстояло на самом деле? Говорите!

Не глядя на него, Эльза поднялась, подошла к столу, нашла лист бумаги и карандаш. Слезы неудержимо струились у нее по щекам. Мучительно медленно выводила она каждую букву адреса; рука замирала, словно отказываясь писать.

Когда она закончила, Смайли сразу же взял листок, аккуратно сложил пополам и убрал в бумажник.

Теперь он приготовит для нее чашку чая.

У нее был вид ребенка, спасенного из океана после кораблекрушения. Она сидела на краю дивана, крепко держа чашку тонкими пальцами и плотно прижимая ее к груди, чтобы согреться. Тощие плечи подались вперед, ступни и лодыжки сдвинулись вместе. При взгляде на нее у Смайли возникло странное чувство, что он сломал нечто, к чему вообще не следовало прикасаться — настолько это было хрупко. Он ощущал себя омерзительно грубым солдафоном, и чашка чая представлялась до нелепости неадекватной компенсацией его неуклюжей жестокости.

Он не знал, что сказать. Прошло какое-то время, и первой заговорила Эльза:

— А вы ему понравились. Действительно понравились... Он назвал вас очень умным маленьким человеком. Сэмюэл редко называл кого-то умным.

Она медленно покачала головой. Вероятно, воспоминание о реакции мужа даже заставило ее грустно улыбнуться.

— Он любил повторять, что в мире борются две силы — положительная и отрицательная. «И как же мне поступить? — часто спрашивал он меня. — Позволить им уничтожить весь урожай только потому, что мне лично выделяют мою буханку хлеба? Творчество, прогресс, невиданная мощь — все будущее человечества уже стоит у порога. Так что же, мне не позволить им войти?» А я отвечала: «Но, Сэмюэл, быть может, люди будут счастливее без всего этого?» Но в слово «люди» мы, как видно, вкладывали не один и тот же смысл.

И я не в силах была остановить его. Знаете, что мне казалось самым странным в Феннانه? При всех своих сомнениях, при всех попытках в бесконечных разговорах развеять их, он уже давно и

прочно решил, что именно будет делать. А все остальное считал пустой лирикой. Его ум казался мне разбалансированным, и я говорила ему об этом...

— И тем не менее помогали, — заметил Смайли.

— Да, помогала. Он нуждался в помощи, и я ему ее оказывала. В нем была вся моя жизнь.

— Это я могу понять.

— Но тут коренилась моя ошибка. Понимаете, он был маленьким мальчиком. Даже рассеянным по-мальчишески. И очень тщеславным. Он решился делать это, но делал из рук вон плохо. Еще и потому, что относился ко всему не так, как вы или я. Вы бы назвали это по-другому. А для него это стало просто работой, и ничем другим.

Все началось так обыденно. Однажды вечером он принес домой текст телеграммы и показал мне его. Сказал только: «По-моему, Дитеру необходимо с этим ознакомиться». И больше ничего. Я сначала не могла поверить... В то, что он — шпион. А ведь он и был им, если называть вещи своими именами. Но постепенно до меня дошло. Они начали давать ему особые поручения. В папке для нот, которую я получала у Фрайтага, теперь часто лежали прямые приказы и иногда деньги. Я сказала ему: «Посмотри на то, что они тебе присылают. Разве ты нуждаешься?» И мы действительно не знали, что делать с деньгами. В результате мы их попросту раздали, вот и все. Зимой, когда я рассказала об этом Дитеру, он очень рассердился.

— О какой зиме идет речь? — спросил Смайли.

— О второй зимней встрече с Дитером. В пятьдесят шестом году в Мюррене. А впервые мы с ним столкнулись в январе пятьдесят пятого года. Тогда все и началось. И знаете, что интересно? События в Венгрии 1956 года не оказали на Сэмюэла никакого воздействия. Оставили совершенно равнодушным. Дитер очень тревожился по этому поводу. Я знаю. Мне об этом рассказал Фрайтаг. И когда Феннан вручил мне в ноябре новые документы для доставки в Уэйбридж, я действительно рассердилась не на шутку. «Разве ты не видишь, что все кончается одинаково? — кричала я на него. — Те же пушки, те же дети, погибающие на улицах? Только мечта изменилась, а цвет пролитой крови не меняется никогда. Ты этого добивался? — спрашивала я его. — А если бы такое произошло в Германии, тебе тоже было бы наплевать? Если бы стреляли в меня, ты бы и с этим

смирился?» Но он лишь сказал: «Нет, здесь все иначе». И я продолжала носить папки с нотами. Вам это понятно?

— Даже не знаю. Нужно подумать. Но, вероятно, могу понять.

— Он был для меня в этой жизни всем. Он, наверное, и составлял смысл моего существования. А потому можно сказать, что я и себя тоже защищала. Постепенно втянулась в их дела, и останавливаться оказалось слишком поздно... Иногда, — добавила он почти шепотом, — я даже радовалась за нас, когда казалось, что весь мир аплодировал бы тому, чем мы с Сэмюэлом занимались. Подъем Западной Германии мы никак не могли приветствовать. Вернулись многие из прежних имен, которые наводили на нас ужас в детстве. Вернулся этот страшный тупой шовинизм. Было видно даже по газетным снимкам, как им хочется вышагивать строем под звуки старых маршей. Феннан разделял мои чувства, хотя, слава Богу, ему не довелось пережить того же, что и мне.

Нас поместили в лагерь на окраине Дрездена, где мы тогда жили. Моего отца разбил паралич. Больше всего он страдал от невозможности достать табак, и я делала ему самокрутки из любой ветоши, какую только могла найти, — как заменитель сигарет. Однажды охранник заметил, как он «курит», и поднял его на смех. Потом подошли другие и тоже принялись веселиться. Дело в том, что папа держал самодельную сигарету в парализованной руке и у него уже горели пальцы. А он ничего не чувствовал...

Так вот, когда они снова стали вооружать немцев, дали денег, обмундировали солдат... В те времена — пусть они продлились недолго — меня радовало то, что мы делали вместе с Сэмюэлом. Мы ведь, как вы знаете, евреи, а потому...

— Да, я все понимаю, — сказал Смайли. — Я ведь тоже был свидетелем, пусть многого и не видел.

— Да, Дитер говорил об этом.

— Дитер говорил вам об этом?

— Нет. Фрайтагу. Как и мой муж, он тоже сказал, что вы очень умный человек. По словам Фрайтага, однажды, еще перед войной, вы сумели обмануть Дитера, который узнал об этом лишь много лет спустя. Он считает вас лучшим в своей профессии.

— Когда же Фрайтаг рассказал вам все это?

Она долго смотрела на него. Смайли еще не доводилось видеть столь скорбного выражения лица, полного безнадежности и отчаяния. Ему вспомнились слова, сказанные ею раньше: «У меня слезы кончились уже давно, мистер Смайли — я пуста. Мне пришлось оплакивать слишком многих». Он понимал ее настроение лучше, чем тогда, и вновь уловил его отголоски во фразе, которую и ожидал услышать:

— А разве вы еще не догадались? В тот вечер, когда он убил Сэмюэла. В том-то и заключалась самая невероятная ирония судьбы, мистер Смайли, что в тот самый момент, когда у Сэмюэла появилась возможность дать им действительно много — не какие-то обрывки информации и не время от времени, а чуть ли не каждый день, — когда им оставалось лишь заготовить побольше папок для нот, именно в этот момент их собственный страх все разрушил, лишил разума, превратил в животных, заставил уничтожить то, что они создали.

Сэмюэл постоянно повторял: «Они победят, потому что знают, а остальные погибнут, потому что этим знанием не обладают. Люди, которые работают ради осуществления своей мечты, не остановятся на полпути». Это его слова. Но мне-то было виднее. Я предчувствовала, что их мечта нас уничтожит. Идеи губят людей. Даже вера в Христа, мечта о Его вечном царствии.

— Это Дитер видел меня в парке с Феннаном?

— Да.

— И подумал, что...

— ...что Феннан предал его, и приказал Фрайтагу убить Сэмюэла.

— А анонимное письмо?

— Ничего о нем не знаю. Понятия не имею, кто его написал. Но мне кажется, этот человек хорошо знал Сэмюэла. Быть может, работал с ним вместе, имел возможность наблюдать за ним и обо всем догадался. Или они познакомились еще в Оксфорде, оба были членами компартии. Для меня это загадка. И Сэмюэл тоже предположить не мог, кто это был.

— Но предсмертное письмо...

Эльза посмотрела на него, и ее лицо сморщилось, словно от боли. Она готова была зарыдать и потому низко склонила голову.

— Его написала я. Фрайтаг принес бумагу, и я напечатала текст. А подпись на листке уже стояла. Подпись Сэмюэла.

Смайли подошел, сел рядом на диване и взял ее за руку. Но она резко повернулась к нему и с нежданной злобой почти выкрикнула:

— Уберите от меня руки! Неужели вы решили, что я теперь вся ваша только потому, что больше не принадлежу им? Убирайтесь! Отправляйтесь убивать Фрайтага и Дитера. Игра должна продолжаться, не так ли, мистер Смайли? Но только не думайте, что я теперь на вашей стороне, слышите? Потому что я — Вечная Жидовка, всегда на ничейной земле и под огнем с двух сторон там, где вы играете в солдатики. Вы можете бить меня, топтать ногами, но никогда, слышите, никогда не прикасайтесь ко мне и не говорите, что сожалеете. Понятно? А теперь уходите! Идите и продолжайте убивать!

Она сидела, вся дрожа, словно от холода. Дойдя до двери, он обернулся. В глазах у нее не было слез.

В машине его ждал Мендель.

Глава 13

Странные поступки Сэмюэла Феннана

В Митчам они приехали к обеду. Там их подкарауливал Питер Гиллам, сидевший в машине.

— Ну, ребяташки, какие у нас новости?

Смайли достал из бумажника листок бумаги и отдал ему.

— Был еще и телефонный номер на случай чрезвычайных обстоятельств — «Примроуз девяносто семь сорок семь». Проверь и его, и адрес, но я не связываю с этим особых надежд.

Питер вышел в прихожую и сел на телефон. Мендель принялся хлопотать в кухне и через десять минут вернулся в гостиную и принес на подносе пиво, хлеб и сыр. Гиллам присоединился к ним и уселся, ни слова не говоря. Вид у него был обеспокоенный. После затянувшейся паузы он спросил:

— Так что же она тебе рассказала, Джордж?

Когда Смайли подошел к концу отчета о своей утренней беседе, Мендель принялся убирать со стола.

— Понятно, — протянул Гиллам. — Все это очень тревожно. Что ж, пора ставить точку, Джордж. Мне придется изложить это дело на бумаге в виде рапорта и сразу же отправиться с ним к Мاستону. Охота за мертвыми шпионами — дело неблагодарное и может обернуться самыми печальными последствиями.

— Какой доступ он имел к документам МИДа? — спросил Смайли.

— В последнее время самый обширный. Потому и было решено провести с ним беседу, как тебе, несомненно, известно.

— Но все же в основном к какого рода материалам?

— Этого я пока точно не знаю. Он работал на азиатском направлении, но несколько месяцев назад получил повышение, и характер его деятельности изменился.

— Он стал заниматься американцами, если мне не изменяет память, — сказал Смайли. — Но есть один важный вопрос, Питер.

— Какой?

— Ты задумывался, зачем им срочно понадобилось убивать Феннана? Даже если допустить, что, как они полагали, он их действительно предал, зачем его устранять? От этого же ничего не менялось. Его смерть ничего им не давала.

— Верно, скорее всего ты прав. Здесь есть над чем поразмыслить... Или же объяснение лежит на поверхности. Вообрази, что их предал бы агент уровня Маклина или Фукса. Что произошло бы в таком случае? Предположим, они опасались возникновения цепной реакции — не только здесь, но и в Америке, а быть может, и по всему миру. Могли они пойти на убийство, чтобы предотвратить ее? К сожалению, многого мы так никогда и не узнаем.

— Как, например, о звонке в половине девятого утра? — спросил Смайли.

— Вот именно. А теперь — до встречи. Побудьте здесь, пока я не позвоню. Мэстон должен непременно пожелать встретиться с тобой. Представляю, как они забегают по коридорам, когда я сообщу им радостные новости. Мне придется нацепить особую улыбочку, которую я приберегаю на случай кризисных ситуаций.

Мендель проводил Питера и вернулся в гостиную.

— Лучшее, что ты сейчас можешь сделать, — это улечься отдохнуть, — сказал он Смайли. — Ты выглядишь так, словно вот-вот собираешься рассыпаться на части. Поверь, я не преувеличиваю.

«Мундт либо еще в стране, либо уже нет, — думал Смайли, лежа на кровати, не сняв жилетки и заложив руки за голову. — Если он сбежал, то делу конец. Мэстон будет решать, как поступить с Эльзой Феннан, и, зная его, можно предсказать — он решит вообще ничего не делать».

Если Мундт остался в Англии, то по одной из трех причин:

а) потому что Дитер приказал ему затаиться и ждать, пока пыль осядет;

б) потому что он сейчас не в фаворе и боится возвращаться сам;

в) потому что у него остались незавершенные дела.

Первый вариант почти исключен. Излишний риск — не в характере Дитера, и вообще это было бы странно.

Вероятность второго варианта тоже ничтожна; если Мундт теперь боится Дитера, то у него не меньше оснований опасаться быть

схваченным и осужденным за убийства; в таком случае разумнее всего было бы бежать в какую-то другую страну.

Третий вариант представляется наиболее очевидным объяснением. На месте Дитера меня бы очень волновала Эльза Феннан. Девушка из театра — эта Пиджен — сама по себе ничего не значит. Она сможет представлять опасность, только если Эльза даст показания и прояснит картину. Пиджен не была участницей преступного сговора, и ее описание внешности приятеля Эльзы ни один суд не сочтет достоверным. Нет, для них только Эльза — реальная угроза».

Была, конечно, и еще одна возможность, которую Смайли не имел права полностью сбрасывать со счетов. Дитер мог курировать через Мундта еще и других агентов. Сам Смайли в это верил с трудом, но догадывался, что эта мысль пришла в голову и Питеру Гилламу.

Нет... Его теориям по-прежнему не хватало стройности. Какой-то хаос. И он решил начать размышления заново.

«Что нам известно?» Смайли сел, ища глазами карандаш и бумагу, отчего пульсирующая боль в голове сразу же возобновилась. Но он тем не менее встал с постели. Карандаш лежал во внутреннем кармане его пиджака. Блокнот он предусмотрительно упаковал в чемодан. Вернувшись затем к кровати, он взбил подушку поудобнее, принял сразу четыре таблетки аспирина из пузырька, стоявшего на столе, а потом уселся на кровать, опершись спиной о подушку и вытянув коротковатые ноги. И принялся писать. Начал с заголовка, выведя его ровным ученическим почерком и подчеркнув.

Что мы знаем?

Затем Смайли начал одно за другим перечислять происшедшие до сих пор события, стараясь оставаться объективным и беспристрастным.

В понедельник 2 января Дитер Фрей видел, как я в парке разговариваю с его агентом, и пришел к выводу... «Кстати, интересно, к какому именно выводу пришел Дитер? Что Феннан нам

во всем признался? Что собирается признаться? Или он вообще мой агент с самого начала?..» «И пришел к выводу, что Феннан представляет опасность по причинам, которые нам пока не известны. Следующим вечером, в первый вторник месяца, Эльза Феннан отнесла донесения своего мужа в папку для нот в репертуарный театр Уэйбриджа, где по заранее согласованной схеме оставила папку в гардеробе, получив на нее квитанцию. Мундт должен был прийти со своей папкой и проделать ту же операцию. Во время спектакля Эльза и Мундт обменялись бы квитанциями. Но Мундт не пришел. И тогда, следуя процедуре для чрезвычайных обстоятельств, она отправила свою квитанцию на известный ей адрес, покинув театр раньше, чтобы успеть к последней отправке корреспонденции из почтового отделения Уэйбриджа. Затем она поехала домой, где и застала Мундта, уже убившего ее мужа, вероятно, по приказу Дитера. Он застрелил его в упор, как только они встретились в прихожей. Зная Дитера, я подозреваю, что предосторожности ради он давно держал при себе несколько чистых листов бумаги с подписью Феннана — подлинной или тщательно сфабрикованной — на случай, если возникнет необходимость скомпрометировать или шантажировать его. А если так, то Мундт предусмотрительно захватил с собой один из таких листов, чтобы напечатать предсмертное письмо Феннана на его же пишущей машинке. Во время отвратительной сцены, которая должна была последовать вслед за появлением Эльзы дома, Мундт понял, что Дитер неверно истолковал причины встречи Феннана со Смайли, но уговорил Эльзу во имя сохранения репутации покойного мужа не раскрывать их тайны, как и ее собственной вовлеченности в дело. После этого Мундт мог уже чувствовать себя относительно спокойно. Он уговорил Эльзу напечатать письмо, поскольку его собственный английский далек от совершенства. (N.B.: Кто же, черт возьми, написал первое письмо, пресловутую анонимку с обвинениями?)

Затем Мундт наверняка захотел получить папку с нотами, которую не смог забрать сам, и Эльза сообщила ему, что, строго следуя полученным инструкциям, отправила квитанцию из гардероба по адресу в Хэмпстеде, оставив папку в театре. Примечательна реакция Мундта. Он заставил ее позвонить в театр и сделать так,

чтобы он смог забрать папку тем же вечером по пути в Лондон. Для этого могли быть две причины. Либо адрес, по которому почтой ушла квитанция, был уже недоступен. Либо Мундт собирался вернуться туда только утром, не имея возможности немедленно получить квитанцию и соответственно папку.

Смайли приезжает в Уоллистон рано утром в среду 4 января и во время первой беседы случайно отзывается на звонок в 8.30 с телефонной станции, заказанный (вне всякого сомнения) Феннаном в 19.55 накануне вечером. С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ?

Позже тем же утром С. возвращается к Эльзе Феннан, чтобы узнать о звонке в 8.30, который, как она догадалась (и это ее собственные слова), неизбежно «заинтересует вас» (здесь, несомненно, сыграл свою роль лестный отзыв Мундта о моих способностях). Наговорив С. кучу глупейшей лжи о своей якобы плохой памяти, она в панике звонит Мундту.

Вооруженный либо описанием внешности, либо фотографией С., Мундт решает ликвидировать его (по приказу Дитера?), и вечером того же дня это ему почти удается. (N.B.: Мундт возвращает машину в гараж Скарра только поздно вечером 4 января. Но это не значит, что он не планировал покинуть страну ранее. Хотя в таком случае ему куда сподручнее было бы оставить машину Скарру уже днем и отправиться в аэропорт автобусом.)

Таким образом, представляется возможным, что Мундт изменил свои планы после звонка Эльзы. Остается неясным, изменил ли он их из-за ее звонка.

Могла ли Эльза нагнать на него такого страха, что он решил ради собственной безопасности задержаться и ликвидировать Адама Скарра? — задавался вопросом Смайли.

В холле зазвонил телефон...

— Джордж? Это Питер. Ни адрес, ни телефон ничего нам не дают. Там мы уперлись в тупик.

— Что ты имеешь в виду?

— И телефон, и адрес привели в одно и то же место — меблированную квартиру в Хайгейт-Виллидж.

— Ну и?..

— Квартира была арендована пилотом авиакомпании «Люфтойроп». Еще пятого января он заплатил за два месяца вперед и с тех пор больше не появлялся.

— Проклятие!

— Зато квартирная хозяйка очень хорошо запомнила Мундта. Друга того пилота. Для немца, говорит, очень приятный и обходительный молодой человек. Часто спал там на софе в гостиной.

— Бог ты мой!

— Я обыскал это жилье. Перевернул сверху донизу. В углу гостиной стоит письменный стол. Все его ящики пусты, за исключением того, где обнаружилась квитанция из театрального гардероба. И откуда она только могла там взяться, правда? Смешно... Но если хотите по-настоящему поохотаться, приезжайте на Кембридж-серкус. Вот где наконец все засуетились по-настоящему. Вплоть до небожителей с самой вершины Олимпа. Да, и еще...

— Есть что-то еще?

— Да. Я прочесал бывшую квартиру Дитера. Там тоже кисло. Пропал четвертого января, не предупредив молочника, что больше не нуждается в его услугах.

— А почту проверил?

— Он никогда ничего не получал, кроме счетов. Проверил я и личное гнездышко товарища Мундта: пара комнат над конторой сталелитейного представительства. Но оттуда вывезли все до последней тумбочки. Уж извините.

— Понятно.

— Но могу рассказать тебе, Джордж, что мне показалось самым странным. Помнишь, мы решили просмотреть личные вещи Феннана — бумажник, записную книжку и тому подобное? Все, что забрала полиция.

— Конечно, помню.

— Так вот, я их разыскал. В разделе адресов его ежедневника имя Дитера значится черным по белому вместе с телефоном представительства. Чертовски неосторожно или нагло, воспринимай как хочешь.

— Это не просто неосторожно. Чистое безумие с его стороны. Невероятно!

— А на страничке за четвертое января записано: «Смайли С. А. Позвонить в восемь тридцать». На предыдущей странице напоминание: «Запросить звонок на утро в среду». Вот тебе и твой загадочный звонок.

— Все равно здесь не все ясно.

Пауза.

— Джордж, я отправил Феликса Тавернера в министерство, чтобы он провел там необходимую работу. С одной стороны, там все хуже, чем мы опасались, но зато намного лучше — с другой.

— То есть?

— Тавернер добыл регистрационные книги за последние два года. И выписал все дела, которые попадали в распоряжение Феннана. Если досье запрашивал он сам, там еще сохранились подписанные им формы.

— Я весь внимание.

— Феликс заметил, что три или четыре папки с делами обычно выдавались Феннану в пятницу после обеда, а возвращались обратно только в понедельник утром. Похоже, на выходные он брал материалы домой.

— О Боже!

— Да, но вот ведь что действительно странно, Джордж. За последние шесть месяцев — то есть фактически со времени своего повышения и перевода в другой отдел — он уносил домой в основном дела без грифа «секретно», которые едва ли для кого-то могли представлять интерес.

— Но ведь именно в последние месяцы он получил доступ к действительно секретной информации, — сказал Смайли. — И мог выносить из министерства практически все, что угодно.

— Знаю, но он этого не делал. Если взглянуть пристальнее, то может даже показаться, что он так поступал намеренно. Домой он забирал совсем пустяковые досье, почти не связанные с его повседневной работой. Его бывшие коллеги ломают над этим головы и не могут понять. Он иногда брал с собой материалы, вообще не относившиеся к деятельности его отдела.

— И незасекреченные?

— В том-то и дело. Не представлявшие никакого интереса для любой иностранной разведки.

— А как было прежде, до его нового назначения? Что он увозил домой тогда?

— Вполне ожидаемые вещи — документы, необходимые ему для работы, меморандумы и прочее.

— Секретные?

— Одни были засекречены, другие — нет. Все подряд.

— Но ничего необычного? Чего-то, что выходило бы за пределы его компетенции?

— Абсолютно ничего. Можно сказать, у него под рукой были настоящие сокровища, но он словно не замечал их. Вот уж рассеянность так рассеянность!

— Еще какая! Если он открыто записал фамилию своего куратора в ежедневнике.

— И делай из этого какие угодно выводы, но на четвертое января он запросил свое начальство предоставить ему внеурочный выходной. На тот день, накануне которого погиб. Это было нечто действительно необычное. Он жить не мог без работы, как говорят все, кто его знал.

— И что предпринял Мاستон, получив эти сведения? — спросил Смайли после паузы.

— Сейчас он просматривает документы и задает мне глупейшие вопросы каждые две минуты. У меня такое чувство, что он совершенно растерялся, оказавшись в мире реальных фактов.

— О, не волнуйся за него, Питер. Этот все утрамбует до уровня своего понимания.

— Он уже пытается утверждать, что все дело Феннана построено на показаниях женщины, страдающей нервным расстройством.

— Спасибо за звонок, Питер.

— До скорого, старина. И будь осторожен.

Смайли положил трубку, гадая, куда запропастился Мендель. На столике в холле лежала вечерняя газета. В глаза бросился заголовок: «Новый погром. Еврейская общественность протестует». В репортаже речь шла об убийстве еврейского торговца в Дюссельдорфе. Он открыл дверь гостиной, но Менделя там не оказалось. И только взглянув в окно, он увидел его: Мендель в рабочей шляпе яростно корчевал киркой пни. Смайли некоторое время наблюдал за ним, а потом отправился в спальню отдохнуть. Однако стоило ему добраться до верха лестницы, как внизу опять зазвонил телефон.

— Прости, что снова приходится беспокоить тебя, Джордж, но речь идет о Мундте.

— Что с ним такое?

— Улетел вчера вечером в Берлин рейсом компании «Би-и-эй». Воспользовался паспортом на другое имя, но стюардессы легко опознали его. Боюсь, мы его упустили. Жаль.

Смайли лишь на секунду положил трубку, а потом набрал номер «Уоллистон 2944». Долго раздавались гудки, прежде чем он услышал голос Эльзы Феннан:

— Алло!.. Алло!.. Слушаю вас.

Он плавно дал отбой. Она была жива.

Почему же, черт возьми, именно сейчас? Почему Мундт сбежал домой сейчас, через пять недель после убийства Феннана, через три после смерти Скарра, и почему он устранил такую несущественную угрозу, как Скарр, но оставил в живых Эльзу Феннан — издерганную, озлобленную, готовую в любой момент сорваться, пренебречь собственными интересами и выложить все властям? Какое воздействие оказала на эту женщину та жуткая ночь? Как мог Дитер продолжать доверять Эльзе, которую с ним больше практически ничто не связывало? Теперь, когда уже даже доброе имя ее мужа невозможно стало защитить, она в любой момент могла поддаться импульсивному желанию отомстить и явиться с повинной. Ясно, что между «самоубийством» Феннана и гибелью его жены должно было пройти какое-то время. Но какая же новая информация, какая угроза заставила Мундта бежать из страны вчера вечером? Безжалостный и продуманный план уничтожения свидетелей и сохранения в тайне предательства Феннана остался незавершенным. Так что же произошло вчера, о чем стало известно Мундту? Или время его бегства выбрано случайно и не имеет отношения к делу? Смайли отказывался в это верить. Если Мундт не побоялся задержаться в Англии после двух убийств и покушения на Смайли, то сделал он это не по своей воле и должен был дожждаться какого-то события или просто возможности свободно сбежать. Он не задержался бы здесь ни на день дольше, чем был вынужден. И тем не менее что он делал после убийства Скарра? Прятался в потайной комнате, полностью изолированный от внешнего мира? Так почему же улетел на родину так внезапно?

А Феннан? Что это за шпион, который снабжает своих хозяев бессмысленными данными, имея доступ к подлинным жемчужинам секретной информации? Быть может, он передумал? Потерял мотивацию? Тогда почему ничего не сказал жене, для которой его предательство было источником бесконечных терзаний? Она была бы несказанно рада такой перемене. Впрочем, создавалось впечатление, что Феннан и прежде не отбирал особо секретных материалов, а приносил домой все подряд, что лежало в данный момент на его рабочем столе. Хотя смена приоритетов, ослабление мотивации легко объясняли попытку назначить свидание Смайли, как и подозрения Дитера, что Феннан переметнулся. И кто же все-таки написал злополучное анонимное письмо?

Пока концы с концами не сходились. Все казалось лишенным смысла. Начиная с личности самого Феннана — умницы, краснбая, обаятельного человека, которому обман дался так легко и профессионально, что он сумел внушить Смайли подлинную симпатию. Тогда как же мог столь искушенный агент совершить детскую ошибку, записав данные Дитера в свой ежедневник? И продемонстрировал полнейшую неопытность в отборе материалов для иностранной разведки?

Смайли поднялся вверх, чтобы упаковать те немногие личные вещи, которые Мендель привез ему с Байуотер-стрит. Все было кончено.

Глава 14

Дрезденская группа

Смайли остановился на верхней ступени перед дверью и поставил чемодан рядом с собой, выуживая из кармана ключ от американского замка. Открыв дверь, он вспомнил, как на пороге выросла фигура Мундта, смотревшего на него бледно-голубыми глазами, хладнокровными и оценивающими. Было странно думать, что Мундт — ученик Дитера. Мундт действовал с прямолинейностью тренированного наемника — умелый, целеустремленный, но узколобый. В его тактике не присутствовало ничего своего: во всем он оставался лишь жалкой тенью своего наставника. Создавалось впечатление, что все блестящие трюки и приемы Дитера включили в некий учебник, который Мундт не поленился выучить наизусть, но от себя добавил лишь грубой соли жестокости.

Смайли намеренно не оставил адреса для пересылки почты, и корреспонденция грудой валялась на коврике у двери. Он собрал ее, положил на столик в прихожей, а потом начал по очереди заглядывать в комнаты с необъяснимым чувством удивления и растерянности. Собственный дом казался чужим: холодным и сырым. Переходя из комнаты в комнату, он впервые начал ощущать, насколько пустой стала его жизнь.

Поискал спички, чтобы разжечь газовый камин, но так и не нашел. Потом сел в кресло в гостиной и стал взглядом пробегать по книжным полкам, где стояли сувениры, привезенные из многочисленных поездок. Когда Энн его бросила, первым порывом Смайли было как можно скорее избавиться от всех следов ее пребывания. Даже ее книги отправились на свалку. Но с течением времени он стал чуть терпимее и позволил некоторым вещам, связывавшим их жизни, остаться на своих местах: в основном это были свадебные подарки от друзей, которые слишком много для него значили, чтобы так просто от них отделаться. Среди них уцелели набросок Ватто, презентованный Питером Гилламом, и группа из трех статуэток дрезденского фарфора от Стида-Эспри.

Он поднялся и подошел к угловому буфету, где стояли статуэтки. Ему всегда нравилась изящная красота этих фигурок в стиле рококо: маленькая куртизанка в костюме пастушки, которая вроде бы протягивала руки в сторону одного влюбленного в нее мужчины, но ее миниатюрное личико было повернуто так, что одновременно одаривало взглядом второго. Причем, глядя на это хрупкое совершенство, он неизменно чувствовал собственную непривлекательность, как это происходило в начале его ухаживаний за Энн, закончившихся свадьбой, так поразившей светское общество. Хотя возникало и другое чувство, дарившее ему порой утешение и понимание, что требовать верности от Энн так же бесполезно, как и от этой ветреной пастушки под стеклянным колпаком. Сид-Эспри купил эту группу в Дрездене еще до войны. Сам он считал ее одной из лучших вещей в своей коллекции фарфора, но все же преподнес им в подарок. Вероятно, старый мудрец предвидел, что в один прекрасный день Смайли понадобится философия именно того толка, которую можно было почерпнуть из созерцания фигурок.

Дрезден — любимый немецкий город Смайли. Ему нравились архитектура, прихотливое смешение Средневековья и классицизма. Он чем-то напоминал Оксфорд — вероятно, своими куполами, башнями и шпилями, чуть позеленевшими медными кровлями, блестящими под горячими лучами солнца. Название города означало «поселение лесных жителей», и именно здесь король Богемии Венцеслав собирал менестрелей и поэтов, щедро одаривая их деньгами и привилегиями. Смайли вспомнил свою последнюю поездку туда, когда он навещал университетского коллегу, профессора философии, с которым познакомился в Англии. Именно в тот приезд он случайно заметил Дитера Фрея, ковылявшего по тюремному двору. Он живо помнил его и сейчас: высокого, озлобленного, чудовищно неузнаваемого с обритой головой, — Дитер даже в тот момент казался слишком крупной фигурой, чтобы быть узником небольшой тюрьмы. А еще он вспомнил, что в Дрездене родилась Эльза Феннан. Он просматривал досье на нее, хранившееся в МИДе: Эльза, в девичестве Фрейманн, родилась в Дрездене в 1917 году, родители — граждане Германии; образование получила тоже в Дрездене; находилась в заключении с 1938 по 1945 год. Он пытался представить ее в семейном кругу ортодоксальных евреев, вынужденных жить во враждебной среде и

выносить нападки. «Я мечтала о длинных золотистых локонах, но меня обрили наголо». И только сейчас с тошнотворной ясностью он понял, почему она красила волосы. Она ведь могла стать похожей на эту пастушку — хорошенькой и полногрудой. Но голод изуродовал ее тело, сделав его навечно кривым и тощим, как скелет маленькой птички.

Он мог вообразить себе ее в ту ночь, когда она стояла над телом только что убитого мужа; почти слышал, как сквозь сухие рыдания она объясняет, почему Феннан встречался в парке со Смайли; и Мундта, нисколько не пристыженного и не смущенного, а лишь пытавшегося вновь заставить ее пойти против собственной воли, продолжить участие в заговоре, в ужасных преступлениях. И преуспевшего, принудившего ее позвонить в театр и даже написать то предсмертное письмо-фальшивку, а потом бросившего наедине с новой мучительной болью накануне расследования, которое не могло не последовать. Во-первых, это представлялось Смайли чем-то совершенно бесчеловечным, а во-вторых, его не покидала мысль, как сильно рисковал Мундт, поступая подобным образом.

Впрочем, она, конечно же, показала себя в прошлом весьма надежным союзником, хладнокровным и, по иронии судьбы, более искусственным в технике шпионажа, чем сам Феннан. И, Бог свидетель, для женщины, прошедшей ночью через такие испытания, она отменно сыграла свою роль при их первой встрече следующим утром.

Вот так, стоя и глядя на красавицу пастушку, навсегда застывшую между двумя воздыхателями, Смайли вдруг совершенно неожиданно понял, что у дела Феннана существует совершенно иная разгадка, при которой складывались воедино все обстоятельства и детали, объяснялись все столь очевидные противоречия в характере и поведении Феннана. Причем это понимание пришло поначалу в виде чистейшего логического заключения, за которым пока не стояли живые люди. Смайли просто двигал личностями, как картонными фрагментами мозаики, поворачивая их то так, то эдак, чтобы они вписывались в уже обрисовавшийся каркас из известных фактов, пока в какой-то момент все не сложилось в четкую картину и в ту же секунду перестало быть всего лишь игрой ума.

У Смайли участилось сердцебиение, когда он со все возрастающим изумлением пересказывал себе заново эту историю,

реконструируя отдельные сцены и события в свете только что сделанного открытия. Теперь он знал, почему Мундт в тот день покинул Англию, почему Феннан отбирал так мало ценных материалов для Дитера, заказал звонок на 8.30 утра и почему его жена не пала жертвой Мундта, систематически и беспощадно уничтожавшего свидетелей. Он понял наконец, кто был автором анонимного письма. Увидел, какого дурака свалял сам, поддавшись эмоциям и направив не в ту сторону силу своего интеллекта.

Он подошел к телефону и набрал номер Менделя. Поговорив с ним, позвонил Питеру Гилламу. Затем надел пальто, шляпу и направился к расположенной за углом Слоун-сквер. В газетном киоске рядом с универсамом «Питер Джонс» он купил открытку с изображением Вестминстерского аббатства. Спустившись в метро, поехал на север и вышел в районе Хайгейта. В расположенном там почтамте купил марку и написал на открытке адрес Эльзы Феннан несколько неуклюжими печатными буквами, какие более характерны для жителей континентальной Европы. На пространстве, отведенном для текста, угловатым почерком вывел: «Жаль, что тебя здесь нет». Опустив открытку в ящик, отметил для себя время отправления. Потом вернулся на Слоун-сквер. Это было пока все, что он мог сделать.

В ту ночь он спал крепко, поднялся рано утром — была суббота — и отправился в соседний магазин за круассанами и кофе в зернах. Сварив себе побольше кофе, взял свежий номер «Таймс» и уселся на кухне завтракать. Ощущал он себя на удивление спокойно и, когда зазвонил телефон, сначала аккуратно сложил газету и только потом поднялся вверх, чтобы снять трубку.

— Джордж? Это Питер! — Голос звучал возбужденно, с нотками триумфа. — Джордж, она клюнула. Клянусь, она взяла наживку!

— Как это было?

— Почту доставили в восемь тридцать пять. А в девять тридцать она уже вышла из дома, причем явно торопилась. На станции села в поезд, отправлявшийся в девять пятьдесят две на вокзал Виктория. Я посадил Менделя в ее поезд, а сам помчался вслед на машине, но только к их прибытию в Лондон немного опоздал.

— Как ты сможешь теперь снова связаться с Менделем?

— Я дал ему телефон отеля «Гроувенор», где сейчас и нахожусь. Он позвонит мне при первой же возможности, и тогда я присоединюсь к нему, где бы он ни находился.

— Питер, я надеюсь, вы действуете максимально осторожно.

— Осторожнее некуда, старина. Мне кажется, она потеряла голову от страха. Мчится, как гончая.

Смайли дал отбой. Снова взялся за «Таймс», открыв на этот раз театральную страницу. Он должен быть прав... Должен...

После завтрака утро тянулось мучительно медленно. Он подолгу стоял у окна, сунув руки в карманы и наблюдая сначала, как длинноногие девушки из Кенсингтона отправлялись на прогулку в сопровождении симпатичных молодых людей в модных голубых пуловерах, а потом, как соседи, прилежно вымыв машины перед домами, сбились в группу, чтобы обсудить все те же автомобили, и наконец дружной толпой двинулись к ближайшему пабу пропустить по первой пинте пива в эти выходные.

Когда ожидание уже грозило перерасти в пытку, в дверь позвонили. В прихожую ввалились Мендель и Гиллам, улыбающиеся, довольные собой и зверски голодные.

— Рыбка на крючке. Осталось подсечь и подставить сачок, — заявил Гиллам. — Но пусть Мендель рассказывает. Он проделал все основную работу. Я лишь немного помог.

Мендель изложил события точно и в хронологическом порядке, глядя в пол перед собой и слегка склонив голову.

— Она села в поезд девять пятьдесят две до Виктории. В вагоне я держался от нее на расстоянии и приблизился только после того, как она миновала контрольный барьер и вышла в город. Затем взяла такси до Хаммерсмита.

— Такси? — перебил Смайли. — Она, должно быть, действительно слегка не в себе.

— Так и есть. Для женщины у нее походка вообще достаточно быстрая, а по платформе на вокзале она вообще чуть ли не бежала. Вышла на Бродвее и направилась к театру «Шеридана». Подергала дверь кассы, но там было закрыто. Немного пометалась в растерянности, но увидела кафе в сотне ярдов ниже по улице. Заказала кофе, причем расплатилась сразу. Через сорок минут вернулась к

театру. Касса уже работала, и я шмыгнул вслед за ней, чтобы оказаться следующим в очереди. Она купила два билета на четверг в самом конце партера, ряд Т, места двадцать семь и двадцать восемь. Выйдя из театра, она вложила один билет в конверт, запечатала и бросила в почтовый ящик. Адреса я не разглядел, но марка была шестипенсовая, а это значит, что письмо отправилось за границу.

Смайли сидел совершенно неподвижно и слушал.

— Интересно... — сказал он. — Интересно, придет ли он.

— Я присоединился к Менделю у «Шеридана», — дополнил рассказ Гиллам. — Пока она сидела в кафе, Мендель успел позвонить мне. А уже потом последовал за ней в кассу.

— Я и сам был не прочь выпить кофейку, — продолжал Мендель. — Гиллам нашел меня в кафе. Я его там оставил, пока ходил в кассу. Все было сделано чисто, и волноваться нет причин. Она на нервах, это точно, но ни о чем не подозревает.

— Что она сделала после?

— Вернулась на вокзал Виктория, где мы ее и оставили. Какое-то время все молчали.

— Каковы будут наши дальнейшие действия? — спросил Мендель после паузы.

Смайли по привычке сморгнул и серьезно посмотрел Менделю прямо в глаза.

— Купим билеты в «Шеридан» на четверг.

Они уехали, и Смайли снова остался один. Только теперь у него дошли руки разобрать почту, пришедшую за время его вынужденного отсутствия. Циркуляры, каталоги от «Блэкуэллса», счета и обычная груда скидочных талонов на мыло, купонов на замороженный зеленый горошек, бланки от футбольных букмекеров и несколько частных писем все еще лежали в прихожей. Он отнес все это в гостиную, устроился в кресле и начал с того, что стал вскрывать личные письма. Одно из них оказалось от Мастопа, и он прочитал его с чувством, близким к смущению.

Мой дорогой Джордж!

С огромным сожалением узнал я от Гиллама о Вашем несчастном случае и хотел бы прежде всего выразить надежду, что к

настоящему времени Вы уже полностью оправились.

Быть может, Вы помните, как в момент рабочей горячки написали на мое имя заявление об уходе как раз перед тем, как с Вами произошло несчастье, и считаю своим долгом проинформировать Вас, что, конечно же, не принял его всерьез. Порой, когда события развиваются слишком стремительно, люди, бывает, склонны терять ощущение перспективы. Но такие старые бойцы, как мы с Вами, Джордж, не так-то легко теряют головы, верно? Поэтому я с нетерпением жду Вашего возвращения в строй, как только Вы окончательно встанете на ноги, а до тех пор я и все мы продолжаем считать Вас нашим опытным и верным соратником.

Отложив листок в сторону, Смайли взялся за следующее письмо. Лишь в первое мгновение он не узнал почерк, всего лишь мгновение с недоумением смотрел на швейцарскую марку и конверт из бювара в дорогом отеле. Внезапно он почувствовал приступ легкой дурноты, перед глазами все поплыло, а пальцам словно не хватало сил, чтобы вскрыть письмо. Что ей еще понадобилось? Если деньги, он отдаст все, что у него есть. Это его сбережения, он волен распоряжаться ими по своему усмотрению, и если ему доставит удовольствие выбросить их на нужды Энн, то так он и поступит. Ничего больше он дать ей не мог — она давно все забрала сама. Украла его смелость, его любовь, его человеческое участие и увезла в шкатулке для драгоценностей, чтобы играть ими небрежно где-нибудь под жарким кубинским солнцем, трясти перед глазами нового возлюбленного, сравнивать с такими же безделушками, которые ей, возможно, успели с тех пор преподнести другие.

Джордж, милый!

Я хочу сделать тебе предложение, которое не принял бы ни один истинный джентльмен. Хочу вернуться к тебе.

До конца месяца я остановилась в отеле «Бор-о-лак» в Цюрихе. Дай мне знать о своем решении.

Энн

Смайли снова взял конверт и посмотрел на данные отправителя: мадам Хуан Альвида. Все правильно. Ни один джентльмен не принял

бы такого предложения. Никакая любовь не пережила бы дня отъезда Энн с этим сахаринным латиноамериканцем, улыбающимся, как надрезанный апельсин.

Смайли однажды видел сюжет в новостях о том, как Альвида выиграл какую-то гонку в Монте-Карло. И запомнил, что отвратительнее всего выглядели волосы у него на руках. В защитных очках, перепачканный моторным маслом, с нелепым лавровым венком на шее, он походил на человекообразную обезьяну, которая только что слезла с дерева. На нем была белая тенниска с короткими рукавами, каким-то чудом не испачканная во время гонки, и на фоне ее белизны эти его смуглые руки примата выглядели еще более отталкивающе.

Это было в стиле Энн. «Дай мне знать». Проверь, сможешь ли вернуть свою жизнь и начать жить снова. Я утомила своего любовника, мой любовник смертельно мне надоел, так позволь же снова ворваться в твой мир: в моем мне скучно. «Я хочу вернуться к тебе»... Я хочу, я хочу...

Смайли встал и с письмом в руке снова подошел к фарфоровой группе. Несколько минут он стоял, любясь маленькой пастушкой. Она была так красива!

Глава 15

Последний акт

В театре Шеридана давали «Эдуарда II» Кристофера Марло в трех актах при аншлаге. Гиллам и Мендель заняли соседние кресла лицом прямо к сцене в дальнем конце полукруга широкого U-образного партера. С их левого края были отчетливо видны задние ряды, которые трудно было бы разглядеть из любого другого места в зале. Свободное кресло отделяло Гиллама от группы студентов, в веселом возбуждении ожидавших начала спектакля.

Впереди простиралось море чуть покачивавшихся голов и мелькавших программ, которое порой то там, то здесь словно вспенивалось, когда пропускали к своим креслам припоздавших зрителей. Это напоминало Гилламу какой-то восточный танец, где неожиданный взмах руки или ноги оживлял совершенно неподвижное тело. По временам он бросал взгляды на задний ряд, но ни Эльза Феннан, ни ее гость пока не появились.

И лишь только когда почти отзвучала записанная на пленку увертюра и он снова бегло посмотрел на два крайних кресла последнего ряда, его сердце чуть подпрыгнуло в груди, потому что он увидел хрупкую фигуру Эльзы Феннан, сидевшей неподвижно и очень прямо. Она смотрела строго перед собой, как ребенок, который учится держать правильную осанку.

К театру непрерывным потоком подъезжали такси, из которых выходили знаменитые и не очень персоны, приехавшие на спектакль. Они в спешке давали водителям явно чрезмерные чаевые, а потом по пять минут стояли на тротуаре и рылись в поисках билетов. Такси, в котором приехал Смайли, миновало здание театра и высадило его у соседнего отеля «Кларендон», где он сразу же спустился вниз, к расположенным там бару и ресторану.

— Мне в любой момент могут позвонить, — предупредил он. — Моя фамилия Сэвидж. Вы ведь позовете меня к телефону, не правда ли?

Бармен сразу оповестил о его просьбе портье и службу размещения.

— А теперь плесните мне немного виски с содовой, пожалуйста, и, если желаете, налейте себе за мой счет.

— Спасибо, сэр, но я избегаю употреблять спиртное.

Открылся занавес, свет в зале погас, а сцена оказалась освещена скудно, и Гиллам, всматриваясь в конец партера, понял, что не видит ничего в наступившем вдруг мраке. Но постепенно его глаза привыкли, и в едва мерцавшем свете лампочек, отмечавших аварийные выходы, он снова стал различать силуэт Эльзы и по-прежнему пустое кресло рядом с ней.

Лишь невысокая перегородка отделяла последние ряды от тянувшегося вдоль них прохода, а позади располагались несколько дверей, которые вели в фойе, буфет и гардероб. На короткое мгновение одна из них открылась и, как по замыслу режиссера, косой луч света упал прямо на Эльзу Феннан, подсветив тонкие черты ее лица и углубив черные тени под глазами. Она чуть склонила голову, словно вслушиваясь во что-то у себя за спиной, чуть приподнялась в кресле, но, поняв ошибку, приняла прежнюю позу.

Гиллам почувствовал, как ладонь Менделя легла ему на руку, повернулся и увидел, что тот смотрит мимо него в проход между рядами. Проследив за его взглядом, он тоже заметил высокую фигуру, медленно идущую от сцены в сторону последних рядов. Даже в полумраке мужчина производил впечатление: рослый, прямой, с темной челкой, доходившей почти до бровей. Он заметно хромал, и именно с этого элегантного гиганта не сводил глаз Мендель. В нем было нечто притягивавшее внимание, выделявшее в толпе, привлекательное и отталкивающее одновременно. Сквозь стекла очков Гиллам тоже наблюдал за его неспешными движениями, поражаясь размеренной грации, которую мужчина ухитрялся придавать даже своей хромоте. Сразу становилось ясно, что это человек необычайный, одаренный, встреча с которым запоминается на всю жизнь, прибавляет опыта. В свое время для Гиллама такой мужчина мог стать портретом почти любого романтического героя: он стоял бы у мачты рядом с Конрадом, искал бы следы потерянной греческой цивилизации с Байроном, его описал бы в своих поэмах Гете.

По мере того как он шел, чуть заметно выбрасывая вперед здоровую ногу, от него исходил дух властности и месмеризма: Гиллам

заметил, как многие в зрительном зале, забыв о сцене, заворуженно провожали его взглядами.

Проскользнув мимо Менделя, Гиллам поспешил к одному из аварийных выходов у них за спинами. Пройдя вдоль длинного коридора и спустившись по лестнице, он оказался наконец в главном вестибюле. Окошко кассы закрылось, но за ним все еще сидела девушка, прилежно трудившаяся над какими-то подсчетами, пускавая в ход то карандаш, то ластик.

— Прошу прощения, — сказал Гиллам, — но мне нужно воспользоваться вашим телефоном. Это очень срочно. Вы не возражаете?

— Тсс! — шикнула она на него и покачала за стеклом карандашом, даже не подняв взгляда. У нее были мышинового оттенка волосы и нездоровый, с жирноватым блеском, цвет лица — результат работы поздними вечерами и пристрастия к картофельным чипсам. Гиллам немного выждал, гадая, сколько времени ей еще понадобится, прежде чем цифры в написанных паучьим почерком колонках сойдутся с суммой в банкнотах и монетах, лежавших в металлическом ящике рядом с ней.

— Послушайте, — сказал он затем уже с угрозой в голосе, — я — полицейский. В театре сейчас находятся преступники, которые собираются завладеть вашей выручкой. Так вы позволите мне позвонить или нет?

— О Господи, — отозвалась девушка усталым голосом и впервые посмотрела на него. В простеньких очках она казалась совсем дурнушкой. Слова Гиллама нисколько не испугали и даже не встревожили ее. — По мне, так пусть забирают все. Я от этих подсчетов уже готова на стенку лезть.

Отложив свои бумаги в сторону, она встала и открыла дверь расположенной рядом кабинки, куда Гиллам поспешил проникнуть.

— Могли бы придумать предлог и получше, — с усмешкой сказала девица. У нее был голос образованного человека. Вероятно, студентка подрабатывает себе на булавки, успел подумать Гиллам. Он вызвал отель «Кларендон» и попросил к аппарату мистера Сэвиджа. Смайли ответил почти немедленно.

— Он здесь, — сказал Гиллам. — И был в театре уже давно. Вероятно, купил еще один билет в первые ряды. А потом Мендель

заметил, как он направился в конец партера.

— Хромает?

— Да. Это не Мундт. Это Дитер собственной персоной.

Смайли замолчал, и через какое-то время Гиллам почувствовал необходимость спросить:

— Джордж, вы слушаете?

— Боюсь, что в таком случае придется все сворачивать, Питер. У нас нет ничего против Фрея. Отзовите людей. Мундт сюда сегодня не явится. Первый акт закончился?

— Нет, но антракт уже скоро.

— Я буду с вами через двадцать минут. Если они разделятся, следуйте за Эльзой по пятам. Мендель пусть следит за Дитером. В антракте перед третьим актом подежурь в фойе. Они могут уйти раньше окончания спектакля.

Гиллам дал отбой и повернулся к девушке.

— Спасибо, — сказал он и положил перед ней четыре пенса, но она с неожиданным проворством сгребла монеты и сунула ему в ладонь.

— Только этого мне еще не хватало. У меня и так будут неприятности.

Он вышел на улицу, переговорил с несколькими мужчинами в штатском, стоявшими у входа в театр, а потом вернулся в зал к Менделю как раз в тот момент, когда дали занавес после первого действия.

Эльза и Дитер сидели рядом, мило болтая, Дитер даже смеялся, а Эльза своей оживленностью при угловатых движениях напоминала марионетку, приведенную в действие кукловодом. Мендель с интересом наблюдал за ними. Она тоже рассмеялась в ответ на шутку Дитера, склонилась вперед и положила ладонь поверх его руки. Мендель отчетливо видел ее пальцы на фоне ткани рукава его смокинга, заметил, как он склонился к ее уху и прошептал что-то, заставив вновь расхохотаться. Но Менделю пришлось прервать наблюдения, потому что свет в зале стал меркнуть, разговоры стихли и зрители приготовились внимать второму акту.

Смайли вышел из «Кларендона» и неспешно направился по тротуару в сторону театра. Обдумывая все заново, он понимал теперь, что появление Дитера было логичным. Присылать на эту встречу Мундта было бы с их стороны чистейшим безумием. Теперь его уже больше интересовал другой вопрос. Сколько времени понадобится Эльзе или Дитеру, чтобы выяснить, что это не Дитер назначил ей свидание в театре, что не Дитер отправил открытку проверенным путем? Вот это, усмехнулся он мысленно, будет прелюбопытный момент. А всерьез рассчитывать он мог теперь только еще на одну серьезную беседу с Эльзой Феннан.

Через несколько минут он занял свободное кресло рядом с Гилламом. С тех пор, как он в последний раз видел Дитера, немало воды утекло.

Тот почти не изменился. Романтизм в его внешности поразительно дополнялся магией шарлатана; он сражался, чтобы поднять Германию из руин, но делал это по-своему, ни перед чем не останавливаясь, не разбирая средств, с почти сатанинским упрямством, с темной силой, подобной мощи богов Севера. Смайли многое скрыл от друзей тем вечером в клубе. Дитер был гигантом во всем, все у него приобретало небывалый размах — его мастерство, его опыт, его хитрость, его мечты. И годы не были властны над этим. Этот человек мыслил и действовал исходя из абсолютных категорий, не желая ни ждать, ни заключать сделки, ни идти на компромиссы.

Смайли немало вспомнил, сидя в темноте зрительного зала и глядя на Дитера сквозь массу чужих и неподвижных лиц. Вспомнил пережитые вместе опасности, безграничное доверие друг к другу, когда один держал в руках жизнь другого... Потом Смайли на секунду показалось, что и Дитер разглядел его в темном зале, вроде бы почувствовал на себе его взгляд.

Поэтому перед самым окончанием второго действия, когда занавес был готов опуститься, он быстро вышел в боковую дверь и затаился в углу коридора, пока не дали звонок к последнему акту. Вскоре к нему присоединился Мендель, а потом и Гиллам вернулся со своего наблюдательного поста в фойе.

— Возникла проблема, — доложил Мендель. — Они поссорились. Она выглядит испуганной. Что-то пытается ему объяснить, но он

только качает головой в ответ. Она на грани паники, как мне кажется, а Дитер выглядит обеспокоенным. Он принялся осматривать зал так, словно оценивает позицию и строит какие-то планы. И еще: он точно смотрел на то кресло, в котором сидел ты, Джордж.

— Он не позволит ей уйти одной, — сказал Смайли. — Дождется момента и попытается выйти наружу, слившись с толпой. Поэтому до конца спектакля они останутся на месте. Дитер предполагает, что окружен. Его шанс обмануть нас — это неожиданно бросить ее на выходе одну и скрыться другим путем.

— Как нам поступить? Почему мы не можем просто подойти и арестовать обоих?

— Нет, нам придется подождать, хотя я сам не знаю, чего именно. У нас нет никаких доказательств. Ни для обвинения в убийстве, ни даже в шпионаже, если только Мاستон не изменит своих взглядов. Но следует помнить: Дитеру об этом неизвестно. Если Эльза испугана, а Дитер озабочен, они обязаны что-то предпринять — это точно. Пока они думают, что у нас есть на них дело, не все шансы потеряны. Пусть попытаются бежать, запаникуют, устроят переполох... Что угодно. Но необходимо действие с их стороны...

В зале снова была почти полная темнота, и все же краем глаза Смайли мог разглядеть, как Дитер склонился к Эльзе и стал шептать, что-то ей настойчиво внушая, успокаивая.

Между тем спектакль шел своим чередом, кричали солдаты, визжал сошедший с ума король. Все эти звуки оглашали театр до самого решающего момента притворной смерти. При этой сцене почти весь зрительный зал издал отчетливый вздох. Дитер обнял Эльзу за плечо одной рукой, а другой собрал складки ее тонкой накидки вокруг шеи, всей своей позой словно показывая, что желает защитить спутницу, как испуганного ребенка. Так они просидели до самого окончания спектакля. Дали занавес. Оваций не последовало. Дитер нашел сумочку Эльзы, сказал ей что-то ободряющее и положил сумочку ей на колени. Она едва заметно кивнула ему в ответ. Раздалась предупреждающая барабанная дробь перед традиционным исполнением национального гимна в конце спектакля. Смайли инстинктивно поднялся и с удивлением заметил, что Мендель исчез. Дитер тоже медленно встал, и только тогда Смайли понял: что-то произошло. Эльза оставалась сидеть в кресле, и хотя Дитер, видимо,

уговаривал ее подняться, никак на это не реагировала. Да и поза, в которой она сидела, казалась странной. Потом ее голова упала на грудь...

Звуки гимна еще звучали, когда Смайли выбежал за дверь, бросился вдоль коридора, а потом спустился по широким каменным ступеням в вестибюль. Но было уже поздно. Путь ему преградила толпа зрителей из той категории, которые готовы уйти раньше времени, лишь бы первыми поймать такси. Он лихорадочно искал глазами Дитера, но уже знал, что это дело безнадежное. Дитер поступил так, как поступил бы он сам, — воспользовался одной из аварийных дверей, вышел прямо на улицу и скрылся. Тараня встречных своим невысоким, плотным телом, Смайли пробился сквозь толпу к входу в зал, где заметил Гиллама, метавшегося в поисках Дитера и Эльзы. На его окрик Гиллам обернулся.

Все еще двигаясь против течения, они дошли до заднего ряда партера, где увидели Эльзу Феннан, по-прежнему сидевшую без признаков жизни, в то время как уже все вокруг давно устремились к выходу. А потом раздался крик. Это был внезапный резкий и тонкий вопль, в котором смешались ужас и отвращение. В проходе, глядя на Эльзу, стояла девушка, совсем еще юная и очень красивая. Пальцы правой руки она прижала ко рту. У нее за спиной выросла высокая, осанистая фигура ее отца. Когда он понял, что случилось, то моментально ухватил дочь за плечи и увлек прочь от жуткого зрелища.

Накидка соскользнула с плеч Эльзы, а голова так и оставалась прижатой подбородком к груди.

Вот где Смайли оказался прав. «Пусть попытаются бежать, запаникуют, устроят переполох... Что угодно. Но необходимо действие с их стороны...» И вот какое действие последовало: это изломанное, а теперь еще и задушенное тело красноречивее всего свидетельствовало о том, насколько Дитер поддался панике.

— Тебе лучше сразу вызвать полицию, Питер. А я отправлюсь домой. Не хочу, чтобы мое имя фигурировало в этом деле. Где меня найти, ты знаешь. — Он кивнул и повторил, словно самому себе: — Я отправлюсь домой.

Стоял туман и лил довольно сильный дождь, когда Мендель быстро перебежал Фулем-Пэлас-роуд, преследуя Дитера. Фары

автомобиля внезапно появились из мокрой пелены в двадцати ярдах от него. В ненастье шум транспорта казался визгливым и каким-то особенно нервным.

Однако у Менделя не оставалось выбора, кроме как двигаться, не разбирая дороги, и сидеть «на хвосте» у Дитера, стараясь не отпустить его вперед дальше чем на двадцать шагов, чтобы не потерять из виду, а самому не попасть на глаза. Пабы и кинотеатры уже закрылись, но кофейни и танцевальные залы все еще привлекали посетителей, местами шумной гурьбой запруживавших тротуары. Видя хромавшего впереди Дитера, Мендель замерял расстояние между ним и собой по свету фонарных столбов, замечая, как высокий силуэт то пропадал из виду, то снова появлялся в очередном световом конусе.

Увечье не мешало Дитеру двигаться очень резво. Но когда он ускорял шаг, хромота делалась заметнее и создавалось впечатление, что левую ногу он может переставлять только мощным усилием всего плечевого пояса.

Примечательным было и выражение лица Менделя. Оно отражало не ненависть, не решительную настойчивость, а откровенное омерзение. Для Менделя все сложности и тонкости профессии Дитера не значили ровным счетом ничего. В поле зрения он видел сейчас только грязного преступника, подонка и труса, который платил подручным за убийства. Когда в зрительном зале Дитер незаметно отделился от остальной аудитории и направился к пожарному выходу, Мендель увидел лишь то, что и ожидал увидеть как полицейский: заурядную попытку преступника уйти от наказания. Это было предсказуемо и понятно. Мендель не делил криминальный мир на классы. Для него воришка-карманник и крупный корпоративный воротила, присваивавший огромные суммы, были одного поля ягодами. Они преступили закон, и его, Менделя, не слишком приятная, но необходимая задача заключалась в том, чтобы посадить их за решетку. И что из того, если этой ночью ему пришлось иметь дело с немцем?

Туман стал плотнее и приобрел чуть желтоватую окраску. Ни на том, ни на другом не было верхней одежды. «Как там сейчас миссис Феннан?» — подумал Мендель. Ничего. Гиллам о ней позаботится. Странно только, что она даже не проводила Дитера взглядом, когда тот совершал побег. Впрочем, она вообще странная особа. Кожа да кости,

но держится неплохо, хотя, похоже, питается одними крекерами и бульонами из кубиков.

Дитер резко свернул направо в переулок, а потом налево в другой. Они шли вот так уже почти час, но немец и не думал замедлять ход. Переулок казался совершенно вымершим. По крайней мере Мендель точно не слышал звуков других шагов. Только их собственные — четкие и сбивчивые, и их эхо заметно искажал туман. По обе стороны тянулись почти сплошь Викторианской эпохи дома, местами обновленные в стиле ридженси с тяжеловесными фасадами и подъемными оконными рамами. По прикидкам Менделя, они находились в районе Фулем-Бродвей, а быть может, уже и дальше — на подходе к Кингз-роуд. Но Дитер неумоимо двигался вперед, его искривленная фигура рассекала туман уверенно и как будто даже целеустремленно.

Когда они снова приблизились к перекрестку с крупной магистралью, Мендель услышал тот же заунывный шум транспортного потока, в котором машины двигались чуть ли не на ощупь. Порой движение вообще замирало. Затем прямо у них над головой мрак чуть рассеял бледный свет уличного фонаря, лампа которого в туманной ауре напоминала нечто вроде зимнего солнца. Дитер секунду колебался, стоя на краю тротуара, а потом, презрев опасность угодить под колеса одного из почти невидимых автомобилей, поспешно пересек дорогу, нырнув затем в очередной из многочисленных узких переулков, которые, как Мендель знал наверняка, все вели вниз к реке.

Одежда Менделя промокла насквозь, по щекам стекали тонкие струйки дождя. Теперь они уже точно подошли к самой реке; ему казалось, что до него доносятся запахи смолы и кокса, а телом он начал ощущать вечный холод, исходивший от темных вод Темзы. На мгновение он решил, что потерял Дитера из виду. Быстро рванулся вперед, споткнулся о бордюрный камень, прошел еще немного вперед и увидел перед собой стальное ограждение набережной. Ступени вели к воротам, которые оказались чуть приоткрыты. Встав рядом с ними, он посмотрел вниз. Отсюда к воде спускались крепкие деревянные сходни, и Мендель услышал, как скрытый туманом Дитер следует этим необычным путем — его неровные шаги эхом разносились по округе. Выждав немного, Мендель осторожно и почти бесшумно тоже спустился по сходням. Это была не времянка, а основательно

сработанный трап с сосновыми перилами по обеим сторонам, и Мендель понял, что сделали этот спуск к воде уже довольно давно. Закачивался он чем-то вроде примитивного дебаркадера из нескольких пустых топливных бочек, накрытых настилом из досок. К этому плоту-пристани были пришвартованы три примитивных плавучих домика, которые тихо покачивались на воде, едва различимые в тумане.

Мендель беззвучно прокрался по настилу, рассматривая каждый из домиков-барж по очереди. Два из них оказались соединены вместе переброшенными между ними досками. Третий располагался футов в пятнадцати позади, и в его каюте горел свет. Мендель вернулся на набережную, слегка прикрыв за собой воротца.

Потом он медленно пошел вдоль мостовой, все еще не до конца уверенный, где именно находится. Минут через пять дорога повернула вправо и плавно пошла в гору. Он догадался, что поднимается на мост. Щелкнув зажигалкой, Мендель в длинном языке ее пламени разглядел сначала только камни, а потом и грязноватую металлическую табличку с названием: мост Баттерси. Вернувшись к проходу в ограждении, он окончательно сориентировался на местности.

Где-то правее его прятались в тумане четыре массивные трубы фулемской тепловой электростанции. Слева протянулась Чейни-уок с длинными рядами дорогих яхт у настоящих причалов. А он стоял как раз в том месте, где проходила граница между богатством и бедностью, где Чейни-уок встречалась с Лотс-роуд — одной из самых уродливых улиц во всем Лондоне. Ее южная часть была застроена складами, верфями и мельницами, а по северной стороне ютились более похожие на лачуги дома, типичные для этой части Фулема.

Стало быть, прямо под сенью труб электростанции и не более чем в шестидесяти футах от богатых причалов Чейни-уок нашел для себя потайное убежище Дитер. Менделю это место было хорошо знакомо еще по одной причине. Всего в нескольких сотнях ярдов выше по течению из мутных вод Темзы были выловлены останки Адама Скарра.

Глава 16

Эхо в тумане

Уже давно перевалило за полночь, когда в доме Смайли зазвонил телефон. Он поднялся из кресла, стоявшего у камина, и поплелся наверх в спальню, крепко держась правой рукой за перила. Это наверняка был Питер или полиция, и теперь ему придется выступить с официальным заявлением. Или даже кто-то из прессы. Убийство произошло достаточно рано, чтобы сообщения о нем попали в завтрашние газеты, но, к счастью, слишком поздно, чтобы его мусолили в утренних новостях телевизионщики. Какие будут заголовки? «Маньяк-убийца в театре»? «Таинственная смерть неизвестной женщины»? Он ненавидел газеты такой же лютой ненавистью, как рекламу и телевидение вообще. Он ненавидел все средства массовой информации — неизлечимую чуму двадцатого столетия. Все, чем он восхищался или любил, было интимно и индивидуально. Вот почему он так ненавидел сейчас Дитера, как никогда сильно презирал его извечную веру, что личность всегда следует приносить в жертву, если это в интересах масс. Где и когда массовая философия порождает мудрость или приносила благо? Для Дитера отдельная человеческая жизнь не представляла ценности: в мечтах ему виделись армии безликих мужчин и женщин, которых связывает между собой только общность самых примитивных целей; он стремился сформировать мир как идеальной формы дерево, отсекая от него все, что выбивалось из ровной кроны. Именно для этого он воспитывал бездумные и бездушные автоматы, подобные Мундту. Тот как раз и был прообразом безликой армии Дитера, отменно обученный убийца и производитель еще более совершенной породы убийц.

Он снял трубку и назвал свой номер. Это был Мендель.

— Где ты?

— Рядом с набережной Челси. Паб называется «Воздушный шар», на Лотс-роуд. Хозяин — мой друг. Я разбудил его среди ночи... Послушай, приятель Эльзы затаился в плавучем доме, пришвартованном рядом с местной мукомольней. Чудо, что он сумел туда добраться. В этом тумане ходить — как читать по Брайлю.

— О ком ты?

— О ее дружке. Который был с ней в театре. Что с вами, мистер Смайли? Проснитесь же наконец!

— Ты выследил Дитера?

— А то! Ведь ты так и сказал Гилламу, верно? Он должен был присматривать за женщиной, а я — за мужчиной... Кстати, как дела у Гиллама? Как поживает наша Эльза?

— Никак. Она была уже мертва, когда Дитер скрылся. Мендель, ты слушаешь? Как, черт возьми, мне тебя найти? Что это за место? Оно известно полиции?

— Разумеется. Скажи им, что это переделанная под жилье баржа под названием «Сансет хейвен». Она стоит на приколе у восточной стороны верфи Сеннен, между мельницей и фулемской электростанцией. Они найдут ее... Хотя туман густой. Дьявольски густой.

— Где мы с тобой встретимся?

— Поезжай вдоль реки. Я буду ждать тебя у северной оконечности моста Баттерси.

— Приеду сейчас же. Только позвоню Гилламу.

У Смайли где-то хранился пистолет, и он подумал было прихватить его с собой. Но потом решил, что в этом нет смысла. И кроме того, ему устроят дикий скандал сами же власти^[12], если он пустит его в ход. Он позвонил Гилламу домой, передал информацию от Менделя и добавил:

— Питер, передай им, чтобы перекрыли все порты и аэровокзалы. Особенно тщательно пусть следят за водными артериями и проверяют все суда, выходящие в море. Впрочем, их этому учить не надо.

Он надел старый макинтош, натянул плотные кожаные перчатки и поспешил выйти на окутанную туманом улицу.

Полицейский ждал у моста. Они кивнули друг другу, и Мендель быстрым шагом повел его вдоль набережной, держась между оградой набережной и рядом высаженных вдоль нее деревьев. Внезапно Мендель остановился и предостерегающе ухватил за рукав Смайли. Они замерли, вслушиваясь. А потом Смайли тоже расслышал эти звуки — гулкие шаги по дощатому настилу, нестройные шаги хромого. Раздался скрип железной калитки, а потом звон, когда она закрылась. И снова шаги, но теперь уже по асфальту. Они делались громче,

приближаясь к ним. Смайли затаил дыхание, одновременно пристальнее всматриваясь в туман, стремясь проникнуть в него хотя бы на ярд глубже, чтобы быстрее увидеть фигуру, которая пока скрывалась за ним.

А потом он внезапно выскочил прямо на них, подобно дикому зверю, разметав в стороны, как детей, и побежал дальше, снова поглощенный туманом. Только эхо шагов гулко отдавалось в ночи. Они пришли в себя и бросились за ним. Мендель бежал чуть впереди, а Смайли следовал по пятам, стараясь двигаться как можно быстрее, все еще под впечатлением от того, как Дитер с пистолетом в руке вылетел на них из пелены тумана. Тень Менделя впереди резко свернула вправо. Смайли слепо повторил его маневр. Затем ритм бега внезапно нарушили звуки борьбы. Смайли сделал еще несколько шагов и отчетливо услышал звук, который ни с чем невозможно было спутать — тяжелый удар металла по человеческому черепу. Через секунду он разглядел их. Мендель лежал на земле, а Дитер склонился над ним, уже поднимая оружие, чтобы еще раз ударить в висок рукояткой массивного автоматического пистолета.

Смайли никак не мог отдышаться. Его грудь горела от горького, пропитанного туманом воздуха, во рту тоже ощущались жар и сухость, а еще почему-то привкус крови. Едва восстановив дыхание, он в отчаянии выкрикнул:

— Дитер!

Фрей посмотрел на него, кивнул и ответил:

— Servus^[13], Джордж! — И нанес Менделю еще один тяжелый и жестокий удар рукояткой пистолета. Потом медленно выпрямился во весь рост. Пистолет был опущен, но Дитер уже взялся за него обеими руками и начал поднимать ствол.

Смайли инстинктивно бросился на него, начисто забыв, что никогда не владел приемами рукопашного боя, размахивая короткими руками и растопырив ладони. Его голова находилась на уровне груди Дитера, которого он молотил по спине и бокам почти без всякого эффекта. Но Смайли был в бешенстве и неожиданно обнаружил, сколько сил может бешенство придать человеку. Он пер на Дитера, заставляя того пятиться к самой ограде моста, где хромая нога неожиданно подвернулась. Смайли чувствовал, как Дитер наносит ему

удар за ударом, но смертельного так и не последовало. Он орал на Дитера:

— Свинья! Свинья!

А когда немец пошатнулся, обнаружил, что руки у него опять свободны, чтобы попытаться еще раз вцепиться ему в лицо, ударить неуклюже, по-детски. В момент, когда Дитер отклонился назад, перед Смайли вдруг возникли его неприкрытое горло и подбородок, и тогда он изо всех сил выбросил кулаки вперед. Дитер сдавливал Смайли шею, но потом ему вдруг пришлось ухватить противника всего лишь за воротник, только бы избежать падения через балюстраду моста. Смайли последним отчаянным усилием стряхнул его руки, и вот они уже не находили опоры, а Дитер перевалился через ограду и падал, падал в клубившийся под мостом туман. Потом наступила странная тишина. Ни крика, ни всплеска воды. Он исчез. Стал человеческим жертвоприношением лондонскому туману и черной воде, скрывавшейся под ним.

Смайли перегнулся и посмотрел вниз. В голове у него громко стучало, из носа обильно текла кровь, сломанные пальцы правой руки бессильно повисли. Перчатки куда-то пропали. Он вглядывался в туман, но ничего не мог разглядеть.

— Дитер! — позвал он, все еще не в силах мыслить разумно. — Дитер!

Он бы кричал еще, но поперхнулся рыданием, и слезы хлынули из глаз.

— О Боже! Что я наделал? Господи, Дитер! Почему ты не остановил меня? Почему не ударил пистолетом, почему не выстрелил?

Он прижал руки к лицу, ощущая на губах соленую кровь, смешавшуюся с такими же солеными слезами. Опершись на балюстраду, он продолжал плакать, как осиротевшее дитя. А прямо под ним калека, растерянный и выбившийся из сил, отчаянно пытался вырваться из темной и холодной пучины, но она не отпускала, затягивая его все глубже.

Он очнулся и увидел, что на краю его постели сидит Питер Гиллам и разливает по чашкам чай.

— О, Джордж! Пора просыпаться. Уже два часа дня.

— А что было утром?

— Этим утром, друг мой, вы распевали хоралы на мосту Баттерси вместе с товарищем Менделем.

— С Менделем? Кстати, как он там?

— Ему, конечно, справедливо стыдно за себя, но он быстро оправляется.

— А Дитер?

— Мертв.

Гиллам подал ему чашку и миндальный бисквит из «Фортнумса».

— Давно ты уже здесь, Питер?

— Если вдаваться в подробности, то мы совершили два тактических маневра. Сначала тебя отвезли в больницу Челси, где тебе зализали раны и вкололи добрую дозу снотворного. А затем мы приехали сюда, и я уложил тебя в постельку. Не скажу, чтобы процедура раздевания мне понравилась. После чего мне пришлось сесть на телефон и, если можно так выразиться, показать нашим коллегам, где им необходимо навести порядок. Впрочем, я не забывал проведывать тебя. Купидон и Психея. Причем ты либо храпел, как лошадь, либо декламировал в бреду из Уэбстера.

— Боже!

— Что-то из его пьесы «Герцогиня Мальфи», как мне показалось. «В безумии просила я тебя убить столь милого мне друга, и ты послушался...» Чудовищная чушь, если честно, Джордж.

— Как полицейские нашли нас с Менделем?

— Ты, быть может, не помнишь, как поносил Дитера последними словами во всю глотку...

— Ах, конечно. Меня слышали.

— Да, слышали.

— А что Мэстон? Он что-нибудь говорил по этому поводу? Что он думает?

— По-моему, он выразил желание увидаться с тобой. Просил передать, чтобы ты зашел, как только придешь в нормальное состояние. Что же до его мыслей, то мне они не известны, если таковые вообще присутствуют. Чего тут думать-то?

— То есть как это?

Гиллам налил ему еще чая.

— А ты сам пораскинь мозгами, Джордж. Все три главных героя этой маленькой сказочки пошли на корм медведям. Никаких утечек

секретной информации за последние шесть месяцев зафиксировано не было. Неужели ты полагаешь, что Мастоу захочется копаться в деталях? Или ты думаешь, он горит желанием сообщить МИДу эти хорошие новости, а заодно признать, что мы умеем ловить шпионов, только если случайно спотыкаемся об их трупы?

В дверь позвонили, и Гиллам спустился вниз, чтобы открыть. Не без некоторой тревоги Смайли услышал, как он впустил гостя в прихожую, потом приглушенные голоса и, наконец, шаги вверх по лестнице. В дверь спальни постучали, и вошел Мастон. Он принес с собой букет таких невероятных размеров, словно только что побывал на выставке цветов. Сегодня пятница, вспомнил Смайли. Значит, вечером он устроит очередной прием в Хенли. При этом Мастон широко улыбался. Улыбку он успел нацепить, еще поднимаясь по лестнице.

— Джордж, старина! Всегда в бою.

— Да, боюсь, что так. Еще один несчастный случай.

Мастон скромно уселся на краешек постели, но устроился поудобнее, склонившись назад так, что рука уперлась в матрац по другую сторону ног хозяина.

После тягостной паузы он спросил:

— Вы получили мою записку, Джордж?

— Да.

Новая пауза.

— Ходят разговоры о создании в нашем ведомстве нового отдела, Джордж. Мы (то есть, конечно же, наше управление) чувствуем необходимость в развитии новых технологий. Особый интерес представляет космическая разведка. Должен с удовлетворением отметить, что и министерство внутренних дел поддерживает эту идею. Гиллам любезно согласился поделиться опытом и выдвинуть кандидатуру руководителя. Не согласитесь ли вы взяться за эту работу? Возглавить все дело. Разумеется, с соответствующим повышением и возможностью продолжать свою деятельность по достижении пенсионного возраста. В этом вопросе наш отдел кадров полностью на моей стороне.

— Спасибо... Но не мог бы я сначала обдумать предложение?

— Конечно, конечно. — Мастон явно ожидал другой реакции. — Когда вы сможете информировать меня о своем решении? Нам,

вероятно, понадобится подобрать новый персонал, если речь пойдет о спутниках и прочей технике... Подумайте в выходные, а в понедельник жду вашего ответа. Кстати, и министр хотел бы...

— Да. Я вас информирую. Это очень интересное предложение. Спасибо.

— Не за что. Кроме того, вы же знаете, что я всего лишь Советник, Джордж. Решение принималось коллегиально. А я лишь принес вам хорошие новости. Выполнил роль посыльного, не более того.

Затем Мэстон пристально посмотрел на Смайли и после некоторого колебания сказал:

— Я посвятил кабинет министров в некоторые подробности дела, насколько счел это целесообразным. Мы обсудили, что следует предпринять. Министр внутренних дел тоже присутствовал.

— Когда это было?

— Нынешним утром. Был поднят ряд очень серьезных вопросов. Мы рассматривали возможность вынесения ноты протеста правительству Восточной Германии и требования высылки из страны этого Мундта.

— Да, но мы не признали ГДР и не имеем с этой страной дипломатических отношений.

— Вот именно. Возникла загвоздка. Однако протест может быть передан и через третью сторону.

— Например, через Россию?

— Да, через Россию. Но в данном случае ряд факторов заставил нас воздержаться от подобного шага. По общему мнению, любая огласка в какой бы то ни было форме в конечном счете может негативно отразиться на наших собственных интересах. Уже сейчас в обществе наблюдается рост движения против перевооружения Западной Германии. Мы пришли к соглашению, что публикация материалов о любых действиях немцев против Великобритании — пусть даже за ними стоят русские — может только усилить подобные настроения. Ведь никаких доказательств, что Фрей действовал от имени русских, обнаружено не было. И в глазах публики он может предстать неким агентом объединенной Германии, совершившим преступления на территории нашей страны.

— Понятно.

— В настоящее время лишь весьма ограниченный круг лиц осведомлен о случившемся. И в этом смысле нам повезло. От имени полиции министр внутренних дел заявил, что они всеми силами будут стремиться принизить значение происшедших событий... Кстати, этот Мендель? Что он собой представляет? Ему можно доверять?

Одного этого вопроса было бы достаточно, чтобы Смайли возненавидел Мастона на всю жизнь.

— Да, безусловно.

— Вот и отлично. — Мастон поднялся. — Просто отлично. Что ж, мне пора перейти к другим делам. Могу я чем-то вам помочь?

— Нет, спасибо, Гиллам хорошо за мной присматривает.

Мастон встал в дверях.

— Всего хорошего, Джордж. Примите новую должность, мой вам совет, — произнес он быстро, но с очаровательной улыбкой, словно это действительно многое для него значило.

— Спасибо за цветы, — поблагодарил Смайли.

Дитер был мертв, и он убил его. Сломанные пальцы правой руки, ломота во всем теле, жуткая головная боль и тошнотворное чувство вины — все напоминало об этом. Дитер не стал стрелять, памятуя об их прежней дружбе. А Смайли забыл о ней. Они боролись, словно в облаке, рядом с водным потоком, на поляне среди леса безвременья. Встретились два друга, а сцепились, как два зверя. Дитер помнил, а Смайли нет. Они пришли из двух разных полушарий полуночи, из двух разных миров с различными мировоззрениями и принятыми нормами морали. Дитер — живой, подвижный, безапелляционный — сражался, чтобы построить иную цивилизацию. А Смайли — рационалист и охранитель устоев — боролся, чтобы помешать ему.

— О Господи, — сказал Смайли вслух, — так кто же из нас проявил себя как джентльмен?

Он с трудом выбрался из постели, начал одеваться и, стоя, даже почувствовал себя немного лучше.

Глава 17

Уважаемый советник

Уважаемый господин советник!

Я рассмотрел предложение отдела кадров о назначении на более высокую должность в нашем ведомстве. Сожалею, что на это потребовалось столь длительное время, но, как Вы знаете, я в последнее время был нездоров и, кроме того, был вынужден уладить целый ряд личных проблем, которые не входят в компетенцию нашей Организации.

Поскольку я не до конца восстановился после длительного недомогания, то посчитал бы самонадеянностью со своей стороны принять указанное предложение.

Прошу Вас лично довести это до сведения отдела кадров.

Уверен, Вам понятны мотивы моего решения.

Ваш

Джордж Смайли

Дорогой Питер!

К сему я прилагаю меморандум по делу Феннана. Это единственный экземпляр. Ознакомившись с ним сам, передай его, пожалуйста, Мاستону. Мне показалось важным изложить детально даже те события, которые якобы на самом деле не происходили вовсе.

Всегда твой Джордж

Дело Феннана

В понедельник 2 января я провел беседу с Сэмюэлом Артуром Феннаном, высокопоставленным сотрудником министерства иностранных дел, чтобы выяснить обоснованность выдвинутых против него обвинений, содержащихся в анонимном письме. Беседа была организована в соответствии с принятой процедурой, то есть с

разрешения представителей МИДа. Мы не владели никакой информацией, компрометирующей Феннана, за исключением его симпатий к коммунистам в Оксфорде в тридцатые годы, которым не придавалось особого значения. А потому собеседование в каком-то смысле становилось с нашей стороны чистой формальностью.

Кабинет Феннана в МИДе мы сочли неудобным местом для откровенного разговора, а потому перенесли его в парк Сент-Джеймс, чему способствовали благоприятные погодные условия.

Как выяснилось впоследствии, во время встречи мы были опознаны и находились под наблюдением агента разведки Восточной Германии, который сотрудничал со мной во время войны. Осталось невыясненным, было ли наблюдение за Феннаном установлено целенаправленно или же агент оказался в парке в одно время с нами случайно.

В ночь на 3 января полиция графства Суррей зафиксировала самоубийство мистера Феннана. В отпечатанной на машинке и подписанной покойным записке утверждалось, что причиной самоубийства были ложные обвинения, выдвинутые против него службой безопасности министерства обороны.

Однако в ходе расследования вскрылись нижеследующие факты, которые наводили на мысль, что было совершено преступление:

1. В 19.55 в вечер своей смерти Феннан сделал заказ на местной телефонной станции с просьбой позвонить ему в 8.30 на следующее утро.

2. Незадолго до смерти Феннан приготовил себе чашку какао, которое, однако, не выпил.

3. Предполагалось, что он застрелился в прихожей у подножия лестницы. Записка лежала рядом с телом.

4. Представляется маловероятным, что он сам напечатал предсмертную записку, поскольку пользовался пишущей машинкой крайне редко. Еще более странным выглядит следующее обстоятельство: для того чтобы покончить с собой, ему понадобилось спуститься в прихожую.

5. В день своей смерти он отправил мне письмо с настоятельной просьбой непременно встретиться с ним на следующий день и отобедать в одном из ресторанов на Марлоу.

6. Позже выяснилось также, что Феннан попросил на работе предоставить ему внеочередной выходной день на среду 4 января. Причем жену он в известность об этом не поставил.

7. Экспертами было отмечено, что предсмертную записку отпечатали на собственной машинке Феннана. И особенности ее шрифта совпадают с такими же особенностями в тексте анонимного письма. Лабораторный анализ показал, однако, что, хотя оба письма отпечатаны на одной машинке, их авторами были разные люди.

Когда миссис Феннан, которая в вечер смерти мужа находилась в театре, попросили объяснить заказанный на 8.30 утра телефонный звонок, она солгала, заявив, что заказала его сама. Сотрудники телефонной станции полностью изобличили ее ложные показания. Миссис Феннан утверждала, кроме того, что после беседы с сотрудником службы безопасности ее муж находился в состоянии тревоги и крайней подавленности, чем стремилась подкрепить содержание его «предсмертного письма».

Ближе к вечеру 4 января после моих встреч с миссис Феннан я вернулся к себе домой в Кенсингтон. Заметив сквозь окно постороннее присутствие в доме, я позвонил в дверь. Мне открыл мужчина, который, как установлено сейчас, является сотрудником разведывательной службы Восточной Германии. Он пригласил меня войти, но я отклонил предложение и вернулся к своей машине, запомнив по пути номера нескольких автомобилей, припаркованных рядом с моим домом.

В тот же вечер я нанес визит в небольшой гараж в Баттерси, чтобы установить происхождение одного из этих автомобилей, который был зарегистрирован на имя владельца гаража. При этом я подвергся нападению неизвестного преступника и был избит до бессознательного состояния. Тремя неделями позже сам владелец гаража, Адам Скарр, был найден мертвым в водах Темзы поблизости от моста Баттерси. Скарр утонул, будучи в нетрезвом состоянии. На его теле не обнаружили следов насилия, и он был известен как человек, сильно пьющий.

Для нашего дела важно отметить, что в последние четыре года Скарр сдавал машину в аренду неизвестному иностранцу, за что получал более чем щедрое денежное вознаграждение. Договор между

ними предусматривал сохранение в тайне личности нанимателя автомобиля даже от самого Скарра, который знал своего клиента только под кличкой Блондинчик, а связь мог поддерживать исключительно по телефону. Необходимо отметить, что данный телефон принадлежал представительству сталелитейной промышленности ГДР.

В ходе расследования было проверено алиби миссис Феннан на вечер смерти мужа, и в результате вскрылись важные факты:

1. Миссис Феннан посещала спектакли репертуарного театра в Уэйбридже дважды в месяц — в первый и третий вторник. (N.B.: Клиент Адама Скарра забираал прокатную машину из гаража также в первый и третий вторник каждого месяца.)

2. Она всегда привозила с собой папку с нотами и оставляла ее в гардеробе театра.

3. При посещении театра она неизменно встречалась с мужчиной, чья внешность, по словам свидетелей, совпадает с внешностью напавшего на меня преступника и одновременно клиента мистера Скарра. Одна из сотрудниц театра даже ошибочно посчитала этого мужчину мужем миссис Феннан. Он тоже приносил с собой папку с нотами, которую оставлял в гардеробе.

4. В вечер смерти мужа миссис Феннан покинула театр раньше окончания спектакля, поскольку ее обычный спутник не явился на встречу, причем забыла забрать из гардероба нотную папку. Позже в тот же вечер она позвонила в театр и попросила вернуть ей папку, хотя квитанцию от нее якобы потеряла. За папкой приехал тот же мужчина, который регулярно встречался с миссис Феннан.

К тому времени уже было установлено, что данный мужчина является сотрудником представительства сталелитейной промышленности Восточной Германии по фамилии Мундт. Руководителем этой торговой миссии был герр Дитер Фрей, во время войны сотрудничавший с нашей разведкой и имевший обширный опыт оперативной работы. После войны он поступил на государственную службу в советской оккупационной зоне Восточной Германии. Необходимо отметить, что в военное время Фрей действовал во взаимодействии со мной на вражеской территории, показав себя блестящим и опытным агентом.

После этого я решил провести третью беседу с миссис Феннан, в ходе которой она не выдержала нервного напряжения и призналась, что являлась курьером, обслуживая шпионскую миссию своего мужа, который был завербован Фреем во время отпуска в горах пять лет назад. Сама она участвовала в этом против воли отчасти из любви к мужу, отчасти исходя из желания уберечь его от ошибок, к которым могла привести свойственная ему рассеянность. Фрей видел, как Феннан беседовал со мной в парке. Зная меня все еще как офицера службы безопасности, Фрей пришел к выводу, что Феннан либо находится под подозрением британских властей, либо уже играет роль двойного агента. По его заданию Мундт ликвидировал Феннана, а его жену принудила к молчанию собственная вовлеченность в шпионскую деятельность. Она даже собственноручно напечатала «предсмертное письмо» мужа на листе бумаге, ранее подписанном Феннаном.

Способ, с помощью которого она передавала Мундту разведывательные материалы, добытые мужем, имеет непосредственное отношение к делу. Оригиналы и копии документов она помещала в папку для нот, которую брала с собой в театр. Мундт приносил аналогичную папку, содержащую деньги и дальнейшие инструкции, также оставляя ее в гардеробе. Затем им оставалось лишь обменяться гардеробными квитанциями. Когда Мундт не появился в театре в вышеупомянутый вечер, миссис Феннан, следуя полученным ранее указаниям, отправила квитанцию срочной почтой по адресу в Хайгейте. Она покинула спектакль раньше окончания, чтобы успеть ко времени последней отправки корреспонденции из Уэйбриджа. Когда позже в тот вечер Мундт спросил, где ее нотная папка, она объяснила ему, как вынуждена была поступить. Мундт настоял на том, чтобы забрать папку сразу, поскольку возвращение в Уэйбридж в его дальнейшие планы не входило.

Когда на следующее утро я допросил миссис Феннан, мой вопрос по поводу звонка в 8.30 настолько встревожил ее, что она позвонила Мундту. Это и объясняет попытку ликвидировать меня в тот же день.

Миссис Феннан под давлением с моей стороны сообщила адрес и номер телефона, которые она использовала для контактов с Мундтом (она знала его под оперативным псевдонимом Фрайтаг). И адрес, и телефон привели к квартире, нанятой восточногерманским пилотом, который часто предоставлял ее в распоряжение Мундта. Сам пилот (по

всей вероятности — один из курьеров разведки ГДР) на территории нашей страны после 5 января не появлялся.

К этому, таким образом, сводились показания миссис Феннан, которые в конечном счете заводили нас в тупик. Шпион был мертв, его убийца исчез. Нам оставалось лишь оценить размер нанесенного стране ущерба. По нашему запросу мистер Феликс Тавернер из МИДа провел анализ материалов, которые могли попасть в руки противника. Прежде всего это касалось документов, к которым имел доступ Феннан со времени своей вербовки Фреем. И, как выяснилось, к нашему немалому удивлению, немецкая разведка практически не получала через него доступа к секретным данным. Феннан не стремился заручиться закрытой информацией, если она не касалась деятельности его собственного отдела. Более того, с тех пор как шесть месяцев назад его доступ к секретным документам существенно расширился, он вообще не выносил с работы никаких досье, которые можно было бы отнести к категории содержащих государственные тайны. Материалы, которые он брал на дом в этот период, носили исключительно локальный характер и не имели грифа «секретно». Это противоречило взгляду на Феннана как на агента иностранной разведки. Впрочем, сохранялась вероятность, что он им какое-то время являлся, но затем решил оборвать связи с вражеской агентурой. В этой связи представляется вероятным, что он сам написал анонимное письмо, чтобы привлечь к себе внимание контрразведки Британии.

В данном контексте необходимо упомянуть еще о двух существенных фактах. Под вымышленным именем и по фальшивому паспорту Мундт покинул нашу страну в тот же день, когда миссис Феннан сделала мне свои признания. Ему удалось проникнуть на борт самолета, но позже он был опознан сотрудниками авиакомпании. Кроме того, в ежедневнике Феннана были открыто упомянуты имя и контакты Дитера Фрея — слишком очевидное нарушение элементарных принципов шпионажа.

Было трудно понять, почему Мундт задержался в Великобритании на долгие три недели после убийства Скарра, но еще труднее объяснить, каким образом роль, приписанная мужу его женой, была совместима с его полнейшей пассивностью в работе с секретными материалами. Неоднократное рассмотрение и изучение данных следствия подвело нас к выводу: единственным подтверждением

шпионской деятельности Феннана были показания его супруги. Если бы ее признания соответствовали действительности, она была бы устранена Фреем и Мундтом, как и все, кто располагал опасной для них информацией.

И тогда возник вопрос: а не была ли шпионкой она сама?

Это объяснило бы время бегства из страны Мундта — он вылетел в Восточный Берлин, как только миссис Феннан заверила, что я «клюнул» на ее ложные признания. Это легко пролило бы свет на запись фамилии и номера телефона в ежедневнике Феннана: для него Дитер Фрей был всего лишь знакомым любителем прогулок в горах и, быть может, порой гостем их дома в Уоллистоне. Находит объяснение и еще одна странность — выбор Феннаном материалов, которые он приносил с работы. Уже получив доступ к действительно секретной информации, он намеренно брал с собой только ничего не значившие досье, потому что начал подозревать жену в шпионаже. Для того он, видимо, и решился встретиться со мной повторно на Марлоу, чтобы поделиться этими подозрениями, когда понял, что может мне доверять. Для этого он попросил предоставить ему свободный от работы день, но ничего не сказал жене. Анонимку на самого себя он явно написал с одной целью — вступить в первичный контакт со службой безопасности, чтобы в дальнейшем разоблачить жену.

Если взглянуть на миссис Феннан с этой точки зрения, то бросаются в глаза ее исключительная эффективность и точность в выполнении полученных заданий, которые плохо вяжутся с ее утверждениями, что она являлась всего лишь невольной соучастницей в предательской деятельности своего мужа.

Однако, даже заподозрив миссис Феннан в шпионаже, мы все еще не имели оснований полагать, что ее показания о случившемся в ночь убийства Феннана тоже были лживыми. Если бы она заранее знала о намерении Мундта убить ее мужа, то не взяла бы с собой в театр папку с нотами и не стала бы посылать квитанцию из гардероба по почте.

Добыть доказательства против нее не представлялось возможным, не активировав ее контакта с непосредственным куратором. Во время войны Фрей разработал хитроумную систему кодов для связи в экстренных ситуациях с использованием либо фотографий, либо почтовых открыток. Суть сообщения заключалась в изображении. Религиозный сюжет — образ Мадонны или фотография церкви —

содержал просьбу о срочной личной встрече. В ответ получатель открытки отправлял вполне невинное письмо. Необходимо было только точно датировать его. Тогда randevу происходило в условленное время и в условленном месте ровно через пять дней после отправки письма.

Существовала вероятность, что Фрей, чьи методы мало изменились со времен войны, все еще придерживался этой системы, прибегать к которой в новых условиях в любом случае приходилось крайне редко. В надежде на это я отправил Эльзе Феннан открытку с изображением Вестминстерского аббатства. Причем использовал почтовое отделение в Хайгейте. У меня были основания полагать: она поверит, что отправителем был непосредственно Дитер Фрей. И она отреагировала немедленно, послав по неизвестному адресу за границей билет на театральный спектакль в Лондоне, который должен был состояться ровно через пять дней. Послание миссис Феннан достигло Фрея, который воспринял его как просьбу о встрече. Поскольку Мундт уже был скомпрометирован «признанием» миссис Феннан, ему не оставалось ничего, кроме как приехать самому.

Так они и встретились в театре «Шеридана» в Хаммерсмите на спектакле 15 февраля.

Поначалу каждый из них предполагал, что инициатором встречи был другой, но как только Фрей осознал, что его завлекли в театр обманом, он пошел на крайние меры. Вероятно, он заподозрил, что миссис Феннан предала его, что он в ловушке и под наблюдением. Этого мы уже никогда не узнаем. Как бы то ни было, но он убил ее. Примененный им метод описан в отчете патологоанатома так: «Однократное сдавливание трахеи с переломом щитовидного хряща, приведшее к мгновенной смерти, — прием профессиональных убийц».

Затем Фрея отследили до его тайного убежища в плавучем доме в районе Чейни-уок, где, оказывая сопротивление при аресте, он погиб, утонув в реке, откуда позже был извлечен его труп.

Глава 18

Меж двух миров

По воскресеньям мало уважаемый клуб Смайли обычно пустовал, но миссис Стерджен все равно держала двери открытыми на случай, если кому-то из джентльменов захочется заглянуть на огонек. К членам клуба она относилась с такой властной нежностью, как и к своим жильцам в тот период, когда еще сдавала комнаты студентам Оксфорда, где требовала от юношей больше почтительного уважения, чем весь профессорско-преподавательский состав, вместе взятый. Впрочем, простить она могла любое прегрешение, но только каждый раз давала понять, что прощает впервые, единожды и в последний раз. Все помнили случай, когда она покарала Стида-Эспри десятью шиллингами за то, что он притащил с собой без предупреждения сразу семерых гостей. Но зато какой незабываемый ужин она им потом закатила!

Сегодня они расположились за тем же столиком, что и прежде. Мендель выглядел еще более осунувшимся и как будто немного постаревшим. За едой он почти не разговаривал, орудуя ножом и вилкой с той же точностью, с какой умел владеть любыми инструментами. Гилламу приходилось говорить за троих, потому что Смайли тоже казался не слишком расположенным к беседе. Но к этому времени все трое уже чувствовали себя настолько уютно в обществе друг друга, что каких-то особых слов и не требовалось.

— Зачем она это делала? — неожиданно спросил Мендель.

Смайли медленно покачал головой:

— Мне кажется, я знаю, хотя это все равно только догадки. Помоему, она мечтала о мире, где не будет конфликтов, о доктрине, которая гарантирует мир и порядок для всех. Я рассердил ее, и она выкрикнула: «Я — Вечная Жидовка — всегда на ничейной земле и под огнем с двух сторон там, где вы играете в солдатики!» Она видела возрождение новой Германии на старых принципах, возвращение тщеславного шовинизма. Ей было трудно это пережить, видя всю тщетность пережитых страданий, наблюдая, как процветают те, кто ее угнетал. Она же сказала, что они познакомились с Дитером пять лет

назад, когда катались на лыжах в Германии. А к тому времени реваншистские настроения там были уже в полном разгаре.

— Она была коммунисткой?

— Не думаю, что ей вообще нравились ярлыки. Она хотела жить в обществе без конфликтов. Слово «мир» в наши дни стало чуть ли не ругательством, а она стремилась жить в мире.

— А Дитер?

— Бог знает, чего добивался Дитер. Почестей для себя, как мне кажется, и социализма для всех. — Смайли пожал плечами. — Они мечтали о мире и свободе. А их заклеили как убийц и шпионов.

— Боже милосердный, — вздохнул Мендель.

Смайли снова замолчал, глядя в бокал, а потом сказал:

— Даже не жду, что вы поймете меня. Вы видели, как Дитеру пришел конец, но не видели, с чего он начинал. Он как бы прошел по замкнутому кругу, потому что со времен войны так и не научился прощать предательства. Предателей он всегда наказывал. Но в результате, пытаясь что-то строить, только и делал, что разрушал. Вот и все.

Гиллам счел, что пора сменить тему:

— Так что же насчет звонка в восемь тридцать?

— Теперь это уже очевидно. Феннану не нужно было на службу, и он заказал звонок, чтобы всего лишь не опоздать на встречу со мной. Естественно, жене он не мог этого объяснить. Она ничего не знала, иначе заготовила бы вполне правдоподобную версию в ответ на мои расспросы. Только и всего.

В жарко натопленном камине бушевало пламя.

Он сел в полуночный самолет до Цюриха. Ночь выдалась ясная и красивая. В окошко иллюминатора ему казалось, что серое крыло лайнера совершенно неподвижно на фоне усыпанного звездами неба — вечного неба, единого меж двух миров. Это зрелище уняло его опасения и сомнения, напомнило, что среди непостижимости Вселенной лучше всего быть фаталистом. Сейчас все казалось ничтожным и жалким. И стремление к любви, и вождение одиночества.

Вскоре показались огни французского берега. Глядя вниз, он даже вообразил себе жизнь там, внизу: терпкий запах французских сигарет, аромат чеснока и вообще вкусной еды, неизменно громкие голоса

завсегдаев быстро. Как хорошо, что Мэстон был сейчас в миллионе миль от него, запертый в своей сухой бумажной пустыне в компании блестящих политических деятелей.

Сам же Смайли должен был казаться другим пассажирам самолета довольно-таки странной фигурой — низкорослый толстячок с мрачным выражением лица, который вдруг оживился, заулыбался и попросил стюардессу принести ему выпить. Рядом с ним сидел молодой светловолосый мужчина, который покосился на него, всем своим видом говоря: «Знаем мы таких! Биржевой делец решил немного развлечься в выходные. Отвратительный тип!»

notes

Примечания

Боб Крэтчит — персонаж книги «Рождественские истории» Ч. Диккенса. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Кестлер, Артур (1905–1983) — британский писатель и журналист, уроженец Венгрии, еврейского происхождения.

Имеется в виду бывший офицер МИ-5, автор скандальной книги «Ловец шпионов».

Намеренно искаженное французское выражение: расставание — это маленькая смерть.

Английского доцента (нем.).

Креп-сюзетт, десерт: блинчики с апельсиновым соусом (*фр.*).

Как и в большинстве европейских баров, выпивка за стойкой в английских пабах стоит дешевле, чем за столом в зале.

Сорок монет — в данном случае сорок шиллингов, или восемь фунтов.

Имеется в виду Уормвуд-Скрабс — известная лондонская тюрьма.

Имеется в виду поход безработных шахтеров в Лондон в ноябре 1936 г.

В те времена спецтранспорт еще не был оборудован сиренами.

Привет (нем.).

13

Привет (*нем.*).